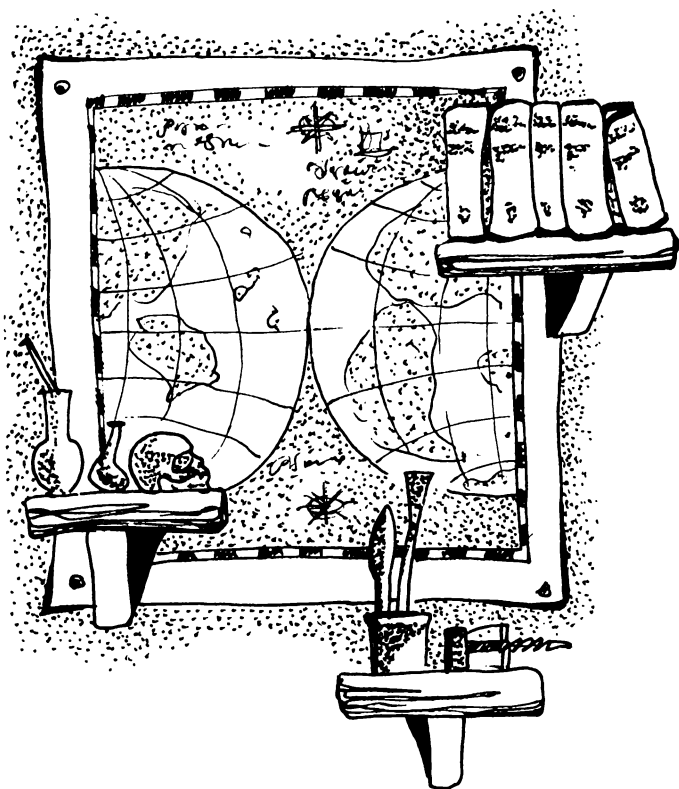

М.Б. Медникова

ТРЕПАНАЦИИ
В ДРЕВНЕМ МИРЕ
И
КУЛЬТ ГОЛОВЫ

Москва
«АЛЕТЕЙА»
2004

ББК 63.5:56.13г
М42

*Исследование выполнено в Институте археологии
Российской Академии наук*

Серия «VITA MEMORIAE». Основана в 1996 г.

Медникова М.Б.

М42 Трепанации в древнем мире и культ головы. — М.: Алетея, 2004. — 208 с.: ил. — (Vita memoriae).
ISBN 5-98639-002-4

В книге доктора исторических наук М.Б. Медниковой собрана информация о самых загадочных и древних операциях, производившихся в прошлом, — о трепанациях черепа.

Автор прослеживает возникновение и географическое распространение трепанаций в Старом и Новом Свете; обсуждает причины операций — медицинские и ритуальные; рассматривает вопрос об истоках ритуалов в первобытном обществе. Книга предназначена для историков, антропологов, медиков и для самого широкого круга читателей.

ББК 63.5:56.13г

ISBN 5-98639-002-4

© Издательство «Алетея», 2004
© Медникова М.Б., 2004

«— ...Вы знаете, что тартары делают дырки в голове у людей?

— Конечно. Тысячи лет уже делают. В Тунгусской кампании мы захватили живьем пять тартар, и у троих были дырки в черепе. У одного даже две.

— Они и друг другу их делают?

— А как же. Сперва надрезают кожу по кругу на голове, чтобы поднять лоскут и открыть череп. Потом вырезают кружок из черепа, очень аккуратно, чтобы не задеть мозг, потом зашивают кожу.

— Я думала, они делают это с врагами!

— Ну что ты! Это большая привилегия. Чтобы боги могли с ними говорить».

В этом отрывке из популярной «сказки для взрослых» современного английского писателя Филипа Пулмана «Северное сияние», как ни странно, заключено основное содержание нашей книги.

Нет на карте мира мистической страны Тартарии, так же как нет в природе бронированных медведей и многих других загадочных существ. Но были в истории человечества таинственные цивилизации, описание обычаев которых может послужить сюжетом не для одного фантастического романа. История ушедших народов известна нам далеко не полностью. Изучая более близкие к нам периоды, мы можем опираться на письменные источники. Но письменность — довольно позднее изобретение, и ранние эпохи возможно постичь, лишь производя археологические раскопки. С археологией тесно связана палеоантропология — наука о древнем человеке, палеоантропологи посвящают свою

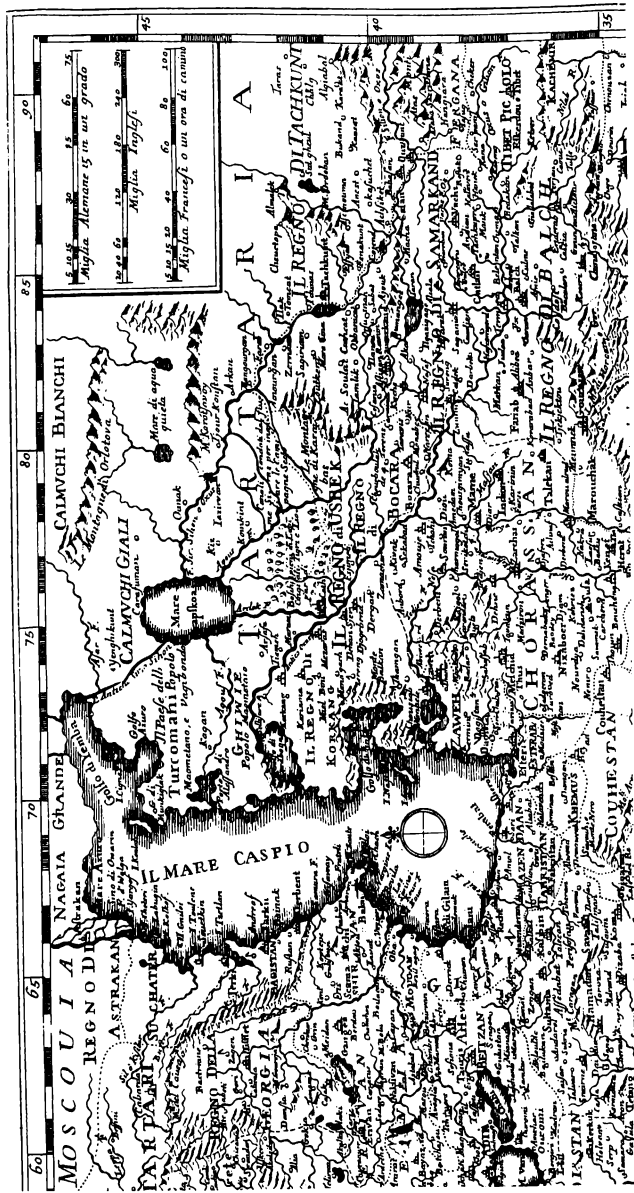

Рис. 1. Карта XVII в., на которой изображена страна Тартария

На самом деле страна Тартария существовала — в представлении средневековых европейцев. И географическое положение этой западной страны почти совпадало с территорией современной России. Это хорошо видно на карте, составленной в XVIII в. Исааком Тирином в Амстердаме и помещенной в пятом томе венедианского издания «Istoria moderna».

Как писали французские историки Э. Лависс и А. Рамбо, в Европе долгое время было модным считать самих русских монголами и татарами.

жизнь исследованию найденных при раскопках человеческих костей. Особая отрасль этой науки — палеопатология изучает болезни древних людей (ведь многие заболевания возникли далеко не сразу) и архаические методы лечения. Научные занятия палеоантропологов и палеопатологов имеют непосредственное отношение к теме этой книги.

Она посвящена довольно неожиданному и загадочному аспекту деятельности древнего человека — самым ранним хирургическим операциям. Поразительно, но операции, подобные тем, которые проводил архаический человек, и по сей день считаются одним из самых рискованных воздействий на организм человека, — это трепанации черепа (краниотомии).

Самое раннее письменное упоминание о трепанации содержится в сочинении Гиппократов «О ранах головы», в котором подробно описаны швы и кости черепа, их свойства в разных местах, шесть главных видов травм и показания к трепанации.

Научный в современном понимании интерес к трепанациям древности возник только во второй половине XIX в., когда совершались громкие археологические открытия. Сперва американский дипломат Е.Г. Сквайер нашел древний трепанированный череп в Перу и послал его на экспертизу крупнейшему специалисту того времени — французскому антропологу Полю Брока. Позже еще одна сенсационная находка была сделана уже в самой Франции. Археологи раскопали полтора десятка трепанированных черепов и еще вырезанные из них пластинки, и не где-нибудь, а в слоях нового каменного века!

Уже в 1877 г. Поль Брок составил классификацию древних операций на своде черепа человека, которая и в наши дни сохранила свое значение. Он предположил, что трепанация черепа

*Рис. 2. Поль Брок
(1824–1880)*

Рис. 3. Инкский череп из Куско, с которого началось исследование трепанаций древности

«Я имею честь представить Академии древний перуанский череп, трепанированный при жизни субъекта способом полностью отличным от использовавшегося в европейской хирургии.

Трепанирование — древнейшая хирургическая практика. Она упоминалась Гиппократом, который описывал ее как рутинную операцию. Но ее происхождение остается неясным. Почти как сегодня, древние греки трепанировали пилой коронообразной формы. Ничто не указывает на то, что греки или их предки проводили операцию другими методами. Но на черепе из Перу трепанация проведена иссечением прямоугольного фрагмента». (Из речи П. Брока перед членами Французской Академии медицины.)

производилась иногда на живых людях — чтобы излечить их от некоторых болезней вроде истерии, эпилепсии, нервных конвульсий — «болезней, причина коих принималась существующею в голове и приписывалась особому духу, там поселявшемуся. Искусственное отверстие, проделываемое в черепе, имело целью дать выход этому духу и тем способствовать освобождению субъекта от болезни. <...> Любопытно, однако, что некоторые из таких трепанированных черепов выказывают кроме отверстия, сделанного при жизни, еще другие, вырезанные, очевидно, после смерти». По мысли П. Брока, люди, страдавшие нервными расстройствами и оперированные при жизни, считались одаренными особыми свойствами. Череп воспринимался какместилище духа, и когда человек, подвергшийся трепанации, умирал, у соплеменников возникало желание воспользоваться в религиозных целях частями его краниума.

Первоначально приоритет в изучении трепанирования принадлежал врачам и антропологам. С последующей дифференциацией наук о человеке исследование этого явления перешло в сферу деятельности палеопатологов. Но в какой-то момент после накопления большого количества фактов стало ясно, что тре-

панации в древнем мире — не только медицинский феномен и что понять его в полной мере без привлечения данных самых разных гуманитарных наук невозможно.

Где и когда возникли навыки трепанирования? Кому и в каких случаях делали операции? С какими другими культурными явлениями были связаны такие процедуры? На эти вопросы мы и попытаемся дать ответ.

Глава 1

СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПСИХИКИ. ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРИЧИНЫ ТРЕПАНИРОВАНИЯ

Знали ли древние психологию? – Философские критерии, отличающие человека разумного. – История неврозов. – Мифология как коллективная психика. – Колдуны и знахари – первые профессионалы на общественной службе. – Опыт изменения сознания: берсерки, шаманы, греческие мистерии, скифы, зороастрийцы, средневековые ведьмы. – Трепанация – еще один способ манипулировать сознанием? – Последствия разных травм головы. – «Археология смерти и погребального обряда». – Первые альтруисты. – Жертвенные ритуалы в мифах народов мира. – Карнавальная культура. – Военная магия. – Тело человека в традиционной культуре. – Культ головы. – Где искать истоки ритуалов?

о времен глубокой древности человека не оставляло стремление познать собственную душу. Самые ранние представители нового биологического вида – человека разумного – уже были способны делать выводы, наблюдая за поведением своих соплеменников в разных условиях (например, получивших физические или психические травмы). Наш древний предок обладал более развитыми аналитическими и прогностическими способностями по сравнению с другими приматами, до сих пор живущими инстинктами. Вероятно, свою положительную роль в этом сыграло «активное начало», свойственное нашим предшественникам – гоминидам нижнего и среднего палеолита, которые были умелыми охотниками.

Попытки человека понять свои поступки дали толчок к его мощному социальному развитию. Вместе с умением изготавливать и применять орудия, владением символической и языковой коммуникацией одним из важных философских критериев, от-

личающих *Homo sapiens* от предшественников, стало осознание им своей смертности и, как следствие, возникновение обрядов погребения. Тут уместно вспомнить слова Вольтера: «Человеческая раса единственная, которая знает, что должна умереть, и знает это только исходя из собственного опыта». Или процитировать популярную книжку Г.Ш. Чхартишвили: «Окончательный рывок был сделан, когда недо-сапиенс осознал, что обладает свободой выбора: может стоять на скале и смотреть сверху вниз, а может лежать под скалой и никак не реагировать на происходящее вокруг». Осознав бренность собственного существования, человек начал проявлять интерес к состояниям сна и безумия. Недаром одно из самых универсальных представлений — это душа, покидающая тело во время сна. Поэтому многие традиционные культуры ни в коем случае не разрешают будить спящего человека. По представлениям древних, спящий, особенно уснувший под воздействием «волшебных» снадобий, совершал путешествие в иной, загробный мир, так что сновидения, которые оставались в его памяти при пробуждении, считались вещими. Они воспринимались как священные послания ушедших предков. Наверное, не случайно мы до сих пор большое значение придаем толкованию снов.

Многих ученых волнует вопрос: не боялись ли самые древние люди покойников? Может быть, из этого древнего страха возник культ предков, а обряды погребения должны были «обезвредить» мертвеца, который мог ожить?

На наш взгляд, проблема существования у древнейших людей страха перед усопшими сильно преувеличена. Если подобная боязнь наблюдается у некоторых исторических и современных народов, она вполне может иметь гораздо более позднее происхождение.

В противном случае наш далекий предок сильно рисковал, засыпая глубоким сном в присутствии своих близких. Вдруг те решили бы его «обезвредить»? «Ни сна, ни отдыха измученной душе». Это маловероятно и, главное, невыгодно с эволюционной

точки зрения. И сон, и смерть были слишком повседневными явлениями, чтобы вызывать столь сильный страх. Скорее всего, жизнь, смерть, сон изначально воспринимались как нечто неразрывное, как некое «путешествие туда и обратно».

«Сон разума», сумасшествие или состояние временного безумия под воздействием психотропных средств также расценивались окружающими как свидетельство контакта со сверхъестественными силами. Безумцы могли находиться «вне общества», и напротив, их могли не только бояться, но и окружать почетом. В состоянии безумия, как и во сне, можно было якобы достичь царства мертвых, оказавшись вне повседневного мира. Так у древних людей появилось представление о символической смерти — не менее серьезной, чем настоящая.

И наоборот — смерть воспринималась как «вечный сон». Следы такого восприятия уже видны в попытках европейских неандертальцев придать усопшему позу спящего. Как подчеркивал российский ученый Ю.А. Смирнов, под голову неандертальца Ле Мустье 1 была подложена «подушка» из каменных отщепов и голова неандертальца из Ле-Шапель-о-Сен покоилась на камнях.

Нервная деятельность такого биологического объекта, как человек, чрезвычайно сложна, и у этой сложности есть обратная сторона — стабильная возможность сбоя, которая вызывает разнообразные неврозы. Как образно заметил Карл Юнг, «за фасадом любого разумно организованного явления скрывается изнасилованная разумом природа, в мстительном ожидании подкарауливающая момент, когда не выдержит препятствующее ей ограждение, и, сменяя все на своем пути, она ринется в данный сознанию мир».

Любопытная закономерность: чем сильнее выражена одаренность личности, тем больше шансов для возникновения нервного срыва. Психиатры определяют неврозы как заболевания нервной системы с неизвестной патологоанатомической основой, то есть без органических поражений. Некоторые исследователи

Рис. 4. Франсиско Гойя. «Сон разума рождает чудовищ»

относят к неврозам все обратимые нарушения высшей нервной деятельности различного происхождения. Другие авторы термин «невроз» применяют лишь для обозначения болезней, возникших вследствие психической травмы.

Такая травма не только может стать причиной легких обратимых нарушений работы сердца и сосудов, но даже привести к смерти. При сильном страхе, который с точки зрения медицины является шоковой психической травмой, в кровь поступает большое количество катехоламинов, вызывающих остановку сердечной деятельности.

Классический пример — так называемая вуду-смерть, распространенная среди аборигенов Австралии и Африки. Она может наступить как мгновенно, так и некоторое время спустя — в момент, когда человек сам ждет ее прихода. К примеру, предсказал колдун: «Ты завтра умрешь» — и несчастный погибнет на следующий день. Верно и обратное: если шаман пообещает тяжелобольному: «Ты будешь жить!» — тот скорее всего поправится.

Известны случаи, когда здоровые люди умирали после нарушения важного запрета (табу). Даже в современной медицинской практике неосторожная шутка врача или необоснованная вера пациента в некое физическое явление, якобы связанное с его жизнью, приводили вполне здоровых людей к внезапной гибели. В рассказе О'Генри девушка готовится умереть, когда с дерева облетит последний лист. Ее спасает художник, нарисовав тот самый «роковой» лист из бумаги и прикрепив его на дерево.

Корни так называемых худых примет уходят в беспричинные страхи, боязни несчастий, в чувства беспокойства, подозрительности, уныния, тоски и им подобные. Особенность нашей психики такова, что лучше всего мы запоминаем те события, после которых последовали неприятности. События, после которых ничего не случилось, благополучно забываются.

Для людей традиционных культур, еще существующих сегодня, и тем более для носителей культур археологических, мироощущение определялось мифологическим мышлением. С вер-

шины рационализма XVII в. философ Спиноза мог писать, что человек создает множество выдумок и толкует природу столь удивительно, как будто она безумствует заодно с ним. Сейчас мы вправе утверждать, что вера в сверхъестественные силы, которая порождает иррационализм мышления, во многом обусловлена физиологическими особенностями, присущими человеческому виду.

Знаменитый швейцарский психиатр Карл-Густав Юнг называл мифологию коллективной психикой. Он ввел в научный оборот понятие коллективного бессознательного как унаследованной всем человечеством психической системы, состоящей из древних форм, архетипов. Кроме личного опыта в психике человека присутствуют вездесущие представления. Юнг отождествлял архетипы с *мотивами*, которые явно прослеживаются в мифологии. «Поскольку мы посредством нашего бессознательного разделяем участь нашей исторической коллективной психики, то бессознательно, конечно же, мы живем в мире оборотней, демонов, колдунов и т. д.; потому что это те вещи, которые в седые времена заполняли нас и вызывали мощнейшие аффекты», — писал он. Классики психоанализа признавали иррациональность человека необходимой функцией его психической реальности.

В древнем мире способности управлять сознанием и поведением были развиты не менее, если не более, чем в современных индустриальных обществах. В этом смысле религия служила мощным средством «укрощения» людей, выполняя роль своеобразного предупредителя неврозов, хотя иногда и вызывала к жизни обратные явления наподобие массовых истерий. По Юнгу, с незапамятных времен человек знает об опасности, таящейся в его душе. Именно поэтому религиозные либо мистические обычаи столь необходимы ему: они помогают уберечь себя от этой опасности или хотя бы сгладить ущерб, наносимый психике. Вот почему камлание шамана, молитвенные обращения к «высшим силам» почти всегда удачно корректируют психоэмоциональное состояние участников обрядов.

Для сравнения: современные врачебные методики групповых занятий по регуляции психики включают упражнения, связанные с релаксацией, достижением измененного состояния сознания, которые направлены на развитие навыков создания мысленных зрительных образов. Опираясь на чисто формальные аналогии, нетрудно заметить, что вхождение шамана в транс с целью вызвать определенные видения слишком уж напоминает психотерапевтические приемы.

В нервных клетках больших полушарий головного мозга чередуются два противоположных состояния: возбуждение (деятельное состояние) и торможение. Физиологический механизм религиозных переживаний соотносится с образованием застойного очага возбуждения в коре головного мозга. Суеверия — сильные раздражители, поскольку связаны с чувствами и гнездятся не в сознании, а в области подсознательного.

Люди использовали множество защитных манипуляций, способных, по их мнению, приостановить опасное влияние сверхъестественных сил. С позиций беспристрастного разбора психологии суеверий эта инстинктивная защита для преодоления страха представляет собой отвлекающее действие, при котором в коре головного мозга создается новый очаг возбуждения и разрушается старый.

Итак, психологической защитой социума служила обрядность.

Жизнь человека традиционного общества строго делилась на разные социально-ролевые отрезки, совпадавшие с основными биологическими стадиями его индивидуального развития: раннее детство, отрочество, зрелость. Каждый из этих периодов имел четко выраженные психологические особенности. Поэтому неудивительно, что ритуальный переход из одной возрастной или социальной группы в другую отождествлялся с неким подобием смерти, стало быть, и с возрождением в новом качестве (подростковая инициация, брак). Момент перехода был сопряжен с испытанием, иногда болезненным и опасным. По мнению выдаю-

щегося ученого В.Я. Проппа, эти жестокости должны были «отшибить ум». Сопровождаясь голодом, жаждой, темнотой, ужасом, принятием различных психотропных средств, они вызывали у посвящаемого временное безумие.

Расселение представителей рода *Ното* в период его эволюционного становления было связано с освоением горного и холмистого ландшафта (ближневосточные протокромаignonцы группы Схул-Кафзех, европейские питекантропы, неандертальцы, большинство западно- и центральноевропейских кроманьонцев). Считается, что длительное проживание в пещерах оставило свой отпечаток в психике современного человека. В психоанализе пещера обозначает скрытые желания и содержимое подсознания. Вместе с тем как символ убежища, укрытия, материнской утробы, рождения и центра мироздания пещера занимает важное место в мифах и обрядах инициации, символизируя место средоточия жизнетворных сил земли.

В пещере человек находил защиту во время сна, в том числе и вечного, в ожидании нового рождения. Как отмечает археолог Ю.А. Смирнов, даже у неандертальцев, в эпоху мустье, пещера выполняла все главные функции жилища: продолжение рода, устройство сна-смерти и хозяйственная деятельность. По мнению Г.Г. Ершовой, от периода освоения пещер в качестве жилища и обиталища кровных предков у некоторых народов Мезоамерики остались представления о связи этих мест с размножением — об этом свидетельствуют настенные росписи, выполненные ольмеками и майя. Индейцы майя-киче отправляли бесплодную супружескую пару пожить какое-то время в пещере, чтобы к ним прибывала производительная сила.

Возможно, неслучайно в греческой античной философии пещера стала метафорой всего материального мира. По Платону, человеческий разум как бы заключен в пещеру и видит только иллюзии, отражающие реальный мир, достичь которого могут только воображение и дух. По мере развития древних цивилизаций и с возникновением феномена государственности архаиче-

ский пещерный образ подменялся близким по смыслу символом лабиринта. В основных религиях преодоление лабиринта имеет психологическое значение, ассоциируемое с инициацией (просветлением), условным возвращением в материнское лоно, с переходом через смерть к возрождению, с открытием духовного центра, с напряженным, иногда тупиковым процессом самопознания.

Коллективное бессознательное — это нечто вроде осадка опыта и одновременно сложившийся еще в глубокой древности, изначальный образ мира. Уже упоминалось, что в этом образе выделяются черты, которые швейцарский психотерапевт назвал архетипами, или доминантами. Одним из наиболее распространенных архетипов, по Юнгу, является образ колдовского демона, «тип примитивного племенного колдуна или знахаря, особо одаренной личности, которая заряжена магической силой». Поскольку прогресс исторического развития — это коллективное радение при высокой степени бессознательности индивида, «заурядному человеку всегда представлялось диковинным, что некто вместо проторенных путей и известных целей предпочитает крутую и узкую тропу, которая ведет в неизвестное. Поэтому такого человека всегда почитали если не помешанным, то одержимым демоном или богом».

Дж. Фрэзер писал в своей знаменитой книге «Золотая ветвь», что институт «священных царей», достигший своего наивысшего расцвета в древних монархиях Перу и Египта, берет начало в прослойке колдунов или знахарей, находившихся на общественной службе. Колдуны и знахари образуют самый древний класс профессионалов в истории общества. «Люди ошибочно приняли порядок своих идей за порядок природных явлений: они вообразили, что им дозволено управлять предметами, подобно тому как они управляют своими мыслями».

Другой важнейший архетип, выделенный К. Юнгом, получил название «тень». Это скрытые черты личности, порой мрачные и демонические. К «тени» очень близок трикстер, то есть мифоло-

гический плут, воплощающий хаос и бессознательное. Это своеобразный двойник и альтернатива культурному герою, несущему людям мировой порядок. В пантеоне языческих богов часто появляется «паршивая овца», способная нарушить стройный порядок мироздания, «сыграть на руку» темным силам, а иногда просто «неудачно пошутить». Например, в скандинавской мифологии таков Локи, противопоставляющий себя обитателям Асгарда.

Авторитетнейший специалист по мифологии Е.М. Мелетинский проследил историческую эволюцию трикстера до хитреца-обманщика, плута и шута в поздней литературной традиции. По-видимому, стойкость этого архетипа — иногда ловкого вора, иногда глупца — свидетельствует о постоянном интересе человека к природе существа, способного нарушать элементарные логические законы и действовать в стихии абсурда. Ведь, по сути дела, логика и абсурд, рация и бессознательное уживаются в каждом человеке.

Выступая на годичном собрании Императорской военно-медицинской академии в 1897 г., В.М. Бехтерев говорил о роли внушения в общественной жизни. Предвосхитив постулаты современного психоанализа, великий русский ученый отделил путь логического убеждения, воздействующий на личное сознание при посредстве обдумывания и осмысленной переработки, от внушения, проникающего в психическую сферу помимо личного сознания и ведущего «непосредственно во внутренние покои нашей души». Внушение действует на психическую сферу другого лица благодаря увлекательной и эмоциональной речи, уговорам, жестам и мимике, его пути более разнообразны по сравнению с логическим убеждением. Бехтерев рассматривал внушение как «психическую заразу» и показал, что намеренное прививание тех или иных психических состояний происходит в особом состоянии сознания, подобном гипнозу, который является не чем иным, как искусственно вызванным видоизменением нормального сна. По Бехтереву, внушение — важный социальный фактор, игра-

ющий видную роль не только в жизни и воспитании каждого отдельного человека, но и в судьбе целых народов. Сейчас экспериментально показано, что особые состояния сознания, более всего благоприятные для внушения (гипноза, аутогипноза), связаны с повышением активности правого полушария мозга, которое играет ключевую роль в организации бессознательного психического, и с ограничением логического мышления и сознания, основанных на функциональных возможностях левого полушария.

По словам физиолога В.В. Аршавского, выделение человека разумного из животной среды связано как раз с возникновением специализации правого и левого полушария головного мозга. Логико-знаковое мышление оказалось закреплено за левой гемисферой, а правая — перестроилась так, что обеспечила возникновение творческой деятельности. Получается, что способность к внушению возрастала по мере проявления специфических человеческих черт.

Для изменения сознания и управления поведением в историческом прошлом часто использовались средства растительного происхождения. Упомянем работы немецкого ученого Х. Лейнера, который рассмотрел проблему бытования «токсического экстаза в субарктическом и европейском пространстве» и описал случаи применения растений в магических целях в Европе и Азии.

Он выделил несколько основных психотропных препаратов: 1) разновидность мухомора — «гриб, вызывающий состояние полета», употреблялся в Скандинавии берсерками, в Арктике и Субарктике шаманами, в греческих мистериях; 2) гашиш; 3) психофармакологические составы средневековых ведьм.

1. Для характеристики действия галлюциногенных грибов Х. Лейнер обратился к примерам из врачебной практики. Клиническая картина тяжелого отравления этими грибами: через три часа — диарея, интенсивное потоотделение, «смутное» состояние. После двухчасового сна развивалась картина психоза — возбуждение, разрушительные действия, бессмысленная речь, разнооб-

разные религиозные видения и галлюцинации. Врачи и медицинские сестры воспринимались как Христос и сатана и т. п. Через 20 часов действие грибов ослабевало. Моторное возбуждение уступало место общему упадку, через 30 часов силы пациента восстанавливались.

Берсерки. Так называли мужчин, которые в определенное время «превращались в диких зверей», их силы удваивались, они не ощущали боли. Все человеческие чувства и сознание на время отступали.

Отчетливо проступает связь традиции берсерков с древним дохристианским шаманизмом, тем более что *ber sark* означает «медвежья шкура». Так же не случайно пристрастие берсерков вступать в мужские военные союзы. Они охотно объединялись в группы по двое, по пять человек, самое большее — по 12. Впадая в состояние иступления, берсерки стучали зубами, ощущая сперва холод, у них менялся цвет лица. Затем наступала стадия бессмысленной ярости: берсерки кусали края своих щитов, нападали на каждого, не различая друзей и врагов. На смену этому состоянию, продолжавшемуся почти целый день, приходила слабость и апатия. Характерно, что берсерки исчезли в XII в., после того как они три столетия оказывали существенное влияние на социальную и политическую жизнь викингов. Это произошло после того, как в 1013 г. в Норвегии их приговорили к изгнанию наравне с разбойниками. В 1123 г. в христианском своде законов Исландии было записано: «Если кто пойдет как берсеркер, будет он наказан тремя годами изгнания. Мужчины, которые с ним заодно, также будут изгнаны, если они ему не помогли».

Шаманы. Грибы использовало, к примеру, коренное население Камчатского полуострова для достижения экстатического состояния. Сходные обряды существовали у остяков, самоедов, тунгусов, якутов, юкагиров, чукчей и коряков. Есть все основания предполагать, что галлюциногенные грибы употребляли и угрские народы.

Греческие мистерии. Высказывается предположение, что нектар, амброзия — пища богов — содержали сок свежих галлюциногенных грибов. Это соотносится с описанием менад из свиты Дионисия: пьяные от вина или священного напитка, они были способны разрывать на части зверей и детей.

2. Гашиш.

Геродот в своей четвертой книге сообщает, что этот наркотик употребляли скифы. Плиний писал о том, что бактрийцы добавляли в вино *Celotophyllus*. Дикая конопля растет на обширных просторах Прикаспия и Приаралья.

Культ хаомы (сомы).

В зороастрийском культурно-историческом пространстве тоже возникают мужские союзы, похожие на берсеркские. Их воины и «двуногие волки» похищают скот и состоят в союзе с ведьмами и чародеями. Они применяют черную магию, пьют на ночь напиток *Хаома* и знают язык оракулов, которые служат злему богу, темной ипостаси Митры.

3. Кошмары ведьм.

В историческое время магическое применение галлюциногенных средств связано с существованием «черного культа» ведьм. В состав ведьминского зелья, например, входила белладонна.

К психотропным веществам, рассмотренным в работе Лейнера, можно добавить «эликсир забвения», упоминающийся в ирландских сагах. По-видимому, кельтские друиды умели изготавливать на растительной основе напиток, вызывавший крепкий сон и потерю памяти.

Но вернемся к теме нашей книги. Трепанационную активность древних хирургов следует рассматривать в неразрывном единстве с общими действиями магическо-терапевтического свойства, основанными на физиологической тяге человека изменять свое сознание. В основе попыток воздействия на человеческую психику лежали интуитивные первоначально неосознанные наблюдения и богатые эмпирические знания о природных компо-

нентах растительного происхождения. Возможно, случаи черепного травматизма, когда-то подтолкнули человека к наблюдению за измененным поведением выживших после ранений соплеменников. Не исключено, что подобные несчастья воспринимались как «божественное безумие». Такую возможность обсуждал, в частности, германский антрополог Ханс Гримм, описавший различные последствия вдавленного перелома лобной кости у мужчины эпохи бронзы из Заушвитца. Ранение, даже после поверхностного заживления костных краев, неизбежно должно было вызывать неконтролируемую речь и другие странности в поведении.

Согласно клиническим данным, изменения личности могут быть различными в зависимости от того, которое из полушарий больше повреждено и какие отделы каждого из полушарий обнаруживают наибольшую дисфункцию. При поражении левого полушария мозга врачи отмечают повышенную тревожность, напряженность, раздражительность, могут появляться депрессивные настроения. Такие личностные изменения более характерны для повреждения височной доли и задних отделов левого полушария. При изолированном повреждении лобного отдела в первую очередь нарушается инициативное начало в поведении. Больные часами остаются безучастными ко всему, немногословными, могут на середине прервать свой ответ, если их дополнительно не стимулировать к разговору.

Когда задето правое полушарие, больные обычно благодушны, малокритичны или игнорируют дефекты в своем состоянии. Поражение лобной доли вызывает эйфорию, многоречивость. Больные, получившие травму задних отделов правого полушария, расслаблены и безразличны к своему состоянию, их эмоциональные переживания монотонны, большую часть времени они пребывают в благодушном настроении. Несомненно, последствия лоботомий, наблюдаемые в древности, необходимо рассматривать и в связи с последующим изменением поведенческих реакций, ведь изменения личности возможны даже после легких че-

репно-мозговых травм и проявляются в упрощении самооценки, обеднении эмоциональных переживаний, снижении произвольности и инициативы в поведении.

Английский профессор Дональд Бротвелл отметил, что в большинстве случаев отверстия на древних черепах локализованы с левой стороны. Это вызвано тем, что, как правило, предшествовавшие ранения также находились в левой части тела (это, по-видимому, связано с тем, что большинство нападавших были праворукими. — *М.М.*). По его мнению, чаще всего подвергалась операции лобная кость, потом теменные и совсем редко трепанировалась затылочная кость. По уточненным данным, чаще всего трепанационные отверстия встречаются на теменных костях, на втором месте — область лба, значительно реже воздействию подвергались затылочная и височная кости.

Позднее Д. Бротвелл пришел к заключению, что выбор участка черепа для проведения краниотомии, по-видимому, был связан не с травмами, а с определенными культурными традициями. Он отметил, что операции в доисторической Чехословакии и Дании затрагивали преимущественно лобную кость. По этнографическим сведениям, аборигены Меланезии также делают детям трепанации только в области лба.

Немецкие ученые Г. Ульрих и Ф. Вайкманн тоже обнаружили следы операций и дырчатые переломы в разных участках головы. Трепанации производились на лобной кости слева или в центральной части теменных костей, тогда как травмировалась чаще затылочная. Во-первых, это значит, что люди, совершавшие краниотомии, подчинялись строгим правилам. Во-вторых, такая локализация травм у воинственных германцев эпох неолита и бронзы опровергает причинно-следственную связь между ранениями головы и трепанациями.

Как наиболее радикальное средство трепанирование могло не только применяться для непосредственного лечения травмы, но и устранять «неправильное» поведение больного или способ-

Рис. 5. Эразм Роттердамский

Облик Эразма Роттердамского известен потомкам благодаря Гансу Гольбейну младшему, написавшему его портрет. Профессор Вертеманн попробовал «вписать» череп Эразма в контуры картины. Любопытно, что маленькую голову маскирует огромный берет.

ствовать появлению новых свойств и качеств у здорового, но специально избранного по каким-то причинам человека.

При этом нам надо учитывать: в древности уже знали, что ни размеры, ни форма головы не оказывают существенного влияния на мыслительные процессы (кроме случаев гидроцефалии). Например, Плутарх сообщал о необычной форме головы Перикла — одного из умнейших людей своего времени, которого жители Афин называли «луковой головой». Чтобы скрыть эту особенность, греческий мыслитель якобы постоянно носил специальный шлем. Другой пример — великий гуманист эпохи Возрождения Эразм Роттердамский, скончавшийся в 1536 г. в Базеле. Швейцарский профессор Вертеманн, исследовавший череп Эразма, был поражен малыми размерами мозговой капсулы, емкость которой составляла только 1255 куб. см, а вычисленная

Рис. 6. Перикл

Афинского стратега Перикла обычно изображали в шлеме, возможно, чтобы скрыть «заостренную» форму его головы. Мраморный бюст. Римская копия с греческого оригинала. Британский Музей, Лондон.

масса мозга — 1160 г (средний вес головного мозга европейских мужчин равен 1360–1400 г).

Хотя эгоизм способствует выживанию индивида, специфика эволюционного развития человечества такова, что естественный отбор был в большой степени направлен на развитие самоотверженности, альтруизма, коллективизма и жертвенности. Род, не обладавший инстинктами коллективной защиты потомства и всей группы, был обречен на вымирание. Заметим в скобках, что альтруизм свойственен нам и сейчас. Социологическое исследование московских нищих, проведенное группой антрополога М.А. Бутовской, показало, что больше всего подаяния получают женщины с детьми. Такое поведение нам понятно, но вот другая сторона древнего альтруизма выглядит сейчас довольно мрачно.

Чтобы лучше узнать наших предков, нельзя избежать знакомства с историей жертвоприношений.

В археологии есть область, которую иногда называют археологией смерти и погребального обряда. Раскапывая древние погребения, ученые нередко находят сложные сооружения, предназначенные для покойного, а в них — оружие, украшения, даже посуду с едой. Все эти вещи сопровождали ушедшего в загробный мир. Чем богаче и влиятельнее был человек при жизни, тем больше предметов помещали в его могилу. Но иногда вместе с останками «главного» погребенного находят скелеты домашних

животных и даже других людей, причем с признаками насильственной смерти.

Так возникает тема человеческих жертвоприношений.

Классический пример — описанное средневековым арабским путешественником ибн Фадланом убийство «славянской девушки» русами на похоронах господина — подтверждается раскопками погребений викингов. Захоронение «королевы» из Осеберга в Норвегии сопровождалось погребением пожилой женщины, возможно рабыни.

В Дании на кладбище в Стенгаде поверх деревянной погребальной камеры с основным захоронением были найдены останки обезглавленного мужчины в железных наручниках. На кладбище в Лейре также вскрыто погребение обезглавленного мужчины, руки которого, похоже, были связаны. Сходная практика прослеживается и в Британии VI–VII вв.

Человеческие жертвоприношения часто истолковывают как проявление примитивной агрессии. Дескать, наши предки были кровожаднее нас. Но все же большинство ученых относятся к этому явлению иначе — как к обмену между живущими и сверхъестественными силами, дару или подношению самого ценного, что люди могут пожертвовать богам, — самой жизни — в ожидании ответных благодеяний для социума.

Трудно провести разграничительную линию между избиением жертв войны, наказанием преступников и альтруистическим самопожертвованием. По мнению Э. Дюркгейма, альтруистический суицид является следствием недостаточно развитой индивидуальности. Он рассматривается как примета «обществ низшего порядка». Человек кончает с собой из общественных соображе-

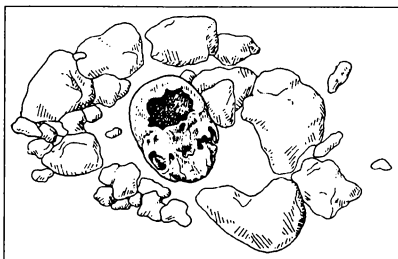

Рис. 7. Череп неандертальца Монте Чифчео I был найден в итальянской пещере, где лежал основанием кверху в окружении камней

ний. «В той среде, где властвует альтруистическое самоубийство, человек всегда готов пожертвовать своей жизнью, но зато он так же мало дорожит и жизнью других людей».

Иной точки зрения придерживался выдающийся российский генетик В.П. Эфроимсон: в наследственной природе человека заложено нечто такое, что вечно влечет его к справедливости, к подвигам, к самоотвержению. Под «альтруизмом», «совестью» Эфроимсон понимал всю ту группу эмоций, которая побуждает человека совершать поступки, лично ему невыгодные и даже опасные, но приносящие пользу другим людям. Комплекс этических эмоций и инстинктов, выделяемых отбором в тех специфических условиях существования, в которые увеличение лобных долей головного мозга завело человечество, оказался очень сложным, а многие противоестественные виды поведения — совершенно естественными и наследственно закрепленными. По мнению американского эволюциониста Добжанского, возникавшие этические нормы при некоторых условиях могли действовать вопреки интересам отдельных людей, но помогали (или считалось, что помогали) всей группе.

Человеческие жертвоприношения осуществлялись служителями культа. Часто жертва должна была служить «козлом отпущения» за болезни и неудачи сообщества. Японские камикадзе посвящали свою смерть божественному императору. Ацтеки убивали пленных, чтобы возобновился солнечный цикл. Вдовы индусов сжигали себя в огне сати. Наконец, смерть Иисуса Христа была посвящена искуплению человеческих грехов¹.

¹ В православном богослужении священник вонзает копье в просфору со словами: «Яко овца на заклание ведеса», «яко вземается от земли живот его» и «един от воин копием ребра его прободе и абие изыди кровь и вода», после чего смешивает в чаше вино и воду... Священник крестообразно разрезает вынутую часть со словами: «Жрется агнец божий, вземляй грех мира за мирской живот и спасение». Здесь сплетаются два мотива: воспроизведение событий смерти Христа и обычное языческое жертвоприношение (Всеволодский [Гернгросс] В., 1929, с. 223).

Идею, лежащую в основе жертвенных ритуалов, можно восстановить, изучая мифы. Мирча Элиаде исследовал мифологические сюжеты о возникновении растений из тела первобытного гиганта, умерщвленного или принесенного в жертву (вариант: появление растений из тела или крови коварно убитого бога или героя). Согласно мифу, человеческая жизнь должна быть прожита полностью, чтобы истощить все возможности самовыражения; если ее внезапно (насильственно) прервать, она будет стремиться к продолжению в иной форме — растения, плода, цветка. Поэтому на полях кровопролитных сражений вырастают розы или шиповник; из крови Аттиса — фиалки; из крови Адониса — розы и анемоны; из тела Осириса — пшеница, растение маат и другие травы. В этом случае смерть бога связана с повторением акта творения вселенной, а растение — символ возрождения жизни.

В какой-то момент развития древнего общества идея творения, совершаемого верховным небесным существом, уступила место идее творения как кровавого жертвоприношения и священного брака. Жизнь зарождается от другой, принесенной в жертву. «Творение» или «изготовление» в этом типе космогоний немислимо без предварительных ритуалов: приносили в жертву бога, представленного человеком. Вавилонский бог Мардук произносит, создавая: «Я сделаю твердой свою кровь, я создам из нее кости. <...> Я построю человека, жителя Земли». А также: «И Бел, видя, что земля была пустынна, но плодородна, приказал одному из своих богов снять ему [Белу] голову, смешать с землей текущую из нее кровь и создать людей и животных, способных выносить воздух». В древнеисландской «Старшей Эдде» говорится: «Имира плоть стала землей, стали кости горами, небом стал череп холодного турса, а кровь его морем».

В индийской мифологии из расчлененного тела первочеловека Пуруши возникли не только элементы космоса (из пупа — воздух, из головы — небо, из ушей — страны света и т. п.), но и социальная структура (из рта — жрецы-брахманы, из рук — воины-кшатрии, из бедер — земледельцы-вайшьи, из ног — шудры).

Голова или глаза человека часто отождествлялись с солнцем или луной. Во множестве мифов, распространенных от Индии до Сибири и Северной Америки и повествующих об обезглавливании чудовища или демона, отсеченная от тела голова символически означает луну или солнце, и, следовательно, эти мифы — космогонические рассказы о сотворении светил. Теперь понятно, почему восточные поэты именуют воспеваемых ими красавиц луноликими. Но ведь и у знакомой всем с детства Царевны-Лебеди А.С. Пушкина «месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит»!

Мотив жертвоприношения или самопожертвования во время плавки означает мистический брак между человеком и металлами. Душа жертвы условно покидает плотскую оболочку, меняя человеческий облик на новое тело — изделие, оживляя этот предмет и процесс его изготовления. Приношения плавильным печам известны по мифам Центральной Индии о кузнецах Асурах, следы их можно проследить в Африке. Кузнец, так же как и гончар, а позже алхимик — «хозяева огня». Огонь как средство «делать быстрее» и «делать иное» по сравнению с тем, что существовало в природе, выделяет специалистов в области сакрального — шамана, знахаря, колдуна. Как верят якуты, «кузнецы и шаманы — из одного гнезда». В священных снах и во время галлюцинаций шаманы видят, как их расчлениют демоны, руководители посвящения, используя орудия и символы кузнечного ремесла. Так, якутский шаман видел части своего тела, отторженные и разъятые демонами. Очистив кости, соскоблив мясо и т. д., демоны собрали их и спаяли железом. Одежда шамана часто бывает увешана предметами, изображающими кости, что должно сделать шамана похожим на скелет.

Вновь процитируем Элиаде: «Перед нами очень старая религиозная идея, характерная для охотничьих культур: кость символизирует высшее начало животной жизни, матрицу, на которой постоянно нарастает плоть. Животные и люди возрождаются, начиная с кости; некоторое время они пребывают в плотском

существовании, и когда они умирают, их «жизнь» концентрируется в скелете, на основе которого они вновь возрождаются».

В.Я. Пропп выделял группу сказок «о неудачном врачевании». Например, старик попадает в кузницу или встречается Николу, который его разрубает, оживляет, омолаживает. «Разрубание создает нового человека». Не все могли выдержать «оживляющее» испытание. Вспомните финал сказки про Конька-Горбунка: отрицательный герой «бук в котел — и там сварился».

Отголоски человеческих жертвоприношений, совершавшихся во имя плодородия, можно найти в весенних ритуалах многих европейских народов. Например, в Северной Баварии в майском шествии участвует покрытый соломой юноша по имени Вальбер, изображающий человеческого двойника растительных сил. Славяне Каринтии в день святого Георгия украшают дерево и покрывают молодого человека, именуемого Зеленым Георгием, зелеными ветками. После песен и плясок изображение Зеленого Георгия и даже самого юношу бросают в воду. Ритуальное «убийство» Майского короля было нередким явлением. В Саксонии и Тюрингии группы юношей отправлялись в лес на поиски «дикого человека», одетого в листья; они ловили его и стреляли в него холостыми зарядами из ружей. В Чехии на масляной неделе ряженая молодежь преследовала «Короля» по всему селению, хватала его, судила и приговаривала к смерти. В моравской Пльзени «Король» появлялся одетым в траву и цветы. После суда он мог бежать верхом. Если попытка удавалась, он оставался «Королем» еще на год, если «Короля» ловили — ему понарошку «отрубали голову». Среди российских крестьян еще в XIX в. была популярна весенняя пародийная игра под названием «Похороны Костромы». Процессия выносила к берегу реки гроб с чучелом или ряженой девушкой. Хоронили водой, то есть бросали «покойницу» в реку.

Итак, заключительная церемония возрождения года и растительности часто оказывается связана с казнью чучела Карнавала, Зимы или Масленицы.

Пережитки ритуального земледельческого сценария, включавшего настоящее человеческое жертвоприношение, прослеживаются и во время сбора урожая. В некоторых европейских странах незнакомца, проходившего мимо поля, где работали жнецы, в шутку предупреждали, что он может быть убит. Как рассказывает древнегреческий миф, внебрачный сын царя Мидаса Литиэрс странников приглашал в гости и выводил на поле для совместной жатвы. Тем, кто жал хуже него, он отрезал головы серпом, и только Геракл смог прекратить столь бесславную гибель древних фригийцев.

Индейцы пауни приносили в жертву девушку, расчленяли ее тело и закапывали по одной части на каждом поле. Обычай разделять тело умершего на части и помещать их в борозды пашни существовал и у некоторых африканских племен.

Скандинавы верили в связь удачливости вождя и урожайности. Поэтому тело одержавшего множество побед конунга Хальвдана Черного было разделено между фюльками Хрингарики, Раумарики, Вестфольд и Хейдмерк. (Как близка этой практике идея создания важнейших христианских реликвий из останков святых!) А «виновного в неурожае» невезучего конунга Домальди, так же как и Олава Лесоруба, принесли в жертву.

Пережитки человеческих жертвоприношений, связанных с отрубанием головы и вскрытием живота, неоднократно обсуждались исследователями древнейшего народа — айнов. В айнском фольклоре есть упоминания о каннибализме, а в древних раковинных кучах находят расколотые человеческие кости со следами ударов каменными орудиями. Интересно, что японцы, больше полутора тысячелетий воевавшие с айнами, переняли у них традицию сэппуку (харакири).

Можно с уверенностью говорить о том, что мотив манипуляций с телом живого или мертвого человека смыкается с идеей принесения блага обществу, с попытками обеспечить плодородие, устойчивость мироздания и с идеей «вечного возвращения».

Другой аспект жертвоприношений — так называемая военная магия, существование традиции употреблять кровь врагов, чтобы обрести их самые ценные качества, неоднократно отмечалось у древнегерманских племен.

Анализ культовых обычаев древних германцев часто помогает исследователям воссоздавать мироощущение и традиции палеоевропейского населения. Германцы времен Тацита считали почетной смерть с оружием в руках. Кельты и германцы считали военное искусство мистическим. Ключевой термин для описания военной доблести *wut*, родственный готскому *woths*, означает «обуянный, бешеный». От него производят и имя бога Вотана. Аналогичный термин можно найти и в северорейнском языке: слово *odhr* означает «неистовство, ярость» и этимологически близко имени Один. По мнению итальянского историка Ф. Кардини, в состоянии священного, божественного безумия воин становился не тем, кем был прежде, — он утрачивал человеческий облик, выходил из себя, сочетая одновременно черты бога и лютого зверя. То есть происходило ритуальное и психоповеденческое превращение в дикое животное. Схватка со зверем, также являвшаяся одним из видов инициации, завершалась поеданием плоти и крови животного, помогавшим приобрести его силу и мудрость. Отсюда возник обычай украшать себя бренными останками поверженного врага и даже воинское людоедство. Германский воин, рычащий как медведь или надевавший на себя волчью голову, условно перевоплощался в медведя или волка. Неуязвимость, свирепость, бесстыдство, отсутствие общепринятых нравственных представлений — те черты *berserkir* и *ulfhedhnar*, которые отражали сакральную сущность воинской касты и позже нашли отражение в средневековых европейских легендах об оборотнях и волколаках. Не случайно после христианизации скандинавских стран берсерков отправили в изгнание. Ж. Дюмезиль предполагал, что эти стоявшие вне закона люди выполняли ритуальную функцию, а Ф. Кардини допускал, что первоначально они должны были защищать социум во время опасности. Стой-

кость воинов объясняется не только естественным стремлением сохранить свою жизнь (или употреблением перед битвой мухоморов, о которых мы уже упоминали). Но возможно, и палеоевропейскими представлениями о том, что постыдно возвратиться с поля живым, когда пали вождь и товарищи, постыдно быть превзойденным в храбрости. После инициации общность крови и принесенного обета связывала мужчин, воинское братство можно рассматривать как разновидность жертвоприношения, поскольку оно объединено идеей «честно сражаться и принести себя в жертву».

Как сказал Арнольд Ван Геннеп, в традиционных культурах с телом обращаются словно с простым куском дерева, надрезая и формируя его.

«Переделывание» тела типично, к примеру, для плакальщиков. Скажем, в некоторых племенах Новой Гвинеи родственникам покойного ампутируют каменным ножом пальцы рук; в знак траура терзают себя австралийские аборигены Варрамунга. Их плакальщики даже разрезают мышцы бедра, надолго, если не навсегда, лишая себя способности к передвижению.

Отрубание пальца, чаще мизинца левой руки, — это еще и процедура, сопутствовавшая юношеской инициации. Последствия подобной ритуальной операции обнаружены у мезолитической женщины из крымского грота Мурзак-Коба. Знаменитый ленинградский профессор-медик Д.Г. Рохлин считал, что оперируемую предварительно привели в бессознательное состояние ударом по голове.

Как уже говорилось, В.Я. Пропп выделял в народных сказках древний мотив посвящения. Рассматривая другую сторону инициационной обрядности, Пропп неоднократно подчеркивал, что неопит различными способами ввергался в состояние безумия. Исторически засвидетельствована связь между разрубанием и безумием в обряде. Например, в племени ирунтария посвящение юношей происходит в пещере. Жрец «пронизывает» зас-

нувшего неопфита невидимым копьём, которое выходит сзади через затылок, проходит, навсегда оставляя следы, сквозь язык и снова выходит в рот... В пещере у уснувшего перебирают все внутренности и вводят новые, в открытое тело вводят магические кристаллы. Испытуемого оживляют, но он лишается рассудка. Так производят в шаманы.

Последователь научного направления структуральной антропологии Эдмунд Лич попытался реконструировать некоторые воззрения палеолитических охотников на мамонтов. Оказывается, люди искони интересовались разграничением понятий «внутри — снаружи тела» и поэтому особое значение придавали естественным отверстиям, уничтожившим эту бинарную оппозицию (половой и выделительной системам, соскам, рту, глазам, носу, ушам). (Возвратимся наконец к основной теме этой книги и заметим, что трепанирование в традиционном сообществе формально воспринималось как создание отверстия в особо значимой части тела, к тому же могло сопровождаться изменениями в поведении, — то есть неординарный смысл подобного воздействия более чем очевиден.)

В некоторых культурах рельефно прослеживается цепочка уподоблений «человеческое тело — дом — космос». Например, у индийцев тело, позвоночник соответствует Космическому столбу или священной горе Меру, дыхание — ветру, пуп или сердце — центру мироздания. Человеческое тело не только воплощает космос или ведический жертвенник (тоже своего рода образ мира), но также и уподобляется дому. В одном из текстов хатхайоги прямо говорится о теле человека как о доме с одной колонной и девятью дверями. И наоборот, храм или дом часто сравнивают с человеческим телом. Каждое звено триады «тело — дом — космос» способно стать вратами высшего порядка и обеспечить переход в мир иной. Примечательно упомянутое М. Элиаде совпадение одного из названий верхнего отверстия в индийской башне *брахмафандра* и наименования верхней точки черепной коробки, играющей важную роль в йогико-тантрической методи-

ке. Через это «отверстие» душа покидает тело в момент смерти.¹ В обычае йогоинов было раскалывать череп умершего, чтобы облегчить душе выход. Аналогично душа умершего улетаала через дымоход, печную трубу или часть крыши над красным углом. Душа легче отделится от тела, если будет вскрыта часть дома, одного из элементов символической триады «тело — дом — космос». Позднее в буддизме фундаментальный мистический образ будет выражен в состояниях разлома крыши и полета в поднебесье. Архаты, «летая сами по себе, проламывают крышу дома, проходят сквозь нее и уходят в небо».

Несмотря на то, что сюжеты о человеческих жертвоприношениях буквально пронизывают мировую историю и фольклор, на материальном уровне им не так просто найти подтверждение. По-видимому, это та область, где должны вместе действовать археологи и антропологи.

Попробуем заглянуть в колодец времени и узнать, насколько глубоко его дно. Где искать истоки ритуалов? Как давно начались манипуляции с человеческими телами?

Этологи — специалисты, изучающие поведение живых существ, иногда говорят о ритуализации действий животных (К. Лоренц, Н. Тинберген и др.). По словам М.А. Бутовской, под формированием ритуала подразумевается сложный эволюционный процесс, в результате которого какое-либо поведение претерпевает определенные изменения, утрачивая прежнюю функцию и начиная служить целям общения. В результате ритуальное поведение становится независимым от исходной мотивации. «Ритуа-

¹ Сходные представления отмечены у индейцев хопи, которые считают тело слепком земли и насчитывают пять вибрационных центров вдоль позвоночника. Символом нижнего центра, ниже пупа, служит змея, знак Матери-Земли, порождающей все живое. Этот центр связан с высшим вибрационным центром «копави», «открытой дверью на затылке», символом которого является антилопа. Антилопа и змея символизируют два начала жизни. При дыхании шевелится «копави», родничок, как у младенца. Пульсация родничка означает связь с высшими силами. Когда человек умирает, родничок раскрывается, чтобы душа могла покинуть тело.

лы» животных ведут свое происхождение от прямого выражения угрозы, их цель — направить агрессию в безопасное русло, способствовать умиротворению и примирению. Скорее всего, специфические «человеческие» ритуалы тоже развивались как способы социальной адаптации, помогавшие сдерживать агрессию и устанавливать прочные связи между представителями одной общественной группы.

Традиции совершать манипуляции с телом покойного сородича возникли в каменном веке. Долгое время среди археологов преобладало мнение, что люди палеолита просто оставляли тела своих мертвецов или погребали их неповрежденными. То, что древнейшие ископаемые находки с палеолитических стоянок представляют собой отдельные кости, традиционно объясняли действием естественных процессов разрушения органики или активностью животных. Геологические, физические и химические процессы за десятки и тем более сотни тысяч лет могут разрушить или раздробить кости. Образовавшийся слой почвы или обрушившиеся своды пещеры — раздавить древние останки. Нужно учитывать и эрозию — воздействие воздуха и воды. Поэтому вопрос о фрагментарной сохранности костей, возраст которых миллион, 200 000 или 20 000 лет, сначала даже не обсуждался: если это кости ископаемого гоминида, значит, они и должны плохо сохраниться.

Когда такие скелеты попадали в руки антропологов, те сначала интересовались главным образом вопросами эволюционного происхождения современного человека. Однако неизбежно накапливалась информация другого рода, которая касалась особенностей сохранности костяков и позволила предполагать в некоторых случаях их преднамеренное разрушение.

Огромную работу проделал германский антрополог Герберт Ульрих, просмотревший 826 скелетов из 320 археологических памятников Европы. Исследователь работал с материалами из Армении, Бельгии, Болгарии, Хорватии, Чехии, Германии, Великобритании, Греции, Венгрии, Румынии, России, Сербии, Слова-

кии, Украины, Узбекистана! 43 скелета принадлежали населению нижнего палеолита (питекантропам), 258 — среднего палеолита (неандертальцам) и 525 — людям современного облика верхнего палеолита (кроманьонцам).

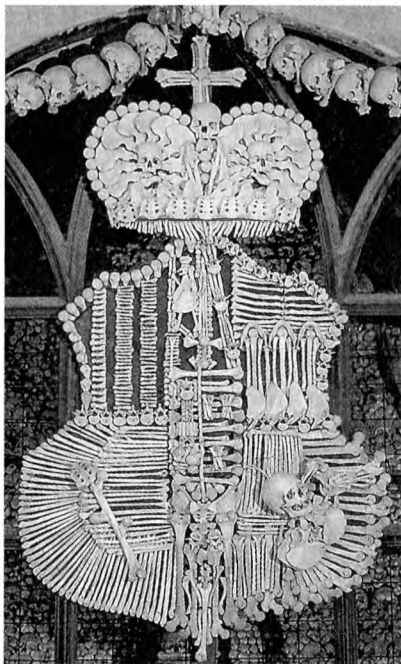
Все антропологические находки нижнего палеолита, 94 % находок среднего палеолита и 84 % находок верхнего палеолита представлены только отдельными отчлененными костями. При этом 94 % питекантропов, 76 % неандертальцев и 73 % кроманьонцев вообще известны нам лишь по одному или двум костным фрагментам. Только 16 % кроманьонских и 6 % неандертальских скелетов попали в руки исследователей в относительно целом виде и сохраняли анатомический порядок в момент их обнаружения. Г. Ульрих считает, что хорошая сохранность связана с преднамеренностью этих захоронений. Но подобный ритуал был далеко не общепринятым в среднем и верхнем палеолите Европы, по-видимому в противоположность Ближнему Востоку, где уже 10,6 % гоминидов среднего палеолита и 40,9 % верхнего палеолита представлены относительно целыми, то есть тщательно погребенными скелетами.

В человеческом организме 217 крупных и мелких костей, поэтому, как бы сильны ни были природные воздействия, тело покойного, как правило, не может бесследно «раствориться», оставив после себя лишь одну-единственную косточку. Поэтому все больше ученых приходят сегодня к выводу, что плохая сохранность большинства палеолитических костяков — явление неслучайное. Кроме того, останки каждого четвертого архаического европейца запечатлели следы разнообразных манипуляций: надрезов, расчленений, полировок, скоблений и тому подобных действий. Характерно, что эти манипуляции производились, когда кости были еще достаточно «свежими» и эластичными, а не высушенными.

Итак, уже в эпоху палеолита тела покойных очищали от мягких тканей, разнимали на части, а кости старательно разрушали. Очевидно, так поступали с соплеменниками, скончавшимися по

а

б

Рис. 8 (а, б). Фрагменты интерьера церкви Всех святых в Кутна Горе. XVIII в.

Совершенно неожиданные примеры манипулирования человеческими останками можно обнаружить в самом недалеком прошлом «цивилизованных народов». Неподалеку от Праги находится небольшой городок Кутна Гора. Кладбище местного Седлецкого монастыря неоднократно перекапывалось, а извлеченные из земли скелеты хранились в местном склепе. В XVIII веке сорок тысяч таких скелетов были отбелены в хлорной извести, после чего мастер Франтишек Ринт «оформил» человеческими костями церковь Всех Святых. Особое впечатление производят выполненная из костей люстра и герб местных феодалов Шварценбергов на стене.

естественным причинам. Но так же поступали и с жертвами насильственной смерти: с мужчиной из Чикловины (Румыния), с ребенком из Балла (Венгрия), с мужчиной Младеч 5 (Моравия), жившими в эпоху верхнего палеолита; с неандертальскими ребенком Энгис 2 и подростком Ле Мустье 1 из Франции.

Иногда считается, что «обработанные» и изолированные человеческие кости доставляли к племенному стойбищу для окончательного, вторичного захоронения, если их обладатель скончался где-то далеко от дома. Г. Ульрих не согласен с такой трактовкой. В поисках пищи люди каменного века часто переносили свои стоянки. Поэтому у них не было особых причин доставлять отдельные части тела своих близких к месту временного обитания, если только человеческие кости не были объектом специальной ритуальной практики. Судя по характеру разрушений, манипуляции с телами проводились на месте гибели. Значит, для палеолитического человека отправление дальнейших посмертных церемоний в присутствии всего племени имело большой смысл. Очищенные от тканей кости приносили в пещеры и на открытые стоянки, в те места, где тогда жил человек.

Именно здесь мы можем проследить первые признаки культа головы, поскольку черепа и их отдельные фрагменты среди этих изолированных находок попадают в четыре раза чаще, чем кости скелета.

Захоронения отчлененного черепа встречаются уже в конце нижнего палеолита (Петралона в Греции), у неандертальцев среднего палеолита (Пеш де л'Аз во Франции и Монте Чирчео в Италии), у кроманьонцев (Азиль и Пато во Франции, Ветерница в Хорватии, Сунгирь в России). Известные погребения головы, то есть черепа, не освобожденного от тканей, относятся только к концу верхнего палеолита и мезолита. Скопления «мертвых» голов обнаружены в германских пещерах Офнет и Холенштайн.

После участия в ритуалах судьба отчлененных костей была различной.

Начиная с *Homo erectus* (то есть человека прямоходящего, питекантропа) разломанные человеческие кости могли быть выброшенными вместе с костями животных непосредственно на месте стоянки племени.

С интересным явлением столкнулись ученые, раскопавшие целое неандертальское «кладбище» в Крапине (Хорватия). В пещере обнаружили скелеты примерно 30 неандертальцев, разрушенные на мелкие фрагменты. Все кости были разломаны, причем надрезы отчетливо видны на 30 % трубчатых костей и на 14 % костей черепа. Похоже, что все эти мрачные процедуры производились не в самой пещере. Впрочем, возможно, лощение крупных костей скелета и извлечение костного мозга происходило прямо в месте «окончательного успокоения». Многие ученые усматривают в действиях крапинских неандертальцев каннибализм.

Справедливости ради отметим, что другие исследователи скептически относятся к такому предположению, объясняя наблюдающуюся фрагментацию естественными геологическими причинами или обрядом захоронения уже расчлененных тел. К числу скептиков принадлежит и петербургский исследователь В.А. Алекшин, отмечающий, что кости из Крапины практически не подверглись воздействию огня. Но ведь людоедство и применение огня не обязательно сопутствуют друг другу, о чем свидетельствуют и некоторые позднейшие этнографические сведения, например из практики аборигенов Новой Гвинеи. В частности, существование болезни куру связано с традицией поедания сырого мозга. По-видимому, гипотезы о распространении каннибализма, базирующиеся на материалах, подобных костям крапинских неандертальцев, всегда останутся дискуссионными. Нельзя доказать исключительно «людоедский» характер разрушений, но так же сложно доказать обратное. Гораздо важнее, что все антропологи, изучавшие останки из Крапины, основываясь на объективных критериях, пришли к согласию относительно присутствия признаков преднамеренной фрагментации скелетов и отделения мягких тканей от костей.

Другой обычай, распространенный в палеолите, — преднамеренное выставление отдельных костей в специально выбранных для этого местах: вдоль стен пещеры, в нишах, под камнями и рядом с очагом. Неандертальские стоянки Охоч и Шипка (Богемия), Гановце (Словакия), кроманьонские памятники Чикловина (Румыния), Добритц (Германия), Афонтова Гора (Россия) определенно демонстрируют приверженность этой традиции. Больше вопросов вызывает затылочная кость из Бильцингслебена — конца нижнего палеолита, покоившаяся на дне бывшего ручья и прикрытая оленьими рогами. Не исключено, что уже несколько сот тысяч лет назад европейские гоминиды совершали посмертные ритуалы.

Погребение неандертальского ребенка из Тешик-Таша в Узбекистане окружали пять пар рогов горного козла. По-видимому, тело умершего мальчика расчленили перед тем как похоронить. Соплеменники тщательно погребли его голову и некоторые кости скелета.

Г. Ульрих убежден, что так же поступили с телом подростка Ле Мустье 1 (Франция): похоронили череп вместе с отдельными трубчатыми костями. На черепе Ле Мустье можно увидеть надрезы и следы скобления.

Памятник Пшедмости в Моравии, датируемый около 26 000 лет до нашего времени, позволил ученым исследовать останки 30 кроманьонцев (14 взрослых, трех подростков и 13 детей). Коллективное захоронение 18 человек было вскрыто еще в 1894 г. К несчастью, практически весь скелетный материал был уничтожен во время Второй мировой войны. Тем не менее сохранившиеся подробные описания антрополога Йозефа Матейки позволяют реконструировать обряд захоронения. Сначала думали, что в одной яме были захоронены целые тела одновременно скончавшихся людей. Альтернативную реконструкцию предложил Г. Ульрих. По его мнению, в могиле было погребено только пять относительно полных скелетов. Все остальные — представлены множеством скелетных фрагментов или отчлененными костями.

В Пшедмости кости человека обнаружены не только при раскопках массового захоронения, но и в культурном слое стоянки. Это были нижние челюсти (четыре взрослые и две детские), череп и посткраниальные останки (один взрослый, два ребенка), фрагменты посткраниального скелета (трое взрослых).

Согласно полевым дневникам археолога К. Машка, части скелетов из коллективного захоронения не лежали в анатомическом порядке (кроме одного мужчины, известного как Пшедмости 3). Многие кости были отчленены, изолированы друг от друга и разрушены, так же как и находки в слоях поселения.

Если концепция археологов об одновременном погребении останков верна, то можно говорить о создании костяного могильника близких родственников. Подобное кладбище могло быть местом первичного или вторичного захоронения уже «очищенных» и разъятых скелетов.

Захоронение или выставление нетронутого трупа знаменует собой совершенно новый этап в мировосприятии: осознание границы между жизнью и смертью и появление категории людей, имевших особую ценность для социума. Пока считается, что первыми так стали поступать со своими родственниками ближневосточные гоминиды, населявшие окрестности горы Кармел от 100 000 до 80 000 лет назад. Эти люди обладали вполне современными анатомическими особенностями, несмотря на то, что пользовались относительно примитивными «неандертальскими» орудиями труда. Напротив, в Европе первое захоронение неповрежденного тела осуществили «классические» неандертальцы Ла-Шаппель-о-Сен около 47 500 лет назад. Их облик был еще архаичен. И на Ближнем Востоке, и в Европе местом погребения были пещеры.

В верхнем палеолите неповрежденными были захоронены от 52 до 68 индивидуумов (только 9,9–12,9 %) из 25–33 верхнепалеолитических памятников Европы. Четко локализируются географические очаги таких захоронений — Богемия, Моравия, Франция, Италия и европейская Россия. Причем, если во Франции и Ита-

лии в основном находят выставленные (погребенные) останки людей в пещерах, то в Богемии, Моравии и России целые костяки обнаруживают в культурных слоях равнинных стоянок. В таких погребениях обязательно присутствует заупокойный инвентарь. Совершенно очевидна особая значимость «настоящих» захоронений.

В них часто встречаются скелеты взрослых мужчин, социальный статус которых был высок (например, Барма Гранде 5, 6, Оберкассель, Павилэнд и особенно Сунгирь 1). Погребения детей и подростков были объектом особого внимания палеолитического населения. Подобные захоронения часто являлись коллективными. Заслуживает упоминания верхнепалеолитическое тройное погребение в Дольни Вестонице, где покоились останки юношей-погодков 17 и 18 лет и девушки 20 лет. По мнению антропологов, они могли быть братьями и сестрой.

Не исключено, что также брат и сестра похоронены голова к голове в богатейшем погребении верхнего палеолита на стоянке Сунгирь под Владимиром. Открытия, сделанные экспедицией О.Н. Бадера еще в 60-е гг. XX в., поразили весь научный мир.

Не так давно антрополог А.П. Бужилова сопоставила средние демографические показатели эпохи верхнего палеолита с полом и возрастом людей из двойных и тройных захоронений Барма Гранде, Дольни Вестонице и Сунгиря. Так она пришла к выводу о возможном жертвенном характере сунгирского двойного погребения: смертность в подростковом возрасте была наименее характерна как для верхнего палеолита, так и для других эпох.

Развивая эту мысль, отметим, что подростки, прошедшие обряд инициации, представляли особую ценность для социума. С учетом сложных религиозных представлений, четко реконструируемых по предметам, найденным в сунгирских могилах, можно допустить, что ритуальная смерть мальчика и девочки имела целью обеспечить выживание и процветание целого рода. Обряд инициации осуществлялся при наступлении половой зрелости, и этой зрелости почти достигли мальчик и девочка из

Сунгиря, скончавшиеся в 13 и в 10 лет. После инициации молодой человек становился полноправным членом общины. Во время обряда посвящаемый «умирал», а потом «воскресал» новым человеком. Поэтому важным в любой разновидности обряда инициации является состояние временной смерти, которая осознается как настоящая. Согласно В.Я. Проппу, проводы посвящаемого были проводами на смерть. Детей особым образом украшали, красили и одевали. Отсюда недалеко до смыслового сближения инициации и жертвоприношения.

Итак, мы не знаем, почему люди каменного века так часто расчленяли тела своих близких. Мы также не знаем, что они делали с их костями. Но совершенно очевидно, что эти действия были очень важны. Вспомним: главное занятие палеолитического человека — это охота. Поздний *Homo erectus* обладал большим опытом разделки туш животных. Не только мясо и внутренности, но и кости представляли интерес для питекантропа. Можно, следовательно, допустить, что представления о человеческой жизни и смерти сформировались из наблюдений за жизнью и смертью животных. Обращаясь со своими покойниками как с охотничьей добычей, палеолитический гоминид совсем не обязательно прибегал к каннибализму. В эволюционной ретроспективе в какой-то момент произошло «смещение действия», и поведение, нацеленное на разрушение тел, стало воспроизводиться в новом социальном контексте — в рамках ритуала. Манипуляции с мертвыми телами перестали быть делом сугубо утилитарным и обрели новый общественно значимый смысл. С другой стороны, такая «непрактичная» деятельность сплавивала первобытных гоминидов, умеряла агрессивность внутри группы. По мере «сакрализации» человеческих ритуалов совершенно очевидно возрастала их защитная, психотерапевтическая роль.

Возвращаясь к вопросу о людоедстве, заметим, что его приметы иногда возникают в палеолитических памятниках, проявляясь главным образом в расширении большого затылочного отверстия или расщеплении трубчатых костей (Атапуерка в Испа-

нии — нижний палеолит; Моула-Герка во Франции, Виндия и Крапина в Хорватии, Веймар-Эрингсдорф в Германии — средний палеолит; Младеч в Чехии, Чикловина в Румынии — верхний палеолит). Но это явление все же не имело такого широкого распространения и, по-видимому, тоже носило обрядовый характер. По словам английского ученого Найджела Бэрли, поедание умершего могло быть не менее ритуальным действием, чем его захоронение.

«Становясь человеком», изготавливая орудия труда, среднеплейстоценовый гоминид учился применять эти орудия для манипуляций с собственным телом. Такое поведение не было характерно для других приматов и его эволюционных предшественников, возможно потому, что у них отсутствовали необходимые инструменты. Но так же вероятно, что подобная «неутилитарная» деятельность являлась чисто человеческой приметой, признаком сложной душевной организации. Во всяком случае, мифы, объяснявшие древнему человеку устройство и происхождение мира, пронизаны идеей жертвоприношений и манипуляций с человеческим телом. Приемы «хирургического» обращения с живыми и мертвыми, возникнув в глубокой древности, когда человек разумный еще не существовал как вид, сохранили свою значимость значительно позже.

Помимо добывания хлеба насущного неотъемлемой частью жизни наших предков был ритуал. Изначальный иррационализм, скрывающийся глубоко в человеческой душе, окружение символами, стремление испытать себя и тем самым упрочить мироздание — вот тот исторический фон, на котором производились многочисленные попытки манипулировать человеческим телом. Все это приходится учитывать исследователям самых древних операций в истории человечества — трепанаций.

Глава 2

МЕТОДЫ ТРЕПАНИРОВАНИЯ, СУЩЕСТВОВАВШИЕ В ДРЕВНЕМ МИРЕ

*Трепанации – что это такое? – Сроки их заживления. – Перспективы
выздоровления. – Классификация древних трепанаций по цели проведения. –
Классификация по способам трепанирования. – Древнейшие инструменты.*

Что такое трепанация? Как ни удивительно, ответ на этот вопрос далеко не очевиден, даже для специалистов. Парадоксально, но общепринятого определения древних трепанаций до сих пор не существует. Одни ученые подразумевают под трепанациями любое запланированное хирургическое вмешательство, нарушающее целостность мозговой капсулы. Другие исследователи склонны сужать понятие трепанаций до «прижизненных, планомерных воздействий на субстанцию черепа человека» (Вольфганг Паль) или даже до «индикаторов травм черепа доисторического и исторического времени» (Михаэль Шульц). Прижизненная доисторическая трепанация также определяется как планомерное целенаправленное поверхностное или проникающее хирургическое воздействие, затрагивающее ранее не поврежденный участок черепа (Герберт Ульрих). Сторонники этого определения не относят к трепанациям случаи хирургического вмешательства после черепных травм для извлечения осколков и обработки краев повреждения. В Кембриджской энциклопедии палеопатологии человека трепанация характеризуется как «создание канала между полостью черепа и окружающей средой» (А. Ауф-

дерхайде, К. Родригес Мартин). На наш взгляд, самое точное, простое и всеобъемлющее определение трепанаций — удаление участка кости из черепа (Ф. Лисовски) или «полное или частичное удаление фрагмента кости из свода черепа» (В.Я. Дэрумс). Такого расширительного понимания трепанаций, восходящего к трактовке П. Брока, мы и будем в дальнейшем придерживаться.

На протяжении всей жизни человека костная ткань сохраняет способность к структурным перестройкам. Разумеется, способность клеток к восстановлению зависит от возраста и состояния здоровья человека. Всем известно, что у молодых людей раны заживают гораздо быстрее, чем у стариков.

Скорость заживления зависит и от толщины черепа, которая может очень варьироваться. На различную толщину свода черепа у разных народов обращали внимание еще античные авторы. Например, согласно Геродоту, у персов необычно тонкий череп, а у египтян очень толстый. Можно добавить, что толщина свода черепа различается у мужчин и женщин, у людей, страдающих некоторыми заболеваниями. Но, по-видимому, массивность черепа не была препятствием для операций.

Переломы и другие повреждения приводят к запуску многочисленных биохимических процессов и к усилению клеточной активности. При нормальном, не осложненном инфекцией развитии событий на месте повреждения возникает новая структура — костная мозоль. После операций на своде черепа явные признаки выздоровления на краях отверстия появляются в среднем через три месяца.

С этим связаны определенные трудности в работе экспертов. Не имея в руках истории болезни, не так просто отличить прижизненные операции, вскоре после которых пациент скончался, от посмертных вскрытий. Разработана подробная дифференциальная диагностика, предусматривающая, что «дополнительные» отверстия в голове человека могут появиться под воздействием травм, болезней или даже иметься от рождения.

Неоднократно случилось, что необычные отверстия на черепе человека ошибочно относили к трепанационным. Перфорации свода черепа могут быть следствием инфекционных процессов, микозов (грибковых заболеваний) или таких новообразований, как эпидермальная и дерматоидная кисты, миелома, вторичная карцинома, саркома. Родовые травмы и повреждения, полученные в раннем детстве, также приводят к образованию псевдотрепанационных дефектов.

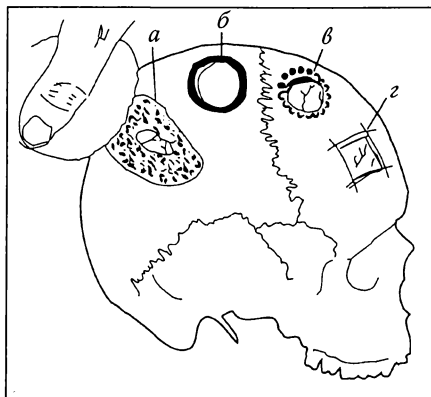

Рис. 9. Различные техники трепанирования, применявшиеся в древнем мире (по Ф. Лисовски):

а) скобление; б) прорезание; в) сверление небольших отверстий и прорезание «мостика» между ними; г) иссечение фрагментов прямоугольной формы.

Рекомендуется отличать намеренную трепанацию и отверстия, полученные от удара мечом, при раскопках или в результате предшествовавшего ограбления могил, при продолжительном давлении острых камней, при избирательной эрозии, особенно в уже поврежденных участках кости. Кроме того, в некоторых частях света обширные разрушения костей способны вызывать насекомые и грызуны.

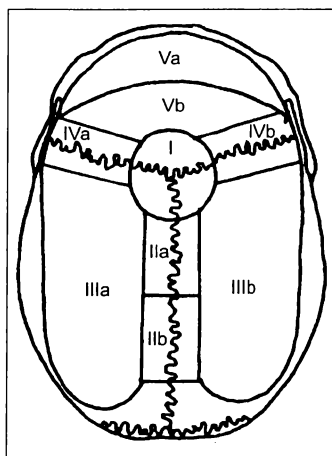
Рассматривая дефекты на теменных костях, нельзя путать трепанации с некоторыми врожденными аномалиями (*fenestrae parietalis symmetricae*) и случаями двустороннего остеопороза (истончения) костей. Существует обусловленная дефектом развития анатомическая вариация, когда обычно очень небольшие питательные отверстия теменных костей достигают диаметра 2 или 3 см. Этот признак чаще встречается у мужчин и бывает выражен с правой стороны. Размеры, локализация и число отверстий имеют наследственный характер. *Fenestrae parietalis*

symmetricae (дословно «симметричные окна теменных костей») иначе называют меткой Катлинов — по фамилии американской семьи, у членов которой этот признак встречался особенно часто. Это также генетически обусловленная аномалия, но анатомически отличающаяся от предыдущего маркера по своему происхождению. Для этой анатомической вариации характерны отверстия овальной или округлой формы с «зажившими» краями. У живого человека подобный дефект можно обнаружить только используя рентгеновский метод. Такие отверстия внешне чрезвычайно похожи на образующиеся при искусственной трепанации и могут встречаться у взрослых людей.

Остеопороз теменных костей также легко принять за зажившие трепанационные отверстия. Поскольку эта патология относится к разряду системных заболеваний, следует обследовать другие части скелета, например грудные позвонки. К сожалению, это не всегда возможно. Помимо перечисленных выше «ложных трепанаций» Д. Бротвелл упоминает еще разрушения теменных костей при истончении в результате врожденной недостаточности и перфорации при сифилисе, внешне весьма сходные с эрозированными трепанационными отверстиями. Как отмечают Д. Ортнер и В. Путчар, с трепанациями могут быть морфологически сходны некоторые врожденные аномалии, такие как дизрафизм (мозговая грыжа). Специалисты подчеркивают, что это заболевание имеет неблагоприятный прогноз: люди с обширными дефектами черепа, как правило, умирали в детстве.

Для диагностики посмертных и прижизненных трепанаций чаще всего используют рентген. Диагностическими признаками хирургических трепанаций с частичным заживлением являются наличие на рентгенограммах более светлых, по сравнению с неповрежденной костью, участков вокруг отверстия, мелкозернистая и «нежная» структура этих зон. Область заживления демонстрирует нормальное протекание перестройки костных структур — без утолщения краев отверстия, излишней минерализации и омертвления ткани. Когда трепанация или травма была ослож-

Рис. 10. Схема описания следов оперативного вмешательства на черепе человека

Подробную схему описания следов оперативного вмешательства на черепе человека составили венгерские антропологи Й. Немешкери, А. Краловански и Л. Харзани, разделившие череп на пронумерованные зоны. Прежде всего рекомендуется определить, в какой степени сохранности находится череп, половую принадлежность исследуемого индивидуума, его возраст. Следует представить общие сведения об обстоятельствах находки, в том числе о сопутствующем погребальном инвентаре и датировке могилы. Данные о размерах трепанации должны содержать информацию о величине внешнего и внутреннего диаметров. Форму трепанации рекомендуется описывать путем сравнения с геометрическими фигурами. Края отверстия следует характеризовать в следующем порядке:

а) внешний край; б) внутренний край; в) поверхность между краями. Для определения времени, прошедшего с момента хирургического вмешательства, оценивают стадию реакции заживления. Для этого макро- и микроскопическими методами исследуют поверхность, прилегающую к трепанационному отверстию. Стадия реакции заживления соотносится с тремя фазами: 1) следы реакции заживления не прослеживаются, края острые, видна неизменная структура губчатого вещества (диплоэ); 2) есть следы заживления, края утратили остроту, закруглились, структура слоя губчатой ткани изменена и заметны следы образования костной мозоли; 3) имеется выраженная реакция заживления — края срослись, структура диплоэ не прослеживается, поскольку полностью сформировалась костная мозоль.

Полное заживление трепанационного отверстия характеризуется наличием замыкающей пластинки, прикрывающей губчатое вещество. Эта замыкающая пластинка на всем протяжении трепанационного отверстия соединяет наружную и внутреннюю пластинки черепного свода.

Для реконструкции техники хирургического вмешательства вновь исследуют края отверстия. Но если операция была сделана прижизненно и прошло значительное время с момента ее осуществления, определить способ операции сложно.

Далее следует установить возможную причину трепанации. Причины делятся на две группы. К первой группе относят патологические изменения черепа (например, травмы свода). Ко второй группе — скрытые причины (к примеру, присутствие на внутренней поверхности черепа так называемых пальцевидных вдавлений — симптомов повышенного внутричерепного давления). К этой же группе условно относят трепанирование в ритуальных целях.

Наконец, операции делятся на запланированные (как правило, проводившиеся в центральной части свода черепа) и срочные (выполнявшиеся в участках, затронутых травмой или другим патологическим процессом).

нена воспалительным процессом, на рентгенограммах видны уплотнение и резкое осветление краев сквозного повреждения.

При посмертных трепанациях края отверстия острые, нечеткие, на рентгенограммах отсутствует светлая окружающая зона.

Как отмечают судебные медики, повреждения костей свода черепа могут хорошо передавать особенности следообразующего предмета и имеют большое идентификационное значение. Повреждения могут быть поверхностными (в таких случаях затронута только внешняя костная пластинка, иногда губчатое вещество), глубокими (повреждены все три слоя кости) и сквозными (с образованием отверстия) — это дырчатые переломы. По повреждениям костей свода черепа тупым предметом нередко можно восстановить общие характеристики орудия поражения, и реже — определить предмет, с помощью которого травмирован череп. Вдавленные переломы одной лишь наружной пластинки хорошо передают контуры внедрившейся поверхности тупого предмета небольших размеров (например, рабочей поверхности топора), а также крупные, грубые детали рельефа (выступы, выемки). Дырчатые переломы позволяют судить только о форме сечения самого широкого участка внедрившейся части. На выступающих частях дырчатого перелома плоских костей иногда остаются следы трения, образованные гранями орудия поражения. Идентификация возможна в том случае, если тупым предметом воздействовали на череп под углом около 45° . Вдавленные переломы трех слоев черепа — результат воздействия на кость под острым углом ($30-45^{\circ}$). Посттравматические последствия сквозных переломов свода черепа иногда выражались в ограниченном остеомиелите и сопровождались активным нагноением и вторичными разрушениями черепа.

В разные периоды человеческой истории наблюдались неодинаковые перспективы выздоровления после трепанаций.

Удавалось выжить в среднем половине оперированных, еще 16 % жили после операции недолго и 28 % подвергнутых трепанации умирали в момент операции или сразу после нее.

В европейских медицинских учреждениях XVIII–XIX вв. результаты операций на своде черепа были неутешительными. Смертность при трепанировании колебалась от 50 до 100 %. Например, в 1835–1836 гг. в парижских больницах трепанацию не пережил ни один пациент. Новая эра наступила только после 1867 г., когда стали применять антисептики. В 1886 г. смертность от травм черепа колебалась между 50 и 60 %, в том числе собственно послеоперационные осложнения возникали в 28 % случаев. Во время Первой мировой войны смертность от повреждений черепа достигала 80 %. Во время Второй мировой войны – 33,4 %, причем в 84 % случаев развивалась локальная инфекция.

Тем более удивительны результаты деятельности древних хирургов. Так, в новом каменном веке, почти 7000 лет назад, смертность от трепанаций составляла «всего» около 10%. В эпоху бронзы число людей, благополучно переживших трепанирование, несколько снижается, хотя оно по-прежнему достаточно высоко – свыше 70 %. Большим умением отличались индейцы доколумбового Перу (77,5 % выживших). У индейцев мочика смертность от операций достигала 37 % (63 % выживали). Среди древних жителей Британских островов после вскрытия черепной коробки 60 % долгое время оставались в живых. В железном веке на территории Швеции из 13 трепанированных выжили 10 человек (76,9 %), двое умерли (15,4 %). Об одном человеке, подвергнувшемся прижизненной процедуре вскрытия черепной коробки, таких данных нет.

Всемирно известны стали операции, проводившиеся омобари омотве, кенийскими знахарями из племени Кизии. Многие западные врачи наблюдали их за работой, обследовали пациентов, перенесших операцию. Смертные случаи составляли менее 1 %!

Уже в ранних документах, сопровождавших британскую и германскую колонизацию Восточной Африки, отмечалось, что народные целители к востоку от озера Виктория имеют опыт трепанирования черепов. Причины популярности краниохирур-

гии в этом регионе непонятны. У высокогорных обитателей, принадлежащих к племени Кизии, показанием к вскрытию черепной коробки служат головная боль, проникающее или поверхностное ранение головы. Трепанация, как правило, не показана при психозах, эпилепсии, головокружении или «одержимости злыми духами» (возможно, чтобы не выпустить этих духов наружу. — М.М.). Навыки трепанирования обычно передаются по наследству. Женщины не имеют права овладевать этим искусством. «Хирург» (омобари омотве) может совершать перед операцией магические ритуалы, но в последнее время это не обязательно. Предоперационная гигиена, включающая, к примеру, мытье головы пациента, как правило, не практикуется. Во время операции больной может находиться и в сидячем, и в лежащем положении. Обычно операция выполняется скоблением вплоть до прободения нижней костной пластинки и появления мозговой оболочки. Анестезия до самого последнего времени не применялась.

В 1958–1959 гг. ученый Э. Маргеттс познакомился с тремя бывшими пациентами омобари омотве и записал их истории болезни. Первый пациент, 35-летний полицейский, однажды получил сильный удар в переднюю часть головы. После нескольких лет мучительных головных болей он обратился к целителю и был трепанирован. В момент знакомства с Э. Маргеттсом пациент был в здравом рассудке, его головные боли прошли.

С другим пациентом Э. Маргеттс познакомился в тюрьме, где тот отбывал шесть месяцев за кражу и четыре месяца за побег. 1 марта 1958 г. на голову этого человека упало дерево. Он перенес три операции — 15 апреля, 15 июля и 15 ноября 1958 г. Каждая длилась около четырех часов. Перед операцией пациент получал от омобари какое-то снадобье, предназначенное для того, «чтобы кровь не текла слишком быстро». Обезболивание не применялось, но, по словам оперированного, он испытывал боль только в момент разрезания кожи. Лечение обошлось больному в 700 кенийских шиллингов, одну овцу, одну

козу, трех цыплят и три четырехгаллонные емкости пива. При общении этот человек выглядел неразговорчивым и подавленным, что, возможно, объяснялось местом беседы — разговор велся в тюрьме Найроби. Его сестра тоже была дважды трепанирована тем же знахарем после черепной травмы.

Третий пациент омобари, которого наблюдал Э. Маргеттс, пережил наиболее радикальную краниотомию. Если взглянуть на его фотографии, то в шляпе он выглядит совершенно обычным человеком. Но снимок, на котором он запечатлен без головного убора, поистине изумляет. У больного отсутствует вся верхняя часть свода черепа. На рентгенограмме видно отсутствие около 30 квадратных дюймов мозговой капсулы. В 1940 г. этот полицейский ударился головой о дверь. В 1945 г. ему сделали первую операцию, чтобы избавить его от головных болей. На протяжении семи последующих лет он перенес множество операций, точное число которых осталось Э. Маргеттсу неизвестно. По словам этого мужчины, операции были очень болезненными, но знахарь ничего не делал для того, чтобы унять боль. Несмотря на утрату столь значительной части черепа пациент сохранил дееспособность и прожил долгие годы. Единственное неудобство — для механической защиты мозга ему пришлось изготовить пластиковую подкладку для шляпы. В 1962 г. британский врач Коксон смогла установить точное число перенесенных этим человеком операций — 35! «Хотя он слегка потерял свой череп, в шляпе и с неограниченным количеством аспирина, головных болей он не испытывает и стал успешным фермером. Очень благодарный пациент».

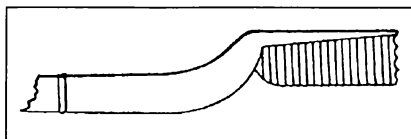

Рис. 11. Инструмент из Ниневии, найденный Т. Мейером-Штайнегом

Возможно, вовсе не был предназначен для трепанирования. Аккуратно просверлить кость с помощью этого цилиндра очень сложно. Поэтому бельгийский ученый Ж. Бронжерс предложил исключить эту находку из списка инструментов для проведения трепанаций.

В 1985 г. датские журналисты Кирстен и Лейф Йаппе сняли фильм под названием «Сельский врач» о деятельности нынешнего знахаря из племени Кизии. В документальной ленте показано, как сельский доктор лечил от мигрени молодую женщину. Ее муж и родственники присутствовали при операции, сидя не подальше у костра. В этом фильме причудливо переплетаются приметы нового и старого укладов жизни. «Операционным столом» служит большой, только что сорванный и предварительно вымытый лист банана. На нем разложены инструменты — традиционные ножи, коровий рог и современные скальпели. Перед тем как начать лечение в жертву приносят козу. Потом ее жир войдет в состав снадобья, которое накладывается на рану для ее скорейшего заживления. В мазь добавляют также древесный уголь и местные травы. По прошествии трех дней после операции пациентка считается здоровой. На ее голове навсегда останется рубец от раны, которая не ушивается — как своеобразный знак отличия.

По мнению новозеландского нейрохирурга Грэхема Мартина, в доантисептическую эпоху каждый перелом черепа был инфицирован и примерно каждый третий больной погибал от гнойного заражения. Подобренные выше примеры в целом говорят о более благоприятном развитии событий. Да и среди новозеландских аборигенов процент выживаемости после открытых переломов свода черепа составлял, по Мартину, 75 %. Этнографические наблюдения свидетельствуют, что представителям традиционных культур не чужды представления об антисептиках. К примеру, в Бразилии индейцы карайя применяют при обработке ран истолченный уголь, аборигены Аляски — кедровую смолу, аннамиты в Передней Азии — золу, остающуюся от сожжения «жертвенных посохов», кабилы Северной Африки — смолу, обитатели южных островов — кокосовое молоко.

Некоторые ученые полагают, что блестящие результаты деятельности древних медиков связаны с тем, что они не вскрывали твердую мозговую оболочку. Хирурги-эмпирики оперировали

здоровых и жизненно крепких людей, тогда как в Новое время стали чаще оперировать тяжелобольных. Надо учитывать и более выраженную сопротивляемость организма древних людей к разным повреждениям, которая подтверждается изучением скелетов, найденных при археологических раскопках.

Кроме того, успеху древних трепанаций могло способствовать применение снотворных средств, помогавшее избежать шока.

Трепанация производилась в различных целях. Именно этот факт лежит в основе большинства классификаций трепанационных отверстий. Сейчас принято различать:

1) действительную, или хирургическую, трепанацию — любое отверстие в черепе, сделанное прижизненно;

2) ритуальную трепанацию — любое посмертное вскрытие черепа;

3) символическую трепанацию — поверхностную прижизненную операцию.

Хотя подобное деление и является сегодня наиболее полным, оно изначально противоречиво. Нет нужды противопоставлять символическую и ритуальную трепанацию, поскольку нельзя утверждать, что варианты обряда не сочетались в традициях разных народов. Кроме того, хирургические действия в древнем мире совершались сквозь призму ритуального, религиозного отношения к производимому процессу, а не как плановая операция в современной больнице. К тому же, как мы уже заметили, заживление — процесс долгий, его начальные симптомы возникают через три месяца после операции. И если пациент умирал в течение этого срока, трудно отличить прижизненную операцию от посмертных манипуляций. Экспертам приходится обращать внимание на следы сопутствующих заболеваний — возможных причин лечения — или на особенности погребального обряда. Тем не менее, если не заострять внимание на не вполне удачных названиях, такая классификация трепанаций помогает ответить на

вопрос: для чего совершался обряд — для поправки здоровья или с другими целями?

К гипотетическим медицинским показаниям к трепанированию, существовавшим в древнем мире, можно отнести:

- 1) открытый или закрытый перелом черепа;
- 2) удаление инородного тела из костной ткани;
- 3) геморрагическую внутричерепную реакцию травматического происхождения;
- 4) открытое или закрытое ранение мозга;
- 5) острый, хронический или специфический воспалительный процесс на костях черепа;
- 6) злокачественные и доброкачественные костные разрастания черепа;
- 7) эхинококковые цисты в костях черепа;
- 8) опухоль мозга (для уменьшения внутричерепного давления);
- 9) гнойные воспаления мозга и оболочек;
- 10) *sinus thrombosis*;
- 11) иссечение церебрального нерва;
- 12) Джексоновскую эпилепсию;
- 13) диагностическую или терапевтическую пункцию.

В XIX в. стали проводиться операции, которые препятствовали слишком раннему закрытию черепных швов, влекущему за собой задержку развития, микроцефалию и слепоту.

Другая классификация трепанационных отверстий основана на описании способа операции.

Ученые различают трепанацию путем:

- а) скобления;
- б) прорезания;
- в) сверления и прорезания;
- г) иссечения фрагментов прямоугольной формы.

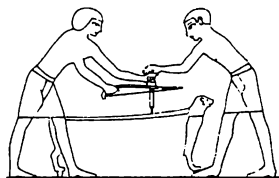
2540 г. до н.э.

ок. 1900 г. до н.э.

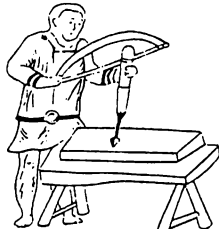
ок. 1450 г. до н.э.

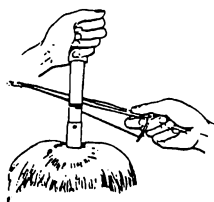
ок. 1450 г. до н.э.

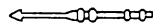
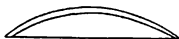
485 г. до н.э.

Рим

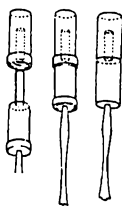
100-150 гг.

Рим

ХІІ-ХІІІ вв.

1860 г.

Рис. 12. Использование ручного сверла в разных эпохах

Способ вращения сверла при помощи струны натянутого лука был известен еще древним египтянам и практически не менялся до времен Римской империи. В средние века чаще применяли ручное сверло.

Читателям «Собачьего сердца» М.А. Булгакова, конечно, запомнилось профессиональное описание операции, выполненной профессором Преображенским.

«— Трепан!

Борменталь подал ему блестящий коловорот. Кусая губы, Филипп Филиппович начал втыкать коловорот и высверливать в черепе Шарика маленькие дырочки на расстоянии сантиметра одна от другой так, что они шли кругом всего черепа. На каждую он тратил не более пяти секунд. Потом пилой невиданного фасона, всунув ее хвост в первую дырочку, начал пилить, как выпиливают дамский рукодельный ящик. Череп тихо визжал и трясся. Минуты через три крышку черепа с Шарика сняли».

На протяжении своей истории человек изобретал различные способы трепанирования, пытаясь адекватно применять свои знания, возможности материальной культуры и природные ресурсы. В качестве подручных материалов в разное время употребляли раковины моллюсков, кремь, обсидиан, стекло, медь, бронзу, железо, разновидности стали. Проникновение в полость мозгового черепа возможно осуществить и каменным скребком, силой одной только руки и используя, как подъемную силу, лук или струну, трепан, электрическую дрель, а в последнее время — применяя сжатый воздух, лазер и ультразвук.

Самыми популярными инструментами до недавнего времени оставались механические пилки — плоские, цилиндрические, циркулярные или в форме скрученной проволоки.

Эпохи мезолита, неолита и бронзы

Об инструментах, применявшихся в этот период в уже широко распространенной практике трепанирования черепов, известно немного. Вместе с тем очевидно, что уже в верхнем палеолите человек обладал сложными навыками обработки кости, из которой изготавливал орудия труда и декоративные предметы, и владел техниками сверления и резьбы, необходимыми для совершения операций.

По-видимому, в каменном и бронзовом веке для трепанирования применяли приспособления, которые могли использоваться и в других целях. Иногда сама форма и размеры трепанационного отверстия позволяют воссоздать приблизительный облик орудий. Например, отверстие на мезолитическом черепе с Украины было просверлено. О более поздних периодах человеческой истории сохранилась более подробная информация.

Эпоха раннего железа

В 1912 г. Т. Мейер-Штайнег описал инструмент, найденный в окрестностях древнего города Ниневии, и предположил, что он применялся для трепанирования. Это был бронзовый цилиндр, подпиленный с одной стороны до образования специальных зубьев.

Более очевидное свидетельство применения специальных орудий для трепанирования было найдено в Австрии. В 1927–1928 гг. неподалеку от Вены в населенном пункте Гунтрамсдорф производились строительные земляные работы, в ходе которых были обнаружены четыре погребения 200 г. до н.э. В двух могилах нашли трепанированные черепа и одну выпиленную из такого черепа пластинку. По форме отверстий стало ясно, что жившие здесь когда-то кельты применяли специальный трепан. Согласно последним данным, на территории Австрии большинство трепанаций латенского периода выполнено прорезанием. Только в Дурнберге, Катцельсдорфе и Гунтрамсдорфе были найдены черепа со следами сверления. Ученые предполагают, что кельтские друиды, «практиковавшие» в этих местах, взяли на вооружение технологию римских врачей.

В 1910 г. в Оберменциге, недалеко от Мюнхена в Баварии, была раскопана содержащая кремацию могила «врача» (тоже 200 г. до н.э.). Среди погребального инвентаря имелся железный «пилообразный» инструмент. Похожий предмет нашли в месте под названием Кизкежег в Венгрии.

Другой железный предмет этого типа был обнаружен в кремнированном погребении в Галатии Бистритай на севере Румынии. Удивительно, но очень похожие пилки применяли для трепанирования еще в XIX в. в Северной Африке (племя *Chaouias* из *l'Aures* называло это орудие *menchar*). Характерно, что помимо трепана североафриканские аборигены использовали сверло (*brima*). Его вращение достигалось за счет простого трения в ладонях. Французские антропологи Мальбо и Верно после соответствующей подготовки экспериментально доказали, что менчар действительно являлся специальным трепаном.

Трепанационная пилка, обнаруженная в моравской пещере Бычи Скала и хранящаяся сегодня в Музее естественной истории в Вене, датируется VII–V вв. до н.э.

В коллекции Минусинского музея им. Мартьянова (Южная Сибирь) хранятся восемь бронзовых ланцетовидных инструментов, случайно найденных местными крестьянами еще в конце XIX в. во время пахотных работ. По форме рукояток археологи уверенно датируют эти изделия IV–III вв. до н.э. Возможность применения их для краниотомии достаточно высока. В Туве скифского времени известны как прижизненные, так и посмертные трепанации, выполненные прорезанием. А в Минусинской котловине найден трепанированный череп ребенка семи-восьми лет. И в этом случае искусственное разрушение затылочной кости стало следствием применения острого режущего предмета.

Античное время

Само слово «трепан» — *trypanon* — греческое по происхождению, оно обозначало специальное сверло, применявшееся для перфорирования черепа.

Судя по корпусу сведений, содержащихся в книгах Гиппократов «О враче» и «О ранах головы», трепанация черепа считалась одной из обычных операций. Древнегреческий хирург рас-

полагал всеми необходимыми для этого приспособлениями. Инструменты должны были быть удобны по своей величине, весу и тонкости. Для операции на черепе использовались трепан с пилообразными зубцами, венечный и перфоративный буравящий трепан. О том, как они приводились в действие, Гиппократ не говорит. Скорее всего, для этого использовалась веревка или лук. Упоминаются распаторий, или скребец, зонды. «После того как ты поскоблишь кость распаторием, если ты находишь, что трепанация требуется повреждением кости, — следует ее применить и не дать пройти больше чем трем дням, без применения этой операции. <...> Если, приняв лечение больного, с самого начала ты применишь эту операцию, ты не должен тотчас же пилить кость до мозговой оболочки, потому что невыгодно, чтобы эта оболочка была долго обнажена и находилась в состоянии страдания; но в конце концов она может стать влажной и загноиться. Есть еще другая опасность при отделении с самого начала спиленной кости от мозговой оболочки — это опасность ранить оболочку во время пиления кости. Вот что нужно сделать, когда немного недостает, чтобы отделение было полным и когда кость уже стала подвижной: оставить эту операцию, чтобы костная часть отделилась самопроизвольно, потому что в кости перфорированной, когда операция не доведена до конца, не может произойти ничего дурного. <...> Во время операции вследствие согревания кости часто нужно выгаскивать трепан и погружать его в холодную воду, потому что трепан, нагретый своим вращением, нагревая и высушивая кость, жжет ее и производит в костных частях, соседних операции, некроз больший, чем он бы был без того. <...> Если ...ты получишь больного с опозданием в лечении, нужно пилить немедленно трепаном венечным до мозговой оболочки, но часто вынимать инструмент, чтобы исследовать как другим способом, так и зондом всю окружность пути трепана. <...> Если ты употребляешь перфоративный трепан, тебе не нужно доходить до мозговой оболочки в том случае, если ты трепанируешь, предприняв ле-

чение с самого начала, но оставь тонкий слой кости, как это было описано в операции при трепане с венчиком» (Гиппократ, 1994. С. 597–599).

Тексты Гиппократа согласуются с более поздними римскими источниками и с археологическими материалами греко-римского времени.

Сословие римских врачей играло важную роль в жизни общества. Унаследовав достижения предшествовавших цивилизаций (династического Египта, этрусков и особенно греков), римляне достигли больших успехов в лечении самых разных заболеваний. Врачебное присутствие охватывало такие сферы жизни, как питание и гигиена, женские болезни, деторождение и контрацепция, война и смерть, «лечебная» магия. За римской армией следовали хирурги. Образ идеального хирурга описал Цельсий в медицинском разделе своей энциклопедии: «Хирург должен быть моложав или скорее молод, чем зрел; с сильной и надежной рукой, которая никогда не дрожит; он должен владеть левой рукой, как правой; обладать зрением острым и ясным; неустрашимым духом; исполненным жалости настолько, чтобы желать защитить пациента, даже если тот не может двигаться от боли ...но он должен сделать все, что возможно, даже если крики боли не вызывают у него эмоций». Как подчеркивает Цельсий, хирургия — это та область, где работа врача особенно на виду. При раскопках хирургические инструменты находили в разных местах Римской империи. Когда целитель умирал, его хоронили с предметами врачебного ремесла. В общей сложности археологи раскопали 78 могил, в которых обнаружены хирургические инструменты. Вопреки ожиданиям, самая высокая плотность находок отмечена не в Риме, или в Италии, а в бельгийской Галлии и в Германии. Этот феномен можно объяснить как различиями погребального обряда в разных частях империи, так и разной активностью медиков. Возможно, помощь хирурга чаще нужна была легионерам, подчинявшим империи обширные провинции.

Качество и сложность инструментария — это один из самых впечатляющих аспектов римской медицины. По-видимому, в Римской империи существовало специализированное производство медицинских инструментов. Большинство инструментов бронзовые, реже — железные. Римлянам была также известна технология производства стали, и, по сообщению Галена, стальные инструменты наилучшего качества, особенно клинки, производились в альпийской провинции Норикум. При иссечении большого участка поврежденного свода черепа Цельсий рекомендовал сочетать технику лучкового сверления с применением небольшого долота. Специальный инструмент, предназначенный для сверления небольших отверстий, назывался модиолусом, или венечным трепаном.

Гален, бывший личным врачом императора Марка Аврелия, описал инструменты, применявшиеся для хирургического лечения при переломах, в том числе лентикулярный скальпель *phakotos* и его разновидность *kykliskos*, который использовался при операциях на черепах с тонкими стенками.

В германском Бингене-на-Рейне было исследовано погребение врача, содержавшее кремацию. В могиле найдено множество медицинских инструментов. Среди них — два бронзовых цилиндра с зубчатыми краями (венечные трепаны с диаметрами 2,2 и 2,5 см) и особые направляющие стержни. Впоследствии была реконструирована схема медленного вращения цилиндрических пил при помощи лука. Чтобы защитить руки врача, использовали специальный бронзовый колпачок, один из таких нашли в Бингене вместе с дрелью. Сходный способ защиты при применении лучного сверла был известен в Древнем Египте.

Средневековье

Заметное место в истории медицины принадлежит арабским целителям. Абу-л-Касим Аз-Захрави (Абулкасис) родился в Испании, близ Кордовы, и жил на рубеже X–XI вв. В своей врачебной

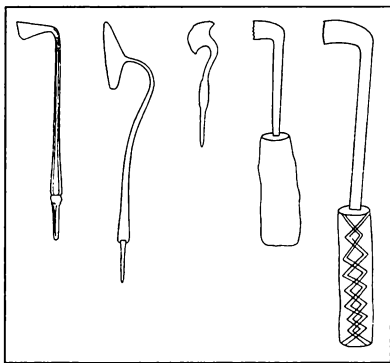

Рис. 13. Железные пилки с территории Румынии и Венгрии раннего железного века, менчафы из Северной Африки

Рис. 14. Предполагаемые трепанационные инструменты из Минусинской котловины

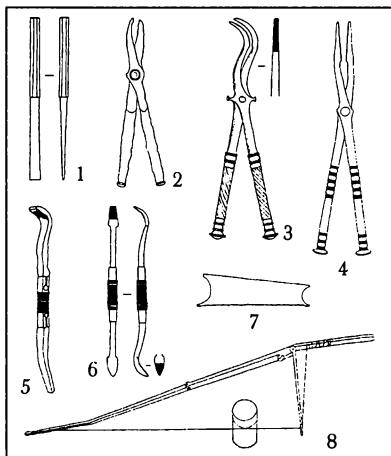
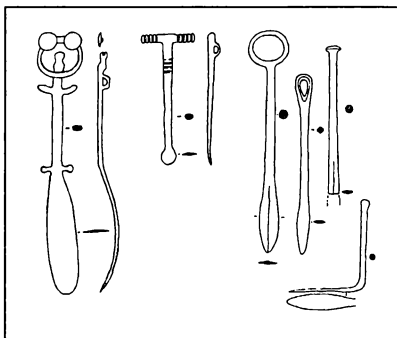

Рис. 15. Римские инструменты костной и зубной хирургии:

1) скальпель с железным клинком (Италия); 2) зубные железные щипцы; 3) костные щипцы *forfex, ostagra* из Помпей и Геркуланума; 4) щипцы из Колофона; 5–6) железные «элеваторы»; 7) костная пилка (Британский музей); 8) венечный трепан *modiolus* с направляющим луком из Бингена (по Р. Джексону).

Рис. 16.
Инструменты
костной хирургии
из трактата
Цельсия
«De medicina»
(по Р. Джексону)

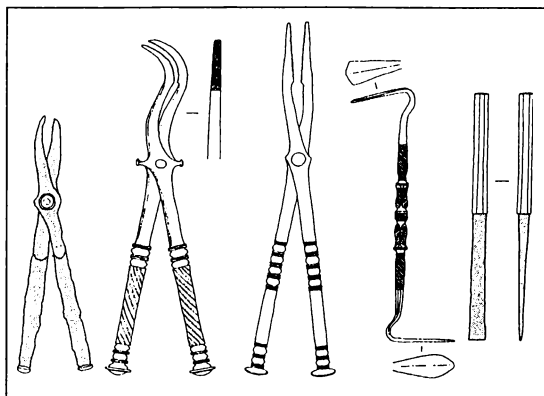
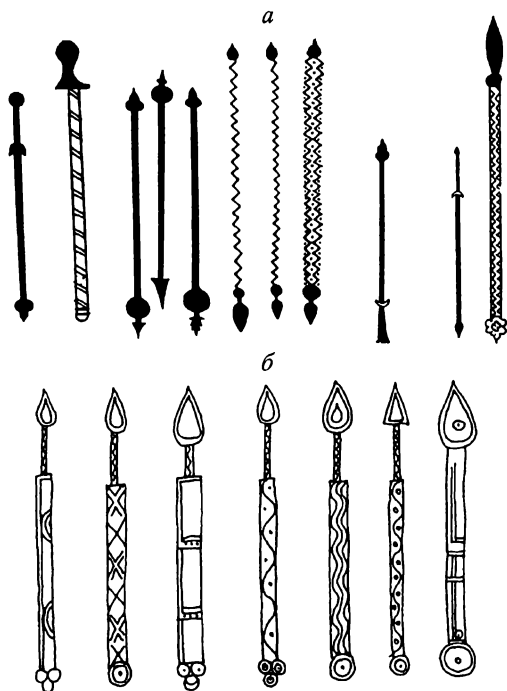
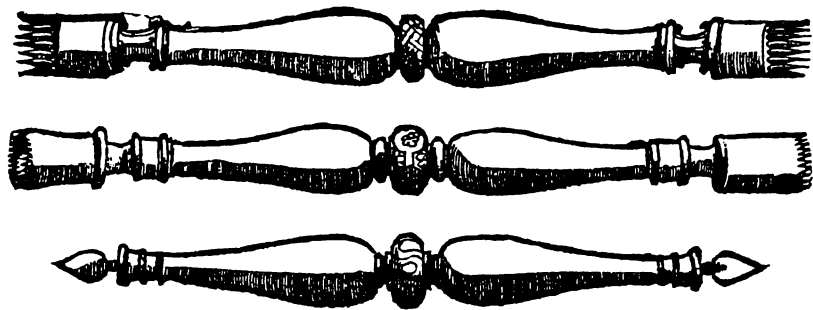

Рис. 17.
Изображения
трепанационных
инструментов
из трактата
Абулкаписа:

а) арабское издание;
б) латинское издание.

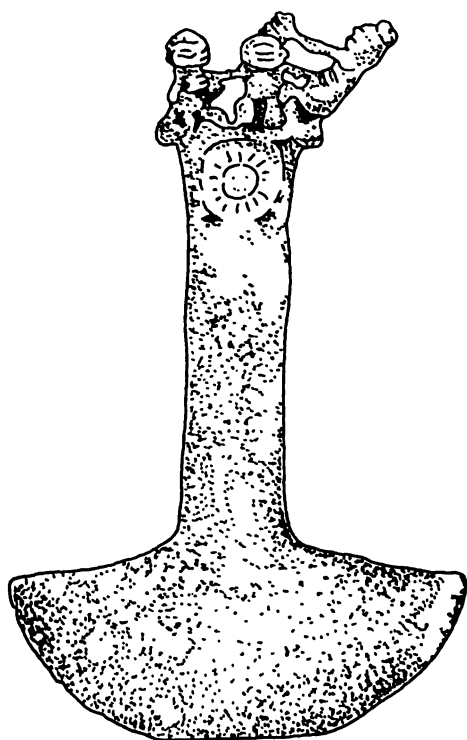
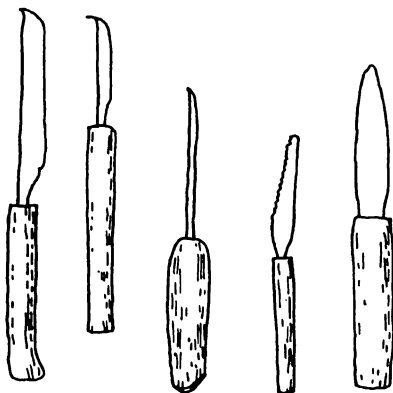

*Рис. 18. Инструменты, спроектированные
Джованни Андреа della Кроче (1563)*

*Рис. 19. Инструменты
XVII в. (из собрания
университета
г. Цюриха)*

*Рис. 20. Скоблящие ножи
и пилки, используемые
целителями племени Кизии*

*Рис. 21. Туми,
ритуальный бронзовый
нож, применявшийся
для вскрытия черепной
коробки (Перу)*

На навершии изображена сцена трепанирования (оригинал хранится в Музее народного искусства в Гамбурге). Изображение солнца на рукоятке позволяет соотнести проведение трепанации с соляным культом.

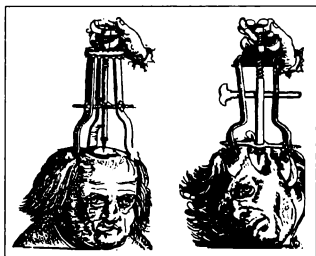

Рис. 22. Сцены вскрытия черепной коробки из книги Ханса фон Герсдорфа. Страсбург, 1517 г.

деятельности Абулкасис соединил достижения античной медицины с оригинальными методами, впоследствии оцененными европейцами позднего средневековья. В трактате «О хирургии и инструментах» он приводит рисунки трепанационных инструментов и описывает ход операции.

«Если раненого привезли к тебе тотчас после ранения и это произошло в зимнее время, ты должен попытаться удалить кость, во всяком случае не позже четырнадцатого дня.

Если же это происходит в летнее время, то кость необходимо извлечь [спешно] не позже седьмого дня. <...> Это может быть выполнено двумя способами. Один способ — в отсечении кости тонким остеотомом (микта) с острым концом. <...> После этого резца используй другой резец, немного шире первого. Затем используй еще один резец, шире второго. Очень важно, чтобы у тебя было несколько резцов, один из которых шире, а другие — короче остальных. Их концы должны быть чрезвычайно острыми, и они должны быть изготовлены из индийского железа или из лучшей стали. <...> Если кость прочна и тверда, то ты должен, прежде чем будешь работать с резцом, сделать отверстия вокруг нее с помощью дрели (мискат), которая называется „непогружающаяся дрель“. Ее название указывает на то, что она не просверливает краниальную кость насквозь до того, что находится под ней, так как лезвие дрели вставлено в деревянную рукоять и выступает только на такое расстояние, которое равно толщине кости. Ты должен раздобыть большое количество этих дрелей, каждая из которых должна подходить для кости определенной толщины. <...> Что касается способа перфорации вокруг переломанной кости, то он таков: приставь дрель к кости и крути ее своими пальцами. Затем переставь дрель на другое место, отсту-

пив от первого отверстия на расстояние около толщины зонда. Затем при помощи резцов вырежи кость между отверстиями. Затем извлеки кость либо руками, либо же при помощи некоторых инструментов, которые приготовлены для этой цели, таких как пинцет или тонкие щипцы.

<...> Другой способ операции значительно легче ...и менее опасен. Гален упоминает его и очень восхваляет. <...> Ты должен: во-первых, обнажить ту часть кости, где фрактура наиболее сильная. <...> Помести под нее конец этого чечевицеобразного (двояковыпуклого) резца, рисунок которого приводится. Его двояковыпуклая часть должна быть гладкой и тупой, а острая часть расположена с обеих сторон продольно, как ты это видишь. Двояковыпуклая часть лежит на оболочке, тогда как режущая поверхность находится на кости. Затем при помощи малого молотка ударяй по резцу с одной стороны, пока ты осторожно не пробьешь кость крутообразно» (Абу-л-Касим Аз-Захрави, 1983. С. 224–226).

Хирургический инструмент, датируемый X в., был найден в Венгрии при раскопках могильника Тиссаэслар-Башхаломпуста. Это резец с лезвием в форме листа, снабженный короткой, но массивной рукояткой. Возможно, в результате Великого переселения народов в Европу проникли умения и навыки, традиционно применявшиеся кочевыми скотоводческими племенами евразийских степей.¹

Венгерские хирурги X в. применяли особый вид наркоза, по всей вероятности вытяжку из мака. Им были известны и средства для остановки кровотечения. Наконец, они заботились о

¹ В Паласа-сырском могильнике прикаспийской «страны гуннов» два женских погребения идентифицированы как захоронения служительниц культа. По сведениям Мовсеса Каланкатуаци от 682 г., среди этого населения выделялось сословие жрецов-чародеев, колдунов, знахарей, кудесников, служителей капищ и священных рощ, в функции которых входило врачевание, гадание и т. п. Рядом с телом одной из паласа-сырских жриц был положен нож, очень напоминающий мадьярский инструмент.

защите трепанированных мест, прибегая к приемам костнопластической хирургии. Например, трепанация на черепе, обнаруженном у села Вереб, была прикрыта серебряной пластинкой с пробуравленными в ней отверстиями для подшивки к войлоку.

Во времена западноевропейского средневековья вплоть до эпохи Возрождения, когда труды античных авторов вновь получили широкую известность и повсеместно наблюдался интерес к анатомии человека, к сожалению, не было специализированного производства хирургических инструментов. Такие изделия в изобилии появились только в XVI в. Например, придворный врач последних французских королей династии Валуа Амбруаз Паре оперировал инструментами, называемыми по своей форме мужским и женским трепаном.

В 1569 и 1573 гг. инструменты для краниотомии спроектировал Джованни Андреа дела Кроче.

В XVII в., когда трепанации стали популярным сюжетом в изобразительном искусстве, внимание художников привлекли и соответствующие инструменты.

Современная клиника

Значительный прогресс в технике совершения операций был достигнут только в конце XIX в.

В 1889 г. Вильгельм Вагнер опубликовал работу по остеопластической краниотомии. В 1897 г. А. Обалинский предложил использовать для трепанирования пилу Гигли. Чуть позже Тьериде Мартель применил электрический трепан, который автоматически останавливается после прободения черепа.

В настоящий момент трепанацию рекомендуется делать так, чтобы щадить сосуды мягких тканей головы. Для остановки или прекращения кровотечений из мягких тканей используют специальные зажимы, сдавливающие края разреза, электрокоагуляцию, сдавление краев разреза пальцами. Поскольку при вскрытии кости может открыться значительное кровотечение из дип-

лоетических вен, применяют сдавление костного края щипцами, замазывание его воском, пломбировку мышцей, костными опилками. Вскрытие кости проводят просверливанием сверлами-трепанами копьевидной, конической, шарообразной, цилиндрической формы с помощью ручных инструментов (коловороты) или механических устройств (трепаны с электроприводом, турбины). При необходимости полученное сверлом отверстие расширяют кусачками или выпиливают проволочными пилками либо кусачками Дальгрена.

Осложнения в момент операции остаются прежними: «проваливание» инструмента в полость черепа, ранение венозных синусов, самого мозга и его сосудов. Поэтому для профилактики применяют специальные фрезы, останавливающиеся после распила, а также копьевидные фрезы с широкими крыльями, которые «повисают» на краях отверстия.

К народным инструментам, распространенным среди современных знахарей племени Кизии, относятся острые скобящие ножи с изогнутым лезвием («екеоре») и пилки («енсеке»). Один из самых успешных целителей Кизии, сделавший за свою жизнь больше сотни операций, отдавал решительное предпочтение изогнутому скребку и не пользовался пилкой.

В Новом Свете существовали оригинальные традиции производства трепанационных инструментов. Нельзя не упомянуть о богато украшенных ножах *туми*, специально предназначавшихся индейцами мочика для краниотомий.

Глава 3

ХИРУРГИЧЕСКИЕ ТРЕПАНАЦИИ

Хронология и география «лечебных» сквозных трепанаций. — Старый Свет: каменный век, эпоха бронзы, ранний железный век, античное время, средневековье. — Короли и шуты средневековой Европы. — Новый Свет: Северная Америка, Южная Америка. — Южные острова Тихого Океана. — Австралия.

Как давно человек научился делать операции на черепе? Где это произошло? В каких случаях древние прибегали к сложным и опасным операциям? Опираясь на хронологию и географию найденных археологами черепов, мы постараемся ответить на некоторые из этих неизбежно возникающих вопросов. В третьей главе мы специально рассмотрим только «настоящие» трепанации — сквозные отверстия, проделанные при жизни, то есть с возможной целью излечения.

Старый Свет

Древнейшие в мире трепанированные черепа найдены на территории Старого Света. По-видимому, не случайно самые ранние примеры хирургического воздействия дает нам колыбель человечества — Африка. Здесь, на востоке Марокко, археологи исследовали погребения в могильнике Тафоральт, сделанные 12 000 лет назад. На одном из найденных при раскопках черепов имелось отверстие, выскобленное на левой теменной кости еще при жизни человека.

Но, конечно, больше всего фактического материала ученые собрали для Евразии, и на ее примере мы можем проследить развитие культурных навыков от эпохи, когда главным материалом для человечества был камень, до близкого к нам средневековья.

Каменный век

Самый ранний пример прижизненного трепанирования в Евразии относится к среднему каменному веку — мезолиту. К этому периоду ледник, ранее покрывавший огромную часть суши, уже растаял, исчезли мамонты, а обитатели Европы приспосабливались к жизни в новых условиях.

В 1955 г. на левом берегу Днепра был открыт мезолитический могильник, названный археологами Васильевка III. Сейчас радиоуглеродным методом установлено, что захоронения на этом месте появились 9300–8220 лет назад.

Обнаруженные скелеты доставили в Ленинград, в знаменитую Кунсткамеру. И там на черепе старого мужчины из могилы 31 антропологи увидели круглое отверстие. Его края полностью зажили, значит, человек прожил после операции долгое время. Трепанация производилась сверлением. Скорее всего, поводом для хирургического вмешательства послужила поверхностная травма левой теменной кости. Наружное повреждение черепной коробки могло сопровождаться ушибом головного мозга и деформацией его оболочек. В результате кровоизлияния у больного мог развиваться синдром локализованной головной боли, устранить которую и была призвана операция.

В новом каменном веке — неолите — практика трепанирования распространяется повсеместно.

Во Франции находки, относящиеся к этому периоду, сконцентрированы в департаментах Марны, Лозеры, Уазы. Известно свыше 200 трепанированных черепов. Кроме того, обнаружены выпиленные из человеческого черепа костные пластинки.

45,8 % неолитических охотников благополучно переносили операцию, 12,5 % после подобной процедуры умирали. Относительно 41,7 % трепанаций таких данных нет.

В 1996 г. при раскопках неолитического могильника в Энсисхайме был найден еще один, по-видимому самый древний, трепанированный череп на территории Франции. Его археологический возраст — 5100 лет до н.э. Отверстие в центре лобной кости размером 6 × 6,5 см демонстрирует полное заживление краев. Овальное отверстие в правой верхней части затылочной кости (9,5 × 9 см) зажило только частично. Тем не менее и после второй операции человек прожил значительное время.

В Англии найдены пять трепанированных черепов эпохи неолита (датировки: от IV до II тысячелетий до н.э.). Все черепа мужские, в трех случаях трепанация сопровождалась заживлением. По распространенной среди местных племен традиции два черепа были погребены на берегу реки (археологи называют это ритуальным депозитом). Остальные три черепа обнаружили в «длинных курганах» — огромных полых холмах — среди погребального инвентаря. Отчленение голов и их отдельное захоронение свидетельствуют о существовании у древних британцев культа черепа.

Похожие обряды имели место в Скандинавии. Почти все датские неолитические черепа с признаками прижизненной трепанации были найдены в коллективных погребениях изолированными, то есть головы людей, переживших такую сложную операцию, хоронили отдельно от их туловищ. Трепанированный человек мог демонстрировать измененное поведение и был поэтому связан с магическими культами.

«Хирурги» неолитической Португалии тоже отличались большим умением: 73,7 % трепанационных отверстий имеют признаки заживления. Судя по определениям антропологов, оперировали только мужчин. Чаще всего трепанировали скоблением, иногда — сверлили или иссекали кость острым ножом.

В Испании трепанированные черепа находят в горах Андалусии и в современных провинциях Гранада, Кордова, Севилья,

Гуельва и Валенсия. Результаты операций, производившихся сверлением, были успешны. Испанские антропологи обратили внимание на надрезы, нанесенные на некоторые трепанированные черепа уже после смерти «пациентов». Это означает, что над останками трепанированных людей производили загадочные по-смертные манипуляции.¹

В Италии неолитические культуры распространились приблизительно 7500 лет назад. Ученые сообщают о семи случаях неолитических трепанаций. Среди них особый интерес вызывает первая известная операция, сделанная женщине из Арма дель Аквила. Представительница культуры вдавненной керамики, бытовавшей в 5555–4140 гг. до н.э., скончалась в возрасте более

¹ «Мраморная пещера» (Куэва-де-лос-Мармолес) находится в 9 км к востоку от города Приего де Кордова в горах Андалусии, на высоте 900 м над уровнем моря. Пещера карстового происхождения с длинным коридором входа разделяется потом на несколько камер. Пол покрыт большими каменными блоками. Памятник исследуется с 30-х гг. XX в., причем многие археологические находки стали экспонатами частных разобщенных коллекций. В одном из отсеков были вскрыты останки семи человек, к сожалению, их точное местоположение восстановить сейчас не удастся. Они представлены фрагментами черепов одного зрелого и двух молодых мужчин, одной зрелой и одной молодой женщины, двух детей.

На мужском черепе № МА-220 испанские исследователи обнаружили многочисленные повреждения — последствия прижизненного вмешательства. Над левым теменным бугром локализовано воронковидное отверстие, 26 мм в диаметре. Остаточное отверстие с внутренней стороны, 4 мм в диаметре, находится в непосредственной близости от борозды средней менингеальной артерии. Слой губчатой ткани закрыт, что означает выздоровление «пациента» после операции. Хирургическая процедура осуществлялась сверлением. Помимо трепанации на том же черепе зафиксировано травматическое поверхностное повреждение лобной кости 24 мм в длину и 8 мм в ширину. Многочисленные следы надрезов на теменных костях интерпретированы испанскими антропологами как последствия удаления мягких тканей.

Кроме того, прижизненные трепанации проводились еще в восьми пунктах неолитической Испании: в провинции Гранада (дольмен «Ла Сабина», пещеры Куэва-де-ла-Каригэла, Куэва-де-лос-Мармолес), в провинции Кордова (Пантанодель-Гуадалмелято), в провинции Севилья («Лос-Алькорес»), в провинции Уэльва — два трепанированных черепа из одной пещеры Куэва-де-ла-Мора. 10 черепов с признаками трепанации обнаружены на территории Валенсии.

50 лет. Но задолго до смерти она перенесла поверхностную операцию в верхней части затылочной кости, причем рана, оставшаяся от нее, полностью зажила.

Очень может быть, что это действие было ритуальным и должно рассматриваться как символическая трепанация.

Другие последствия ритуальных испытаний обнаружили исследователи более поздней культуры Ринальдоне в месте с красивым названием Казамаре-Валле дель Лири. В коллективном захоронении среди останков восьми молодых мужчин был найден череп с тремя сквозными трепанациями: на лбу, в самой верхней части головы и в затылочной области. Кроме того, на поверхности черепа имелись еще шесть неглубоких повреждений, образовавших сложный геометрический узор.

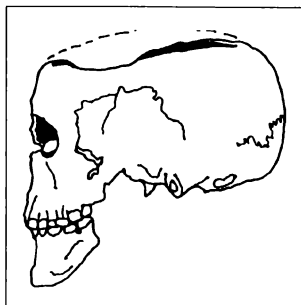
На территории Германии известны 36 трепанаций, произведенных в эпоху неолита. 25 % отверстий расположены на лобной кости, 44 % — на теменных, 3 % — на затылочной, у 28 % найден Т-образный рубец. Трепанировали в основном взрослых мужчин (92,3 %). Знахари неолитической Германии были, возможно, самыми умелыми краниохирургами за всю историю человечества. 90,5 % пациентов переносили операцию благополучно! При этом местные племена не боялись производить самые рискованные манипуляции.

В 1958 г. сотрудники Тюрингского музея раскопали коллективное погребение валтерниенбургской культуры в Нордхаузене. В облицованной каменными плитами погребальной камере находились останки 50 человек.

Один череп был положен в могилу отдельно от других костей и покоился на каменной «подушке». Мужчина, которому он принадлежал, скончавшийся в 25–30 лет, подвергся при жизни радикальнейшей краниотомии. Отверстие в его черепе достигало в длину 16,5 см, а в ширину свыше 12,5 см! По краям дефекта виднелись несомненные следы обработки острым каменным ножом. Поразительнее всего было то, что удаление столь значительной части мозговой коробки произошло при жизни, при-

*Рис. 23. Череп молодого мужчины
валтерниенбургской культуры
в результате трепанирования утратил
всю верхнюю часть*

Орудием служил каменный острый нож. Исследователи Х. Ульрих и Ф. Вайкман отметили признаки остеопластической реакции, а это значит, что удаление значительной части мозгового черепа произошло при жизни.

чем «пациент» перенес несколько операций. Сперва ему успешно трепанировали лобную кость, тогда, судя по степени заживления костных краев, до смерти молодого человека оставалось около года. За три месяца до смерти последовало второе вмешательство в теменной области, также без немедленных осложнений.

История древнего населения Украины эпохи неолита и энеолита сопровождалась существенными изменениями в социально-экономических отношениях и духовной культуре. Утверждалась родоплеменная организация общества, осуществлялся переход к производящему хозяйству — скотоводству и земледелию. Этот процесс охватывал территорию Украины неравномерно: отдельные неолитические культуры длительное время сосуществовали с более архаичными. В последние годы в Киевской и Оксфордской радиоуглеродных лабораториях получены новые датировки погребений днепро-донецкой культурной общности. Они позволяют отнести неолитические могильники Украины к середине VII — концу V тысячелетия до н.э., а не к V–IV тысячелетию до н.э., как это предполагалось ранее.

И.И. Гохман сообщал о двух трепанированных черепах, найденных в могильниках Васильевка II и Вовниги в порожистом течении Днепра. На черепе из Вовниг на теменных костях в области сагиттального шва (в 2 см от венечного), делящего отверстие на две равные части, имеется дефект правильной округлой

формы с наружным диаметром 14 мм. На внутренней пластине форма его неправильная, напоминает ромб, диаметр дефекта значительно меньше. Губчатый слой полностью замкнут на всем протяжении, следовательно, человек прожил не менее двух лет со дня операции. Отверстие было высверлено быстрым вращением сверла с полукруглым (кремневый скребок) или полушаровидным костяным наконечником.

В 1978 г. украинские археологи исследовали могильник Ясиноватка, располагавшийся в Надпорожье, на левом берегу Днепра. Они выделили два основных типа погребальных сооружений: овальные ямы площадью до 2 м² (тип А) и коллективное захоронение площадью около 30 м², полностью засыпанное красной охрой (тип В). В ямах типа А были погребены 25 человек, в «красной усыпальнице» (тип В) — 43 человека. Погребения производились по обряду, характерному для так называемого мариупольского типа: покойных укладывали на спину с выпрямленными ногами и, как правило, слегка согнутыми в локтях руками, кисти рук — в области таза. Некоторые особенности положения костяков из «красной усыпальницы» позволили предположить, что покойников туго связывали, пеленали или хоронили в очень узкой яме.

Именно в коллективном захоронении (тип В) были найдены черепа с искусственными повреждениями. На левой теменной кости мужского черепа № 18 локализовано трепанационное отверстие размером 54 × 32 мм. По мнению украинского антрополога И.Д. Потехиной, отверстие было сделано до смерти или вскоре после ее наступления. Среди фрагментов черепа обнаружен вырезанный из краниальной кости амулет, имевший отшлифованную поверхность, овальную форму и размеры 27 × 21 мм. Это позволило исследовательнице сделать заключение о ритуальном характере трепанирования.

На женском черепе № 46 в средней части сагиттального шва имеется трепанационный дефект с воронкообразными краями 16 × 6 мм, без симптомов выздоровления. Отверстие было вы-

долблено. Его локализация совпадает с трепанацией на черепе из близлежащего могильника Вовниги II, описанной И.И. Гохманом.

География трепанаций нового каменного века обширна: Западная Европа, Венгрия, Болгария, Украина, южнорусские степи, Урало-Иртышское междуречье. Трепанации были известны неолитическим охотникам Западной Сибири. На черепках из могильника Сопка 2 новосибирский антрополог Т.А. Чикишева обнаружила следы умело проведенных операций.

Эпоха бронзы

Представители крито-микенской цивилизации, обитатели Крита, Микен, Лерны, Кносса и самой Греции, обладали навыками трепанирования во II тысячелетии до н.э.

Операции по-прежнему проводятся на территории Италии, жители которой в этот период становятся земледельцами. Зрелому мужчине из Ла Круцца трепанировали лобную кость для исцеления от менингита. В то же время носители культуры колоколовидных кубков (2300–1800 гг. до н.э.), по мнению итальянских ученых, трепанировали молодых юношей в знак прохождения ритуала инициации.

Любопытно, что существование традиции трепанирования у представителей культуры колоколовидных кубков, обитавших на территории Германии, пока не подтверждено. Если говорить о других археологических культурах, то в эпоху бронзы оперируются разные группы населения, а уже не только мужчины, как в эпоху неолита (62,5 % мужчин, 25 % женщин, 12,5 % детей и подростков). Однократно трепанированы 10 человек: 30 % в области лобной кости, 50 % — на теменных костях, 10 % — на затылочной кости, 10 % — символически.

В раннем бронзовом веке краниохирургическая практика на территории Австрии распространялась на совсем маленьких пациентов. Немецкие антропологи обнаружили отверстия, проре-

занные незадолго до смерти, на черепах детей четырех-пяти лет. Михаэль Шультц предположил, что дети подвергались постоянной опасности, играя в войну и нанося друг другу опасные травмы. С другой стороны, возможно, это был возраст первого инициационного испытания.

Трепанации вполне успешно применяли тогдашние жители Саксонии, Тюрингии, Чехии, Дании, Венгрии, Балкан, Украины, Подонья, Поволжья.

В конце 90-х гг. XX в. на окраине Ростова-на-Дону сотрудники местного университета раскопали погребение эпохи ранней бронзы (IV или III тысячелетие до н.э.). В одной могиле покоились останки семи человек: трех мужчин, двух взрослых женщин, девочки-подростка и двухлетнего ребенка. Их тела подверглись сложному заупокойному обряду: они были расчленены, сложены в «пакеты» и засыпаны красной охрой — краской, которая издревле имела священное значение. Самое поразительное, что пять человек из семи были трепанированы задолго до смерти! Если по традиции допустить, что трепанации осуществлялись в лечебных целях, то высокая заболеваемость среди этих людей и, главное, избранный способ лечения вызывают большое недоумение. Все искусственные повреждения нанесены на срединную часть головы, их местоположение у мужчин и женщин различается. Скорее всего, ученые открыли следы обряда инициации, который должны были проходить все подростки представители этого общества.

В краеведческом музее города Азова экспонируется мужской череп представителя ямной культуры эпохи ранней бронзы (около III тысячелетия до н.э.). В задней части теменных костей по центру на этом черепе можно видеть крупное трепанационное отверстие округлой формы.

В 1964 г. В.В. Бобин сообщил о находке трепанированных черепов «не моложе II тысячелетия до н.э.» на Перекопском перешейке и в Северном Крыму. После операций люди прожили длительное время.

Позже Е.И. Данилова и В.Н. Корпусова подробно описали скелет из погребения катакомбной археологической культуры II тысячелетия до н.э., изученного при раскопках кургана 1 у села Целинное в Крымском Присивашье. На растительной подстилке, покрытой слоем охры, лежал ориентированный головой на юго-запад костяк мужчины 45–50 лет. Лицевой отдел черепа, исключая лоб и скулы, был обмазан глиной, окрашенной охрой. В лобной кости черепа погребенного было обнаружено два сквозных отверстия. Они имели воронкообразную форму, характеризовались закругленными стенками. Первое отверстие располагалось по центру лобной чешуи (наружный контур 17 × 20 мм, внутренний 15 × 16 мм). Второе находилось справа, у края верхней височной линии (наружный контур 30 × 36 мм, внутренний 13 × 16 мм). Детальное рассмотрение краев позволило сделать вывод, что операция была совершена с применением скребка. В верхней части обоих дефектов наблюдались начальные явления костной перестройки, а это значит, что после трепанации мужчина прожил несколько месяцев. Любопытно, что его захоронение сопровождалось специфическим ритуалом: скелет был очищен от мягких тканей.

Трепанации у представителей катакомбной культуры описал М. Шульц, обследовавший коллекцию Киевского института археологии. Первая найденная им трепанация округлой формы, диаметром 30 мм, располагалась в задней части правой теменной кости, на черепе мужчины зрелого возраста. По-видимому, операция преследовала цель устранить негативные последствия рублевого ранения, следы которого прослеживаются на черепной крышке. Оба повреждения сопровождались успешным заживлением.

Рис. 24. Следы трех прижизненных трепанаций на черепе эпохи средней бронзы из Сеуло-Нуворо (Италия). Вид сверху

Кроме того, на специально покрытом глиной черепе мужчины средних лет М. Шультц наблюдал хорошо зажившее овальное отверстие 15×30 мм в лобной области.

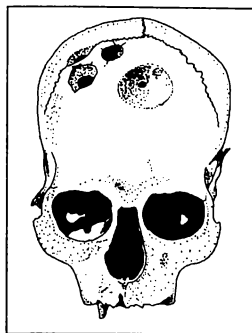
На черепе пожилого мужчины-катакомбника он отметил последствия четырех трепанаций, произведенных скоблением задолго до смерти. Обширное овальное отверстие затрагивало значительную часть правой теменной кости. Три овальных отверстия различных размеров локализованы на левой теменной кости. В передней части правой теменной кости, судя по сделанной М. Шультцем зарисовке, имелось поверхностное повреждение наружной костной пластинки овальной формы.

В III–II тысячелетиях до н.э. трепанации проводились и в Малой Азии и на Ближнем Востоке.

Так, восемь трепанированных черепов были обнаружены в пещерах естественного происхождения в Вади Макук, посреди Иудейской пустыни в 6 км от Иерихона. В одной из пещер находились расчлененные останки 84 человек медного века (халколитического периода). На черепной крышке молодого мужчины (радиоуглеродная датировка: 3450 ± 40 лет до н.э.) выявлены последствия трех сделанных в разное время операций. Первая из них была произведена над левой глазницей (отверстие $2,8 \times 2,4$ см), область вмешательства окружена обширной зоной, затронутой воспалительным процессом на наружной и внутренней поверхности черепной коробки. Для удаления фрагмента применялось скобление. Вторая трепанация осуществлена в 2 см позади и к центру от первой (отверстие $2,3 \times 1,5$ см). Здесь применялась комбинированная техника сверления и прорезания. Вдоль края отверстия распространены следы слабой воспалительной реакции, наблюдается частичное заживление, особенно с внутренней стороны. Третья трепанация, в области бregмы, $2,5 \times 5$ см в диаметре, не сопровождалась симптомами заживления. Согласно реконструкции исследователей, причиной для трепанирования послужил лобный синусит. В результате первой операции был осуществлен дренаж скопившегося гноя,

Рис. 25. Четырежды трепанированный череп из Иерихона

Примерно 2000 г. до н.э. датируется четырежды трепанированный череп из Иерихона, принадлежавший мужчине 20–29 лет и описанный английским профессором Д. Бротвеллом. Три дефекта расположены на лобной кости, четвертый в правой части венечного шва на теменной кости. Повреждения интерпретированы Д. Бротвеллом как ритуальные.

но воспалительный процесс не прекратился. Через несколько месяцев потребовалось новое хирургическое вмешательство. После третьей операции в районе брегмы пациент жил недолго, что может быть объяснено общим течением патологического процесса и риском кровотечения в области локализации венозного синуса.

Израильские антропологи сообщали также о трепанации как возможной попытке излечения больного цингой девятилетнего ребенка, скончавшегося около 2200 лет до н.э. Трепанация эллипсоидной формы, размером $4,2 \times 2,9$ см, была выскоблена в области брегмы на лобной и теменных костях. По-видимому, ребенок страдал от серьезного нарушения обмена веществ. Задолго до смерти он потерял зубы нижней челюсти. Для лечения заболевания, по мнению исследователей, был избран крайне неудачный хирургический путь. Пациент не пережил операцию.

Этот и подобные примеры отчетливо иллюстрируют лечебный характер трепанирования, проводившегося на Ближнем Востоке. Впрочем, есть ученые, которые предполагают, что прижизненные трепанации могли быть ритуальными.

Китайская классическая литература самые разные трепанации относит к периоду с 2700 до 1100 гг. до н.э. В источниках упоминается легендарный персонаж, доктор Ю Фу, трепанировавший своих пациентов.

География трепанаций в I тысячелетии до н.э. по-прежнему обширна: Греция, Италия, Балканы, Кавказ, Центральная Европа, Прибалтика, Скандинавия, юг России, Ближний Восток, Индостан и Китай, Южная Сибирь.

Из Аргоса 900–850 гг. до н.э. происходят останки мужчины 30–35 лет. На его черепе, на лобной кости слева, наблюдается прижизненный дефект «размером с вишневую косточку». В центре левой теменной кости — последствия травмы, интерпретируемые палеопатологами как возможный повод для хирургического лечения.

Культура Вилланова открыта археологами в итальянской провинции Тоскана. Ее периодизация такова:

Вилланова I — до 800 г. до н.э.,

Вилланова II — 800–700 гг. до н.э.,

Вилланова IIIA — 700–650 гг. до н.э.,

Вилланова IIIB — 675–570/550 гг. до н.э.

К раннему периоду относят черепную крышку молодого мужчины из Кастеназо в Болонье, которому при жизни удалили значительный фрагмент затылочной кости в верхней части головы. V–IV вв. до н.э. датируется череп 45-летнего мужчины из Салерно, со следами обширной зажившей трепанации, затронувшей правую теменную и затылочную кости. В IV в. до н.э. в этой же местности трепанация проведена на лобной кости слева (пациент — мужчина зрелого возраста).

В некрополе IV–III вв. до н.э. из Поджиардо (Пуглия) обнаружены останки 40-летнего мужчины, которому была сделана операция над правой глазницей, сопровождавшаяся частичным заживлением.

По сообщению итальянских ученых Каспаре Багиере и Марини ди Джакомо, трепанации успешно проводили этруски, жившие в VII–VI вв. до н.э. Любопытно, что все этруские трепанации затрагивают правую теменную кость.

По данным П.М. Пирпилашвили, прижизненная трепанация наблюдалась на черепе мужчины 40–50 лет, останки которого были найдены в погребении 96 Самтаврского могильника в Мцхете в 1939 г. археологом М.М. Иващенко (датировка: X–IX вв. до н.э.). Овальный дефект с гладкими краями локализован в верхней части левой теменной кости на границе с лобной костью. На рентгенограмме видны следы заживления.

Другой трепанированный череп из Самтавро также в 1930 г., был обнаружен в грунтовом погребении 375 А.Н. Каландадзе. Захоронение, датируемое VIII–VI вв. до н.э., принадлежало мужчине 40–50 лет. В передней части левой теменной кости его черепа отмечен дефект грушевидной формы с полностью зажившими краями.

«Культ головы» сохраняет свое значение в Англии. Восемь трепанированных черепов, найденных в разных частях страны, не связаны с традиционными погребениями. Один такой череп обнаружен в реке Темзе, другой, из Уотчфилда, был закопан в ямке вместе с черепом свиньи, остальные находки происходят из культурных слоев поселений, где они, возможно, служили «закладными жертвами».

В железном веке Германии 17 трепанаций найдены у 16 человек. В 24 % отверстия локализованы на лобной кости, в 35 % — на теменных, в 24 % — на затылочной, в 18 % — наблюдается поверхностное воздействие.

Своеобразный «трепанационный центр» существовал на территории нынешней Австрии. Неподалеку от Зальцбурга была раскопана могила «женщины-хирурга». Богатый погребальный инвентарь, в том числе включавший медицинские инструменты, по мнению ученых, говорит о высоком социальном статусе покойной. Это погребение сопровождалось могилами трех человек, трепанированных при жизни. Первая примечательная находка в районе Дуррнберга была сделана в 1981 г. при раскопках небольшого кельтского могильника под названием Путценкопф. Могила принадлежала мужчине, жившему в первой

половине IV в. до н.э. (период Ла Тен А). На его черепе оказалось шесть высверленных отверстий, сливающихся друг с другом! В 1999 г. раскопан скелет его современника — мужчины с одним высокобленным отверстием в задней части черепа. Анатомический порядок этого скелета был нарушен — кости собраны в груды, которую венчал трепанированный череп. В 2000 г. в этом же месте археологи вскрыли детскую могилу, среди погребального инвентаря имелся амулет из костей черепа.

На лобной кости справа у 30-летнего кельта из Катцельсдорфа, скончавшегося в первой половине II в. до н.э., наблюдался дефект в форме трилистника, образованный путем сверления трех смыкающихся отверстий (рис. 26). Диаметр «лепестков» трилистника составляет около 17 мм. Два отверстия просверлены насквозь, третье — осталось незавершенным. По-видимому, пациент скончался во время операции. Число три — положительная эмблема в общечеловеческой символической и мифологии. В разных проявлениях оно имело солярное или фаллическое значение. У кельтов были распространены трехголовые резные изображения богов. У ирландцев клевер — национальная эмблема. Трилистник — это символ «тройной друидической ограды», отражающий три ступени инициации. Многие исследователи отмечают, что кельтам было свойственно тройственное видение мира. Утроение было не только знаком приумножения, но и тотальности, содержавшей начало, развитие и конец каждой вещи.

В северо-западной части Индостана в Таккасиле (греческая Таксила) тоже существовал своеобразный учебный медицинский центр. В VI в. до н.э. здесь жил Атрейя, «король врачей», у которого принц Дживака обучился искусству вскрытия черепа. Принц наблюдал, как учитель извлекал червя из мозга пациента. Позже в своей стране Дживака тоже трепанировал больных. Как гласит легенда, он стал «медицинским советником» самого Будды. Считается, что буддийские миссионеры могли распространить знания о трепанациях в Китай. Но в Китае существовала собственная мощная традиция врачевания, использовавшая на-

блюдения за пульсом больного и акупунктуру. Симбиоз разных учений, по-видимому, характерен для китайской медицины периода распространения буддизма. Многие говорят о том, что трепанации практиковались в горах Тибета, но доказательств этого пока нет.

Античное время

Техника трепанирования подробно описана в трактатах Гиппократов (460–355 гг. до н.э.), Цельса (25–35 гг. до н.э. — 37 г.), Гелиодора (вторая половина I в.) и Галена (200–131 гг. до н.э.). Знаменитый античный автор Плиний Старший, погибший в 79 г. при извержении Везувия, в своей «Естественной истории» тоже упомянул о трепанациях.

Трепанирование в античную эпоху было связано с учением о хуморах. По представлениям греков, мозг существовал для охлаждения слизи и спермы, требовавших выхода при травмах головы. Операционные раны обрабатывали разбавленным розовым маслом. Еще применяли истолченные лекарственные растения, теплую кровь голубя, черную коралловую пудру и смесь уксуса, меда, морской соли.

Пациентов ограничивали в потреблении воды, холодной пищи и алкогольных напитков. Греческий закон был суров и обязывал слушаться предписаний врача. Если врач запрещал больному вино, а тот пил и выздоравливал, непослушного пациента могли казнить за неповиновение.

Известна история неудачного лечения фараона Птолемея IV в 145 г. до н.э. Птолемей был ранен в битве и потерял сознание на четыре дня. На пятый день он пришел в себя, но вскоре началась лихорадка. На седьмой день хирург произвел трепанацию, однако через сутки фараон скончался. Врача обвинили в его смерти, хотя на самом деле роковым оказалось промедление в первые дни, когда пациент чувствовал себя не так плохо, и его окружение стремилось избежать опасной операции.

Археологические свидетельства античной хирургии связаны с римской эпохой. Останки трепанированных людей найдены в разных провинциях Римской империи — в самой Италии, Испании, в Англии, на Балканах и на Ближнем Востоке.

Самый ранний пример трепанирования, применявшегося римлянами, относится к I–II вв. При раскопках римского города Альба Фуценс, существовавшего на плато Фуцино в провинции Аbruццо в непосредственной близости от стен римской крепости, было обнаружено захоронение взрослого мужчины. В левой части затылочной чешуи этого человека имелось округлое отверстие диаметром 1,8 см. Согласно морфологическим и радиографическим критериям, операция производилась скоблением. Первоначальное отверстие было намного больше, но протяженность его краев заметно сократилась вследствие реактивного роста костной ткани. По-видимому, трепанации предшествовало ранение головы в этой области, следы которого также фиксируются на поверхности свода. Пациент прожил после операции несколько лет.

В 1995 г. вблизи от Рима производились раскопки на месте небольшого кладбища (конец I–II вв.) латинского городка Фиденэ. Последствия трепанирования были обнаружены на черепе ребенка пяти-шести лет. Череп патологически расширен, особенно справа. В его правой части заметно лобно-теменное отверстие диаметром 5,4 × 4,8 см, окаймленное зоной сопутствовавшего воспалительного процесса. Это означает, что после краниотомии ребенок прожил несколько недель. Данный случай представляет собой одну из наиболее ранних попыток излечения от гидроцефалии, то есть не от травмы, а от врожденной внутричерепной патологии. Примечательно, что при этом использовалась техника прорезания, рекомендованная Галеном для тонкостенных черепов.

Скелетные останки 40-летнего мужчины из Альбероны (близ Фоджия, юго-восточная Италия) датируются концом III в. Согласно легенде, они принадлежат святому Виталию, офицеру Тебейского Легиона, который принял христианство и был захо-

ронен в катакомбах. В конце XIX в. кости извлекли из катакомб, и после недолгого пребывания в семейном склепе местной аристократической семьи они были помещены в городской кафедральный собор. Трепанационное отверстие подквадратной формы диаметром $3,1 \times 2,9$ см располагалось на левой теменной кости, примыкая к области пересечения черепных швов. Оно было прорезано. Причины краниотомии остались невыясненными: на черепе пациента не наблюдались следы травм, признаки повышенного давления и прочие показания к хирургическому вмешательству. Мужчина прожил несколько лет после операции.

Археологи сообщали об обнаружении трепанации римского времени в Испании. Из четырех трепанированных римско-британских черепов три имеют следы предшествовавших травм.

Завоевание Британии давалось римлянам непросто, и трепанации этой эпохи — отражение ожесточенных военных столкновений. Два человека были трепанированы в области правой теменной кости, у одного — вскрыты обе теменные кости, у другого — затылочная кость. В качестве пятой трепанации можно рассматривать преднамеренное прободение черепа над левым сосцевидным отростком. Трепанированному при жизни мужчине 45–55 лет из Чиренчестера после смерти отрубили голову (IV в.). Кроме того, трепанированный череп был найден под полом одного из зданий конца IV в.

В гробнице римского времени близ Иерихона найдены три трепанированных черепа. Первый принадлежал женщине, скончавшейся примерно в 35 лет. Овальное отверстие (максимальные размеры наружного контура 69×53 мм) расположено частично на лобной, частично на теменных костях (центр воздействия — область брегмы). Оно было вырезано. Заживление не прослеживается. Второй череп принадлежал мужчине 40–50 лет. Место трепанационного дефекта аналогично предыдущему случаю, но отверстие — меньших размеров (25×15 мм). Здесь применялась техника скобления и прорезания. Края отверстия зажили. Третий череп из Иерихона тоже мужской, этот пациент

скончался в 40–50 лет. На левой теменной кости близ стреловидного шва имеется отверстие овальной конфигурации (длина 80 мм). Трепанация сопровождалась заживлением.

При раскопках античного Виминациума в Сербии была исследована трепанация на черепе 40-летнего мужчины — «римского воина». Отверстие эллипсоидной формы примерно 3 × 4 см располагалось в задней части левой теменной кости. Любопытно, что оно было выполнено не трепаном, а в более архаической технике скобления и прорезания (как пишет антрополог Ж. Микич, «употреблен знатно грубый металлический инструмент типа стругача»). Причины операции неясны; нет переломов свода, остеомиелита, туберкулеза и новообразований, остеопороза. Костная реакция на краях отверстия означает, что оперированный прожил после трепанации несколько месяцев.

В Софии в 1885 г. при вскрытии каменной гробницы римского или ранневизантийского периода (IV–V вв.) нашли череп молодого мужчины. В затылочной области, на теменных и затылочной костях его черепа было вырезано почти идеально ровное округлое отверстие диаметром 84 × 83,4 мм. Сверху оно было прикрыто округлой отделенной костной пластинкой. Никаких симптомов заживления на краях отверстия не наблюдалось. Тем не менее болгарский антрополог П. Боев расценил операцию как сделанную при жизни пациента, но повлекшую его смерть. По мнению ученого, в противном случае округлый выпиленный фрагмент был бы извлечен из погребения как амулет.

Как видно, в римскую эпоху «практикующие врачи» отдаленных провинций далеко не всегда следовали рекомендациям признанных авторитетов по применению трепана. По-видимому, часто хирургическая практика испытывала влияние местных культурных традиций, имевших, как мы уже убедились, очень глубокие корни.

В то время, когда Европа переживала расцвет классической традиции, в Китае жил целитель Хуа Тхо (130–220 гг.), которому приписывают изобретение анестетиков. По преданию, он пред-

ложил сделать трепанацию узурпатору Цао Цао, чтобы избавить знаменитого воина от головных болей. Цао Цао испугался, что его хотят убить, и обезглавил Хуа Тхо.

В 300 г. врач и алхимик Ко Чанг написал трактат по истории китайской медицины, в котором утверждал, что Тай Чанг Кунг (205–150 гг. до н.э.) «разрезал черепа пациентов и приводил их мозги в порядок».

Средневековье

В античное время и в раннем средневековье на обширной территории расселения кельтских племен в многочисленные обязанности друидов, бывших жрецами, а иногда воинами, послами, судьями, входило и врачевание. Таким друидом-целителем (*faithliagh*), как замечает известная исследовательница кельтов Франсуаза Леру, был, например, мифический Финген, врачевавший короля Ульстера Конхобара: всякому, «кто приходил к нему со своими ушибами и рубцами, со своими ранами и болями; он называл каждому его болезнь и давал снадобье, и каждый в самом деле оказывался болен тем недугом, который тот называл ему». Ирландский эпос «Смерть Конхобара» рассказывает о том, как герой был смертельно ранен в голову камнем из пращи и как его лечил Финген.

«— Добро же тебе, Конхобар, — сказал Финген, — если я вытащу этот камень из твоей головы, ты сразу умрешь. Если же оставить его, я смогу тебя выходить, то покроет тебя пятно позора.

— Легче нам, — сказали улады, — перенести его позор, чем смерть.

Была тогда его голова исцелена, и был тот камень в ней покрыт золотом под цвет волос Конхобара, ибо волосы его и золото были одного цвета¹. Сказал Конхобару его врачеватель, что не должен он теперь ездить верхом, общаться с женщинами, наедаться досыта и бегать».

¹ Обратим внимание на присутствие золотого цвета. Согласно идее В.Я. Проппа, золотая окраска предмета есть признак принадлежности к иному царству. «Герой должен доказать, что он побывал там [в загробном мире], что он способен отправиться туда и вернуться или погибнуть».

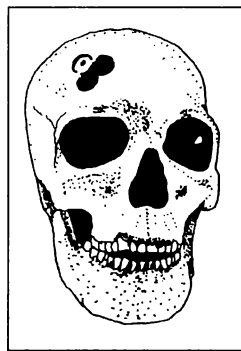
В этом сюжете ирландского эпоса отчетливо прослеживаются социальные последствия краниотомии. Если принимать во внимание свидетельство Цезаря, что «во всей Галлии существуют вообще только два класса людей, которые пользуются известным значением и почетом ...это друиды и всадники», видно, что Конхобар после травмы и лечения теряет свой привилегированный статус вождя.

В Ирландии найдено несколько трепанированных черепов раннехристианского периода. Трепанирование производилось непосредственно при монастырях. Существует легенда об ученом, поэте и судье Кеннфеладе, который был ранен в битве мечом и которого в 637 г. оперировал святой Брицин, аббат монастыря в Туаим Дрекайн. А это значит, что в раннесредневековой Ирландии христианские священники унаследовали часть функций своих предшественников — друидов.

Соседи кельтов — англосакские племена, заселившие Британию с континента, по-видимому, часто прибегали к трепанациям. В недавнем исследовании Шарлотты Робертс и Жаклин МакКинли, подвергших ревизии все трепанированные древние черепа, найденные на территории Англии, сообщается, что пик популярности этих операций за всю историю островов приходится на период после ухода из Британии римлян, у англов и саксов (24 случая, или 38,7 % от общего числа). Показания к трепанированию определить удастся только в 15 % случаев (поводом к операции служили травмы головы). Четверо перенесли операцию в области лба, восемь человек — на левой теменной кости, пятеро — на правой, двое — на обеих теменных, один — на затылке, у остальных операции проводились на нескольких костях сразу. Чаще всего хирурги пользовались скребком и только однажды — сверлом.

Большинство оперированных людей были похоронены на обычных кладбищах. Известны два исключения — изолированное от других погребение в Эрисвелле и одинокая могила на территории римской виллы в Рокбурне.

Нужно отметить, что человеческая голова и разнообразные манипуляции с ней для жителей Британии I тысячелетия нашей эры продолжали играть особую роль. В римское время и в раннем средневековье покойному довольно часто отрубали голову, причем это явление наблюдается в более богатых или нетипичных по обряду погребениях. Не исключено, что отсечение головы служило мерой по обезвреживанию «особо опасного» умершего.¹ Отчленение головы, как правило, у женщин, британцы практиковали в римское время. Памятники, оставленные германскими племенами, демонстрируют гораздо меньшее число подобных примеров, к тому же все они относятся к раннему переходному периоду. По-видимому, англосаксы позаимствовали эту погребальную традицию у более раннего населения Британских островов.

*Рис. 26.
Трепанированный
череп кельта
из Катцельсдорфа*

Продолжатель античной традиции Павел Эгинский (620–680) рекомендовал трепанации для излечения гидроцефалов.

В I тысячелетии нашей эры Европу захлестывают волны Великого переселения народов. Племена воинов и скотоводов из глубин Азии несут разрушающемуся античному миру новые культурные традиции. IX–X вв. — время появления на европейской арене венгров. Сквозные трепанации были довольно популярны среди завоевателей и проходили, как правило, успешно. Свыше 5 % известных науке мадьярских черепов того времени имеют следы краниотомий. Обычно трепанировали мужчин, в три раза реже — женщин.

¹ Сходные обычаи, характерные для погребальной обрядности финно-угорских народов, реконструировал В.В. Седов. В одном из вариантов обряда, прежде чем похоронить умершего, ему отчленяли голову, которую затем ставили на шейное основание около ног или верхней части тела.

Арабы сохранили и приумножили опыт античной хирургии для европейцев. В XI в. Авиценна рекомендует трепанацию для лечения меланхолии, «если ничто другое не помогает». Еще раньше подробнейшие медицинские рекомендации составляет живущий в Кордове Абулкасис.

В 1060 г. Константин Африканский перевел арабские медицинские тексты для школы в Салерно. В XI–XIII вв. центр краниотомий существует в Парме. В XIII в. Роландо ди Парма пишет «Хирургию».

Роджеріус Фругарди (примерно 1170–1200-е гг.), иначе известный как Роджер Салернский, составляет описание ранений головы и перечисляет показания к трепанированию. Его метод сходен с рекомендациями Цельса. Он переводит на французский язык «Хирургию» Роландо Пармского. Ги де Шольяк (1320–1386), лечивший авиньонских пап Клементя VI, Иннокентия VI и Урбана V, запрещает оперировать при полной луне, потому что «мозг содержит душу». Суеверия, связанные с полнолунием, нашли отражение и в знаменитом «Молоте ведьм», который помогает понять опасения средневековых лекарей. «...Демоны беспокоят людей при росте луны. <...> Так как мозг, согласно учению Аристотеля, является наиболее важной частью тела, то он больше всего подчинен влиянию луны, обладающей способностью производить движение жидкости. В мозгу же совершенствуются силы души. Вот почему при увеличении луны демоны волнуют воображение человека. Ведь они видят, что его мозг хорошо предрасположен к этому».

Археологи находят останки трепанированных людей при раскопках средневековых кладбищ Италии, Греции, Сербии, Чехии, Германии, Дании.

По сообщению китайского источника («Новая история династии Тань»), в 1061 г. среди людей Та-Чин (Сирия) были опытные знахари, которые лечили слепоту, вскрывая мозг и извлекая от туда червей.

В 1040 г. в Китае было опубликовано жизнеописание «знаменитых целителей всех эпох», написанное Чоу-Шоу-Чангом. Он

позаимствовал описания двух способов трепанирования из более раннего трактата, появившегося между 960 и 1040 гг. В 1136 г. Ван Ен Ю издал новую книгу, в которой описывалась необычная операция. Один человек был приговорен к казни за поджог, но перед смертью захотел продемонстрировать свой талант хирурга. К нему привели прокаженного, которому преступник сделал операцию и «извлек у него из головы червя».

Короли и шуты средневековой Европы

Кем же были те избранные, которым делали сложные хирургические операции на черепе? Как мы уже успели убедиться, в ранние эпохи, по данным антропологии, чаще всего трепанировали мужчин. Иногда сопутствующий останкам погребальный инвентарь позволяет говорить о том, что это были воины или люди, имевшие высокий социальный статус.

Начиная со средневековья мы имеем возможность опираться не только на антропологию и археологию, но и на письменные свидетельства тогдашних летописцев. Кроме того, до нас дошли многочисленные произведения изобразительного искусства и даже имена некоторых особенно знаменитых хирургов.

Мыслители Высокого Возрождения и идущие им вослед хирурги Нового времени проявляют большой интерес к нейрохирургическим операциям. Известно, что около 1500 г. итальянец Джованни Виго оперировал пациентов с высоким внутричерепным давлением. Теофраст Бомбаст фон Хюенхайм (Парацельс) вскрывал черепа больным эпилепсией. Во Франции прославился медик последних королей династии Валуа Амбруаз Паре (1510–1590). В 1519 г. житель Нюрнберга Й. фон Меекре'н опубликовал медицинский трактат с описанием краниотомии. В том же году голландец Маас исследовал повреждения разных отделов головного мозга и наступавший в результате паралич. Марк Аврелий Северин пробовал лечить хирургическим путем меланхолию и эпилепсию. В 1575 г. Алькасар из Саламанки трепаниро-

вал пациента с внутричерепным кровоизлиянием. Возросший интерес к анатомии человека выражался в многочисленных вскрытиях тел людей, погибших во время чумы или от несчастных случаев. Во второй половине XVI и в начале XVII вв. этот интерес приобрел массовый характер. Часто вскрытию подвергали тела известных и могущественных исторических деятелей — например, основателя ордена иезуитов Игнатия Лойолы, Марчелло Мальпиги, герцога Альбрехта V Баварского. Современные антропологи находят свидетельства активности патологоанатомов того времени. Так, в одной из церквей Гессена в 1600 г. были захоронены останки мужчины, верхняя часть черепа которого была удалена с целью изучения строения головного мозга.

В истории медицины сохранились имена краниохирургов XVII в. Фабриция Гильданского (Вильгельм Фабри де Хильден), Гильманна, Джона Вудэла, Йохана Скультета, Марчетти. Настоящий «трепанационный бум» отмечается в Англии XVIII в. и связывается с именем врача Персиваля Потта. Французский хирург Марешаль однажды за несколько дней произвел 12 краниотомий, а Де Ла Туше на протяжении двух месяцев трепанировал 52 раза.

Средневековые и Новое время дают большое число примеров трепанирования коронованных особ. Трудно сказать, была ли то особая мода или нечто большее. Иногда высказывают предположение, что монархам часто делали подобные операции, поскольку к их услугам были новейшие достижения и медицинские светила. Этот аргумент выглядит странно, ведь трепанация — древнейший способ хирургического вмешательства, и, как показано выше, успех в позднейшие времена сопутствовал хирургам значительно реже, чем в каменном или бронзовом веке.

Другие авторы предполагают, что венценосные особы становились жертвами алчных хирургов, которые не могли остановиться, проделывая все новые отверстия в черепе пациента. Если это правда, то лекари сильно рисковали в случае неудачного исхода операции. Нельзя не поклоняться перед мужеством сред-

невековых медиков, ведь некоторые их пациенты были людьми крайне неприятными. Например, успешно трепанированный в 1578 г. Веспасиано Гонзаго был известен своей жестокостью и даже, по свидетельствам современников, отравил первую жену.

Среди прочих европейских монархов трепанации подверглись потомок Карла Великого Карл Жирный¹ (888), 14-летний король Кастилии Энрике² (1214), Лоренцо, герцог Урбинский³ (1517), английский принц Руперт⁴ (1667), Николас I Черногорский. Большинство пациентов перенесли операцию благополучно. Невероятной выносливостью обладал принц Филипп Нассауский. В 1591 г. он перенес 27 трепанаций черепа, причем выжил и сохранил крепкое здоровье. Уже после хирургического лечения принц участвовал в распространенном состязании того времени «кто больше выпьет» и победил! Соперник Филиппа Нассауского скончался от алкогольного отравления...

Два столетия спустя принц Филипп Вильгельм Оранский тоже был трепанирован — 17 раз за короткое время. В 1559 г. врачи

¹ Карл Жирный, последний внук Карла Великого, несколько месяцев страдал от сильнейшей головной боли. Трепанация не избавила его от мучений. Больной был вынужден отказаться от трона и спустя три месяца скончался. Некоторые исследователи думают, что, поскольку Карл был очень толстым человеком, у него могла развиться опухоль мозга. Впрочем, доказать это невозможно.

² Голова Энрике была травмирована камнем. Королевский хирург Диего дель Виллар удалил костные осколки, но подросток умер через несколько дней. Как считает современный нейрохирург Г. Мартин, в ходе операции не удалось избежать проникновения инфекции в сагиттальный синус — крупнейшую вену головного мозга.

³ В 1517 г. герцог Урбинский пострадал от открытого перелома черепа. Это случилось, когда пуля снайпера задела затылок Лоренцо. Во время операции из области перелома был удален образовавшийся сгусток крови. Хотя герцог страдал лихорадкой с седьмого дня после ранения («как говорил Гиппократ»), он выжил после ранения и операции и «благополучно» скончался спустя два года от сифилиса.

⁴ Принц Руперт страдал от головных болей. Ему сделали краниотомию, после чего наблюдался отток гноя, а головная боль прошла. Возможно, инфекция проникла в организм задолго до трепанации. За 17 лет до этого принц был ранен в голову.

*Рис. 27. Надгробный памятник
герцога Веспасиано Гонзаго
(1531–1591)*

пытались оказать хирургическую помощь французскому королю Генриху II, получившему травму на турнире и в итоге скончавшемуся от внутричерепной гематомы.

Не отвергая все прочие аргументы, в том числе прямые медицинские показания к операциям вроде травм или головных болей, отметим, что подобную активность хирургов в отношении представителей высшего социального слоя можно истолковать иначе. С древнейших времен, в самых разных культурных системах, вождь являлся посредником между божественными силами и его подданными, выполнял множество символических сакральных функций. Иногда он дол-

жен был подтверждать свое высокое предназначение, проходя испытания, подобные инициациям. Скажем, по мнению выдающегося отечественного ученого В.Я. Проппа, некогда архаическую царскую семью окружали многочисленные ограничения: запрет света, взгляда, определенной пищи, соприкосновения с землей, общения с людьми. Возможно, в каком-то виде эти представления сохранились и в цивилизованные времена после эпохи Возрождения.

Хотя, если судить по графическим и живописным свидетельствам, трепанировали не только королей.

Рис. 28. Хирург вручную вращает трепан

О санитарно-гигиенических условиях свидетельствует изображение кошки, поймавшей крысу. Гравюра XVI в.

В XV–XVII вв. трепанирование становится чрезвычайно популярным сюжетом в изобразительном искусстве.

Самую известную картину, изображающую трепанирование, безусловно, создал Иероним Босх (примерно 1475–1480, Мадрид, музей Прадо). Искусствоведы не дают однозначной трактовки изображенного Босхом. К примеру, по мнению американца В. Гибсона, совершенно отчетливо видна аллегорическая природа картины. Посреди летнего ландшафта хирург удаляет нечто из головы привязанного к стулу человека; за происходящим наблюдают монах и сиделка. В. Гибсон считает, что картина не целиком могла быть написана Босхом — фигуры слишком статичны и невыразительны. Кисти Босха, вне сомнения, принадлежит ландшафт и, возможно, надпись, обрамляющая

изображение: «Мастер, вырежь камень, мое имя Лубберт Дас». Как полагает В. Гибсон, операция по извлечению камня глупости была шарлатанством и в действительности никогда не производилась. Американского искусствоведа удивляет присутствие при подобной «неблаговидной» процедуре монаха и сиделки, бросающее тень на репутацию столь респектабельных персонажей. Следует заметить, что, вопреки надписи, хирург извлекает из головы Лубберта не камень, а цветок. Другой такой же цветок лежит на столе справа. Цветы идентифицированы В. Гибсоном как тюльпаны, обозначавшие у голландцев глупость и безумие.

Совершенно другую интерпретацию картины дает немецкая исследовательница Розмари Шудер. Некто приходит к доктору и просит: «Господин, удали мне коренной зуб». И мастер медицины начинает свою операцию, вскрывая череп. «*Meester snyt die Keye ras, myne name is Lubbert, das*». *Keye* обозначало на голландском также коренной зуб. Р. Шудер определяет цветы на картине Босха как водяные лилии *Nymphaea alba*. Еще Гален писал об успокоительном действии этого растения.

Чешский искусствовед Ханна Волавкова предложила рассматривать картину Босха в контексте с другими произведениями, образующими так называемый квадриптихон. Две его части «*Der hinkende Pilger*» («*Хромой пилигрим*») и «*Der Gaukler*» («*Шут, Обманщик*») хранятся в других собраниях, четвертая утрачена. По мнению Волавковой, квадриптихон создавался с целью ответить на вопрос «Что такое человек?». На фрагменте квадриптихона «*Steinoperation*» лекарь изображен в необычном головном уборе, что позволяет идентифицировать удаление камня из головы пациента как алхимическую процедуру. Волавкова полагает, что речь идет о философском камне. Алхимики, пытавшиеся его добыть, работали со ртутью. В свою очередь, ртуть олицетворяет планету Меркурий, а согласно средневековым представлениям, символом Меркурия был шут. Таким образом, возможно, произведение Босха представляет собой аллегория планеты Мер-

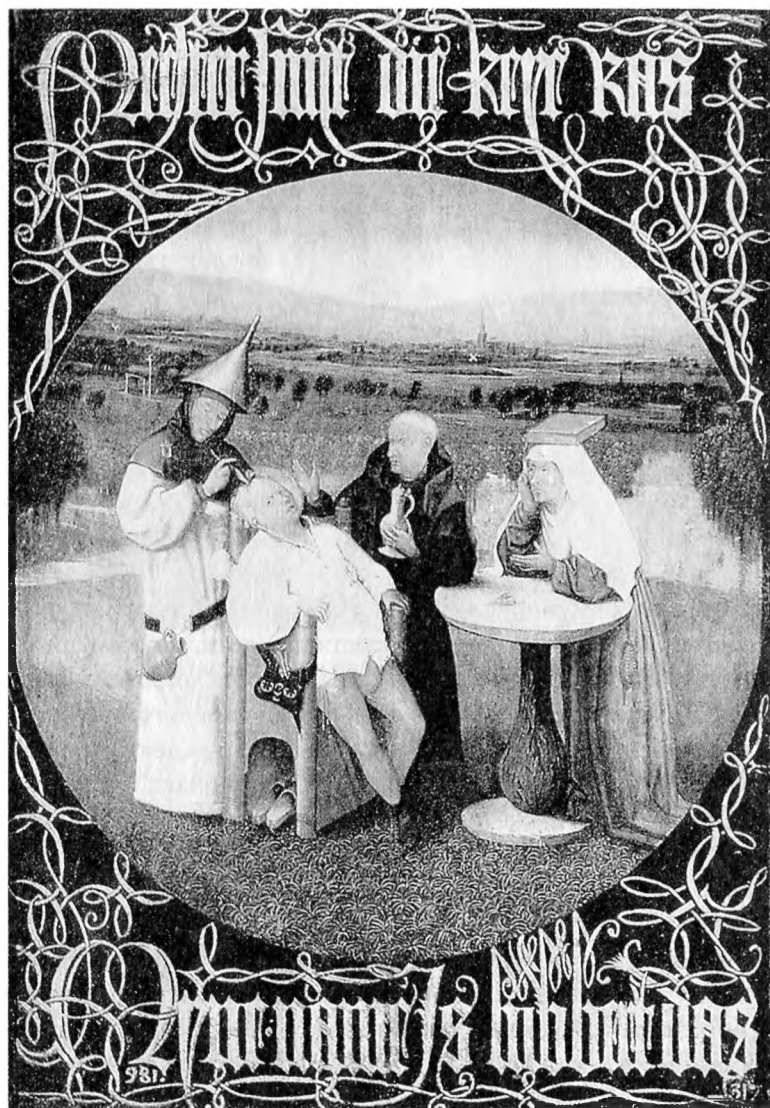

Рис. 29. Операция по извлечению «камня глупости».
Иеронимус Босх. Прадо, Мадрид

курий — воздуха и сангвинического темперамента. Другие части квадриптихона можно интерпретировать сходным образом: тогда «*Gaukler*» представляет Луну, воду и флегматический темперамент; «*Der hinkende Pilger*» символизирует Сатурн, землю и меланхолию; утраченная часть — Солнце, огонь и холерический темперамент.

По мнению российских искусствоведов, удаление «камня глупости» из головы деревенского простака представляет собой не просто примитивную знахарскую операцию, а попытку магикомистического преобразования человеческой природы. Картину можно воспринимать как насмешку, но можно и разглядеть в ней неортодоксальный, алхимический смысл.

Про фландрца Адриана Браувера (1605–1638) пишут, что он любил изображать сцены «жестокоего домашнего врачевания». На его картине из коллекции Государственного Эрмитажа изображена сцена очередного извлечения «камня глупости». Как и у Босха, операция происходит под открытым небом. Помимо больного и хирурга, весьма увлеченного операцией, активное участие в действии принимают нищие, крестьяне, дети, причем зрители явно получают большое удовольствие от происходящего. Несомненно, болезненная операция вызывает у присутствующих не жалость, а смех и веселье. Почему же столь неадекватна, по современным представлениям, реакция собравшихся поглазеть на трепанацию? Или сюжетная ситуация, запечатленная на картине Браувера, иллюстрирует мысль Иммануила Канта «во всем, что должно возбуждать громкий смех, должно быть нечто противное разуму»?

Любопытно, что в некоторых древних культурных системах глупцов (дураков, шутов) связывали с мрачными символическими образами. Они были «инверсиями» королей и правителей, ими заменяли последних во время ритуалов жертвоприношения. Вспомним и об отношении к юродивым как «божьим людям» в отечественной культурной традиции, об их особой связи с царями (характерный литературный пример — «Борис Годунов»

*Рис. 30. Операция по извлечению «камня глупости».
Адриан Браувер. Эрмитаж, Петербург*

А.С. Пушкина). Юродство в православии было одной из форм интеллектуального критицизма и в этом смысле сближалось с феноменом античных киников или мусульманских дервишей. Юродивый — актер, ибо наедине с собою он не юродствует. Для зрителя он надевает личину безумия, глумится, как скоморох, «шалует». Осмеяние порока и зла — одна из форм протеста в юродстве, причем смех — «надзаконное» средство. И в поведении, и в философии юродство тесно соприкасается с институтом шутов Западной Европы. Основной постулат философии шута: все дураки, а самый больший дурак тот, кто не знает, что он дурак. Кто сам себя признал дураком, перестал быть таковым. То есть единственный неподдельный мудрец — это юродивый,

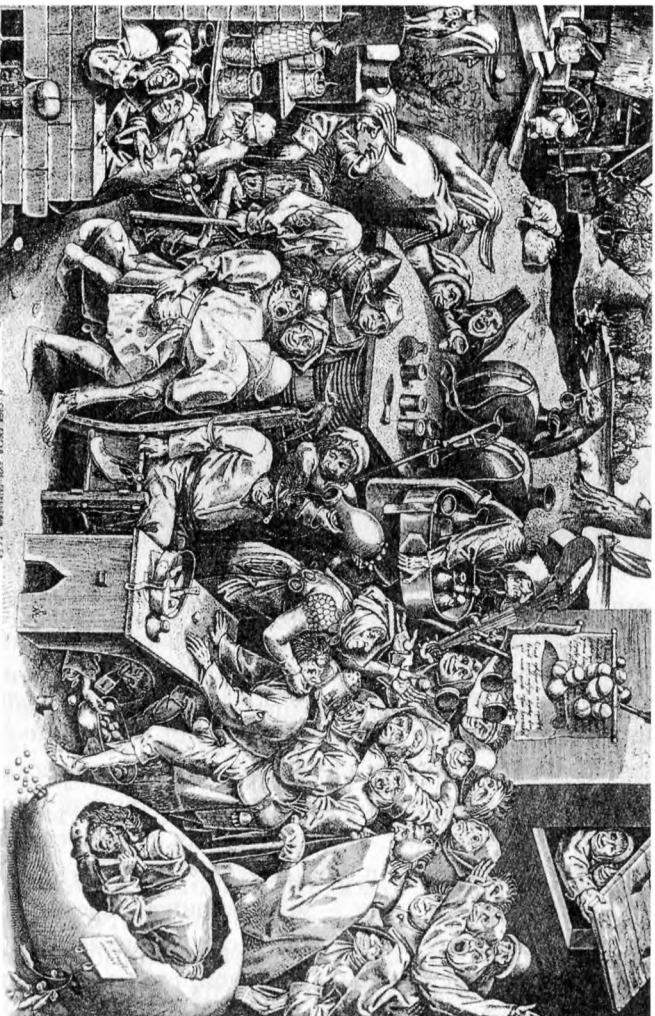

Рис. 31. Гравюра Питера Брейгеля Старшего «Ведьмы Маллгема»
(Немецкая медицинская библиотечка).

Маллгем — фламандская «деревяная простакня и дураков». П. Брейгель изобразил ведьму, демонстрирующую уже извеченный камень. К стене прикреплен рисунок, на котором можно увидеть «камень глупости» и нож для операции. В очереди к ведьме много желающих сделать трепанацию...

притворяющийся дураком. Общая черта православного юродивого и шута римско-католической Европы — отчуждение от общества. Как писал известный российский ученый А.М. Панченко, «юродивый становился в позу отверженного; шут был неприкасаем. По городскому праву шут приравнялся к палачу, и ему запрещалось селиться среди добропорядочных горожан».

Анализируя сквозь призму исторической поэтики функции плута, шута и дурака в средневековом европейском романе, великий русский филолог М.М. Бахтин подчеркивал, что шут и дурак выступают как метаморфоза царя и бога, находящихся в преисподней, в смерти. Аналогичный момент превращения бога и царя в раба, преступника и шута Бахтин находил в римских сатурналиях и в христианских страстях Бога. «Фигуры эти, конечно, далеко не новые, их знала и античность, и Древний Восток. Если опускать в эти образы исторический лот, то он ни в одном из них не достанет дна: так глубоко это дно. Культурное значение соответствующих античных масок лежит сравнительно близко, в полном свете исторического дня, дальше они уходят в глубины доклассового фольклора. <...> Им присуща своеобразная особенность и право — быть *чужими* в этом мире». По Бахтину, маски шута и дурака, имея глубокие народные корни, давали привилегии *непричастности* жизни самого шута и *неприкосновенности* шутовского слова. Все это указывает на сохранение древней сакральной традиции. В данном контексте «трепанование дурака» — символ двойной метаморфозы наделенного священной силой существа (первая метаморфоза: царь и бог в преисподней = шут; вторая метаморфоза: шут, дурак подвергаются магико-мистическому преобразованию = трепанирование).

Таким образом, само по себе широкое распространение «трепанационных» сюжетов в европейской графике и живописи не обязательно отражает распространенность этой процедуры среди простолюдинов. Подобного рода утверждения могут быть подкреплены только палеоантропологическими исследованиями

Рис. 32. В хирургическом пособии Скультета изображено начало операции трепанирования (1655)

позднесредневековых материалов. Пока же многочисленных свидетельств трепанирования широких слоев населения в это время у нас нет. Напротив, малое число средневековых черепов со следами трепанаций находится в резком противоречии с общей численностью найденных черепов и их хорошей сохранностью, особенно это заметно при сопоставлении с предшествующими эпохами. Практика трепанирования в позднем средневековье не идет ни в какое сравнение с тем размахом, которого она достигала в каменном веке. Профессор из Дании Пиа Беннике считает, что причиной тому мог явиться запрет католической церкви оказывать людям хирургическую помощь при монастырях. Тело человека было

создано Богом и никакая операция с ним не допускалась. Церковь заботилась о душе, а не о теле. Лечение заболеваний чаще всего было основано на античных представлениях о четырех жидкостях человеческого организма и ограничивалось применением травяных лекарственных средств.

По-видимому, если трепанации все же нельзя было избежать и если она не помогала, пациента не могли хоронить на монастырском кладбище. В 1997 г. Американская школа классических исследований произвела в Афинах раскопки Франкского Коринфа. Исследователи обнаружили монастырские сооружения XII–XIII вв. и рядом с ними кладбище. Согласно предположению остеолога Этны Барнс, на территории аббатства действовал хоспис, в котором оказывали помощь тяжелобольным горо-

жанам. Некоторых пациентов похоронили при монастыре, внутри и вокруг кладбища. *В пределах некрополя* были погребены мужчина, страдавший крайне тяжелым ревматоидным артритом, и женщина, скончавшаяся во время родов из-за поперечного положения плода. *За оградой кладбища* похоронен подросток, болевший редким недугом — мультифокальной эозинофильческой гранулемой, скорее всего, приведшей его перед смертью к коматозному состоянию. Ребенок был трепанирован в области теменной кости справа прорезанием. Заживление не прослеживается.

Археологические раскопки 1993–1994 гг. в городке Гандия, в Валенсии, позволили исследователям сделать вывод о высоком уровне медицины мооров — мусульманского меньшинства, жившего в этих местах еще в XV–XVI вв. Ученые нашли фрагмент черепа взрослого человека, трепанированного в надглазничной области. По данным Франсиско Пухальта, на рентгенограмме черепа симптомы воспалительного процесса не прослеживаются. В 8 мм над правой глазницей трепаном было высверлено отверстие около 5 мм диаметром. Показания к операции остались невыясненными.

Новый Свет

Случаи трепанирования на двух американских континентах распространены неравномерно и сконцентрированы вокруг трех главных центров, где производились операции: на севере (Британская Колумбия, Канада, восемь черепов), в Мезоамерике (долина Оаксака в Мексике, 17 черепов) и в Южной Америке (свыше 600 черепов).

Северная Америка

К настоящему моменту на территории североамериканского континента найдено 38 древних трепанированных черепов (20 — в Мекси-

ке, 10 — в Канаде, восемь — в США). Трепанированные индейцы Мексики жили в среднем до 40 лет, на пять лет дольше индейцев США и Канады. Среди них было больше женщин (11 к 9), а в США и Канаде чаще трепанировали мужчин (8 к 5). Травмы, возможно послужившие поводом для операции, были встречены только у семи человек, причины других краниотомий остаются неизвестными.

Основатель американской антропологии Алеш Грдличка (1869–1943) первым обнаружил два трепанированных черепа во время своей экспедиции в Мексику, в Чихуахуа.

По сообщениям современных исследователей Джеймса Стоуна и Хавьера Урцида, на территории Канады и США операции производились кремневыми и обсидиановыми орудиями в комбинированной технике скобления и прорезания. Благополучное заживление наблюдалось у 80–85 % оперированных.

В фольклоре североамериканских индейцев нет прямых упоминаний о прижизненных вскрытиях черепа. Но ритуальная жизнь аборигенов была очень сложна. Индейцы Квакиутль, населявшие долину реки Ванкувер в Британской Колумбии, где палеоантропологи обнаружили следы трепанационной активности, были умелыми резчиками по дереву, из которого изготавливали лодки, тотемные изображения, священные маски и многие другие замечательные произведения искусства.

Знахари Квакиутль практиковали частичное удаление кожи (скальпирование) с затылка, венечной и височной области для лечения головной боли. Эти манипуляции берут начало в широко распространенных среди племен северо-западного побережья Тихого океана представлениях о том, что душа человека заключена в голове. Врагов заколдовывали, помещая амулеты и фетиши внутрь черепов покойных, а высушенные и обработанные кости использовали как ножи при ампутациях пальцев. Долгое время миссионеры, приобщавшие прибрежных индейцев к христианству, писали об обычае аборигенов проделывать отверстие в голове для изгнания дьявольского духа.

Два трепанированных черепа с территории США, по-видимому, принадлежат индейцам пуэбло (штат Нью-Мексико), один из черепов — с огромным отверстием в лобной кости над правой глазницей, прорезанным незадолго до смерти пациента.

Шесть черепов из Арканзаса, Иллинойса и Мичигана свидетельствуют о существовании традиции трепанирования среди племен, соорудивших огромные надмогильные сооружения (маунды).

Большинство мексиканских материалов датируется классическим периодом (250–900 гг.). На 20 черепах можно наблюдать 51 трепанационное отверстие! 31 операция была доведена до конца, другие остались незаконченными. Один человек из Оаксаки перенес при жизни целых восемь черепных вскрытий.

17 из 20 трепанированных черепов были найдены в южной высокогорной части, в Монте Альбане — центре долины Оаксака, древней столице этого региона.

Долина Оаксака находится на высоте 1500 м над уровнем моря и окружена со всех сторон трехкилометровыми горными вершинами. Грандиозный храмовый комплекс в Монте Альбане был одним из главных центров культурной и религиозной жизни Нового Света. Земледельцы сапотеки обладали глубокими познаниями, имели иероглифическую письменность, календарь. Знали тайны астрономии и арифметики. В то же время религия пронизывала все сферы жизни сапотекского общества, и многие ритуалы древних мезоамериканцев кажутся нам сегодня очень жестокими. Так же как и майя, сапотеки играли в ритуальную игру в мяч, поклоняясь многим богам, они верили в действенность кровопролития, и эта вера проявлялась в наносимых ими себе увечьях и в человеческих жертвоприношениях.

На протяжении классического периода, особенно в 200–700 гг., Монте Альбан превратился в метрополию — огромный по тем временам город с населением 25 000 человек был застроен общественными зданиями, храмами, украшенными монументами и богатыми гробницами. Не удивительно, что в месте, вобрав-

шем всю мощь мезоамериканской цивилизации, сконцентрированы основные археологические доказательства хирургии черепа.

45 % мексиканских операций выполнялись в технике скобления. Но в поздний классический период (500–900 гг.) более популярно стало сверление небольших отверстий, число которых доходило до семи. Результаты оказались поистине катастрофическими: смертность от трепанирования, при других методах колебавшаяся между 20 и 43 %, достигла 94 %!

Археологи пытались установить по погребальному инвентарю, каков был социальный статус трепанированных сапотеков. Выяснилось, что операции делали и людям небогатым.

Однажды была раскопана могила, хранившая останки двух молодых людей, очевидно мужа и жены. Эти люди были трепанированы, но примечательно, что еще в раннем детстве их головы подвергли сильной деформации с помощью специальных дощечек. Обычай искусственной деформации головы был распространен среди местных индейцев, но сочетание этого обычая с краниотомией встречается не так часто.

Южная Америка

Масштаб трепанирования в Южной Америке сопоставим с трепанационной активностью хирургов всего Старого Света. Коллекции, собранные антропологами и археологами в прибрежных и горных районах Перу, а также в высокогорной Боливии, сейчас насчитывают более 600 перфорированных черепов.

Самый древний трепанированный череп найден в Паракасе, на южном побережье Перу (400 г. до н.э. — 200 г.). Позднее, между 200 и 1000 гг., трепанации широко практикуются в высокогорье. В горных джунглях на севере Перу их делали вплоть до 1470 г. Несколько примеров искусственной трепанации черепа найдены в центральной части перуанского побережья, их относят к периоду господства инков (XIV–XV вв.).

Кому делали трепанации южноамериканские аборигены? В отличие от мезоамериканцев, большинство составляли молодые мужчины, хотя женщин и даже детей тоже оперировали. Иногда трепанировали детей моложе 12 лет, один раз даже ребенка двух-трех лет.

Для вскрытия черепной коробки древние перуанцы применяли все возможные способы: скобление, линейные надрезы, циркулярное сверление, высверливание небольших отверстий и прорезание «мостика» между ними. Самый простой метод — скобление — возник около 400 г. до н.э., такие операции были самыми успешными. В эту раннюю эпоху хирургическими инструментами служили двусторонние обсидиановые ножи, медь и бронза были еще неизвестны местным жителям. Техника линейного иссечения более характерна для центральных горных районов. Сверление больших круглых борозд — примета позднего периода империи инков.

Многие пациенты успешно перенесли краниотомию. Американский антрополог Джон Верано подсчитал, что 78 % оперированных жили после операции многие годы. Самый впечатляющий, хронологически поздний случай: семикратное трепанирование одного пациента и полное заживление краев операционных отверстий.

Южные острова Тихого океана

От Индонезии и Австралии в восточном направлении, по пути в Южную Америку, простирается «водный континент», состоящий из множества больших и малых островов. Жители этих островов делали трепанации в разных целях.

Самыми удачливыми краниохирургами в XIX в. были толаи, аборигены острова Новая Британия, что у берегов Новой Гвинеи. Количество выживших пациентов достигало 75 %, а ведь современные им парижские и лондонские медики не могли похвастать подобными результатами. Секрет толаев заключался в том, что

они каждый раз заново изготавливали хирургические инструменты, поэтому не распространяли печально известную нам внутрибольничную инфекцию. Кроме того, островитяне оперировали не в переполненных больницах, а только на открытом воздухе. Ножи изготавливали из бамбука, обсидиана, раковин. Рану обязательно промывали только что добытым стерильным кокосовым молоком, перевязывали свежими листьями и виноградной лозой. Кожу сшивали волокнами кокоса, а операционной иглой служило крыло летучей мыши. Пращи, бывшие в ходу у воинственных толаев, причиняли множество открытых переломов. Кроме того, аборигены Новой Британии были канныбалами, и это не могло не обогатить их познания в области анатомии человеческого тела.

В Новой Ирландии операции были ритуальными. Местные женщины сами трепанировали своих детей, чтобы те вырастали высокими, сильными и здоровыми. Если ребенок хворал, ему предстояло несколько операций. Все эти манипуляции были поверхностными и сводились к нанесению глубоких рубцов в области лба. Сами туземцы не считали поверхностное трепанирование магией, они просто предотвращали таким образом головную боль, сумасшествие и эпилепсию. Судя по тому, что мало кто из них страдал от перечисленных недугов, средство было действенным.

Поблизости от Новой Гвинеи, в Новой Каледонии, на островах Увеа и Лифоу, жили аборигены, практиковавшие настоящие хирургические операции черепа. Они оперировали больных не только после открытых переломов свода, но и по многим другим причинам, иногда просто в надежде, что трепанация окажет укрепляющее воздействие на здоровье. Возможно, жители Увеа и Лифоу позаимствовали специфические знания о трепанациях у толаев, хотя между ними пролегают 1600 морских миль. Дело в том, что еще 2000 лет назад по Океании путешествовали торговцы, доставлявшие природное стекло или обсидиан из вулканов Новой Британии к островам Новой Каледонии. Одновременно могли распространиться и трепанационные умения. На остро-

вах Океании слишком большой популярностью пользовались пращи и рогатки. Ранения в голову были обычным делом и требовали хирургического вмешательства.

В 3000 милях к востоку от Новой Каледонии расположена еще одна большая группа островов, сегодня называемая Французской Полинезией, со столицей на Таити. Специалисты считают, что уровень традиционной полинезийской медицины был так же высок, как у древних греков. Полинезийцы умели вскрывать абсцессы, искусно обрабатывали и зашивали раны и, главное, умели делать трепанации. Послеоперационное отверстие в голове закрывали протезом, выполненным из оболочки кокоса.

Не могли ли жители Восточной Полинезии научиться технике трепанации у индейцев Южной Америки? Этот вопрос волновал многих исследователей. В 20-е гг. прошлого века один из европейских путешественников сфотографировал трепанированный череп, найденный на одном из самых восточных островов Полинезии. Позже Тур Хейердал познакомился с сыном местного знахаря, умевшего трепанировать. Знаменитый норвежец считал, что хирургические знания распространились в Полинезию из Южной Америки вместе со многими другими культурными навыками.

Косвенным подтверждением этой гипотезы можно считать появление на тихоокеанских островах картофеля, дикая форма которого действительно имеет американское происхождение. В Полинезии сладкий картофель называется *кумара*, так же как и у инков. Считается, что картофель завезли на острова примерно в 500 г. нашей эры полинезийские моряки, достигшие Южной Америки на своих двоянных каноэ. Попутные ветра легко могли подхватить легкие суденышки и донести их до континентальной суши. Возвращение назад было не таким простым. Обычно ветра дуют к Америке, но в годы Эль Ниньо, примерно каждые 10 лет, их направление меняется на противоположное. Тогда доплыть из Америки в Полинезию совсем несложно.

После 500 г. выходцы из Восточной Полинезии заселили последние остававшиеся необитаемыми тихоокеанские острова. До того, как в 1300 г. изменился климат, были успешно колонизированы Гавайи (2500 миль к северу), Рапа Нуи (3500 миль к востоку), Аотеароа в Новой Зеландии (3000 миль к западу). Колонисты всегда брали с собой картофель и другие полезные растения, но нигде на этих островах не умели трепанировать черепа.

Вот почему новозеландский нейрохирург Грэхем Мартин считает, что полинезийцы не позаимствовали медицинские знания в Америке, а пришли к ним сами, причем только после 1300 г.

Впрочем, эта точка зрения пока не стала общепринятой. Как удалось установить генетикам, Полинезию первоначально населяли племена из Восточной Азии, пришедшие сюда через Тайвань и Индонезию. В последние годы появляются новые научные работы, авторы которых пытаются объяснить распространение трепанаций миграциями древних людей, обладавших драгоценными познаниями.

Например, английский профессор Дональд Бротвелл написал статью «Древнее трепанирование: многополярная эволюция или диффузия по всему миру?» В Северной и Южной Америках и в Старом Свете трепанирование применяли задолго до эпохи Великих географических открытий, вновь соединивших континенты в культурном отношении. Поэтому Бротвелл пытался найти удовлетворительное объяснение независимому применению хирургии черепа по разным сторонам Атлантического океана. Может быть, предполагает профессор, хирургические знания оказались привнесены на Американский континент палеоиндейскими группами, мигрировавшими через перешеек на месте Берингова пролива? Но если палеоиндейцы действительно успешно производили краниотомии, то почему фактические свидетельства проявляются так поздно, лишь в археологических культурах Мексики и Перу? Если же умение трепанировать распространилось в Америке только в последние века до нашей эры, тогда Дональд Бротвелл предлагает рассмотреть возможность влияния транс-

океанических культурных контактов. Отмечая, что трепанирование в Европе, Юго-Западной Азии, а также в Китае — очень древняя традиция, Бротвелл подчеркивает, что краниотомии, осуществлявшиеся туземцами Меланезии, тоже имеют глубокие исторические корни. Таким образом, необходимые хирургические навыки могли пересечь океаническое пространство благодаря медленным межкостровным контактам или вмешательству неевропейских навигаторов. С другой стороны, Бротвелл не исключает занесения «трепанационных технологий» на территорию Центральной и Южной Америки финикийскими мореплавателями или другими представителями средиземноморской цивилизации.

Совершенно очевидно, что вопросов здесь больше, чем ответов, и что их можно решать только учитывая общее историческое развитие культур Старого и Нового Света. Показательно, что частный вопрос распространения специфических знаний и умений в области хирургии пересекается при этом с вопросами заселения Америки, этнической антропологии и культурного развития человечества, которые и по сей день рождают немало дискуссий. Обширное исследование археологических трепанаций может неожиданно способствовать решению более глобальных научных проблем.

Австралия

Традиционная культура австралийских аборигенов исчезала очень быстро, и ученым не удалось запечатлеть все ее стороны. По поводу трепанаций известно, что они производились, но более подробной информации нет. В музеях пятого континента хранятся два трепанированных черепа, но откуда они поступили в коллекцию, точно не известно. В музее Виктории выставлен череп «с севера», в венозной части которого имеется глубокая борозда шириной в полдюйма в виде латинской буквы U. Долом, по-видимому, послужила раковина моллюска. Операция прошла благополучно.

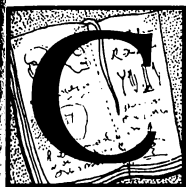
Второй череп из Беги, в Новом Южном Уэльсе, демонстрирует другой способ трепанирования в верхней части головы. Примерно от линии волос на голове этого человека было выскоблено углубление длиной 4 и шириной 2 дюйма. Оба австралийских черепа со следами трепанаций не были травмированы. Значит, поводами для операций были не механические повреждения.

Глава 4

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ТРЕПАНАЦИИ

Зачем менять свою внешность? – Феномен посвящения. – В мире знаков. – Хронология и география символических трепанаций в древнем мире. – Символические прически и скальпирование.

Символическими трепанациями принято называть последствия несквозных манипуляций на своде черепа. Этот термин в 50-е гг. XX в. венгерский ученый Лайон Бартуш ввел для описания специфических поверхностных повреждений, наблюдавшихся на многих черепах Х в., периода завоевания Паннонии кочевниками, пришедшими с востока.

Однако к символическим трепанациям могут быть отнесены и другие, значительно более древние попытки представителей различных археологических культур слегка нарушить целостность свода черепа, травмировать костную поверхность в строго определенном месте, создать некий геометрический узор на внешней стороне мозговой капсулы. Терапевтическая мотивация подобных действий не исключена, хотя и довольно сомнительна. Пол и возраст «символически трепанированных людей» и сопутствующая археология могут отчасти прояснить намерения тех, кто производил операцию. Стремление изменить свою внешность, проявляющееся, например, в искусственном деформировании головы (чтобы подчеркнуть избранность «своих» и их отличия от «чужих» или обособленность элитарного слоя), могло стать

причиной символических трепанаций. Можно говорить и о важной ритуальной составляющей поверхностного «трепанирования» как возможного испытания и символа перехода из одной социальной категории в другую (инициация подростков, замужество и рождение детей у женщин, траур, принадлежность мужскому союзу и т. д.).

К.-Г. Юнг считал, что высшей целью человеческого существования является процесс «индивидуации» (*l'individuation*), реализуемый через ряд испытаний. По мнению Мирчи Элиаде, феномен «посвящения» постоянно сосуществует с подлинной жизнью человека, полной глубинных кризисов, тревог, потерь и обретений самого себя, «смерти и воскресения». В периоды общих кризисов человечество прибегает к способам обновления, которое может изменить жизнь. «Обновлением» заканчивается всякое подлинно религиозное обращение.

Обычно под инициацией понимают обряды, преследующие цель радикально изменить религиозный и социальный статус посвящаемого. К концу испытаний неопит обретает совершенно другое существование, чем до посвящения: в глазах окружающих и даже для себя самого он становится другим. Прежний человек условно умирает, «возрождаясь», он получает новое имя, другую одежду и т. п. Без символической смерти в посвящении не может начаться новая жизнь, роль такой «смерти» определяется тем, что она готовит рождение к более высокой форме бытия. По мысли представителя традиционной культуры, человека создают, в одиночку он «сделать себя» не может, его «делают» старики, шаманы, духовные наставники, являющиеся представителями сверхъестественных существ.

Мы живем в мире знаков, всеми органами чувств улавливая поступающую с разных сторон информацию. По словам замечательного ученого Ю.М. Лотмана, говорим ли мы или пишем на каком-либо языке, наблюдаем ли сигнализацию уличных светофоров, читаем роман или смотрим кинофильм, улавливаем сигналы из космоса или пытаемся понять дельфинов, — мы стре-

мимся включиться в некоторую систему коммуникаций. Пути получения, хранения и передачи информации изучает семиотика — наука о знаках, сквозь призму которой может быть рассмотрено любое культурное явление.

Другая наука, изучающая биологические механизмы общения, — этология. В процессе эволюции человек не только сохранил способность ощущать запахи, тактильную чувствительность, реакцию на мимику и жесты, но и развил способность общаться при помощи членораздельной речи и разнообразных символов.

Как ни парадоксально, тело человека — «улика» его социальной активности. Оно дано нам изначально и поэтому стало для древних людей ключевым элементом мироздания. Наши предки вкладывали глубокий смысл в изменения своего внешнего вида.

Всемирную известность приобрели сенсационные находки российских археологов в Горном Алтае. В I тысячелетии до н.э., в скифскую эпоху, эту суровую землю населяли племена кочевников-скотоводов, представители так называемой пазырыкской культуры. Они хоронили своих умерших в деревянных срубах, в сопровождении богатейшего заупокойного инвентаря. Ковры, украшения, бытовые предметы пазырыкцев — это подлинные произведения искусства. Археологам повезло: под влиянием природных условий внутри погребальных срубов возникали огромные ледяные линзы, которые законсервировали не только вещи, но и тела покойных. Так стало известно об обычае покрывать тело сложными татуировками, существовавшем более 2500 лет назад. Но это были не просто украшения, ведь одни и те же элементы рисунка повторялись у разных людей.

Как считает археолог Н.В. Полосьмак, на тело человека наносили не декоративный орнамент, а знаковую систему, «текст» — сакральное письмо, предназначенное для передачи важной информации, скорее всего магического характера. Таким способом происходило «переоформление» натурального человеческого облика в изобразительный символ племенной мудрости.

Символические трепанации — это тот же текст, знак, обращенный к соплеменникам и чужакам.

В.Я. Пропп, говоря о семантике обрядов инициации, отмечал, что после ритуальной смерти происходило вступление из области смерти в область жизни в новом качестве: во время весеннего праздника луперкалий двух римских юношей символически убивали и воскрешали — ножом, опущенным в кровь принесенных в жертву двух козлов, мальчикам на лоб наносили рану.

Изучая исторические корни волшебной сказки, В.Я. Пропп обратил внимание на мотив «клеймения героя», происходившего незадолго до бракосочетания. Например: герой на Сивке-Бурке долетел до окна царевны, «поцеловал ее, а она ему прямо в лоб клеймо и приложила». Или: «она сделала ему во лбу печать своим золотым перстнем, приняла его во дворец к себе и вышла за него замуж». Извлечение крови и оставление рубцов есть знак приема в родовой союз, присутствующий и в обряде инициации. Во время брака жена вступает в род своего мужа, или наоборот. Последний, матриархальный вариант чаще сохраняется в фольклоре.

Этнография народов мира говорит о распространенности подобных обычаев: у некоторых аборигенов Бенгалии жених отмечает жену красным карандашом. У биргоров жених и невеста пускают из мизинцев кровь, которую смешивают и мажут ею друг друга. В Новой Гвинее после установления продажной стоимости невесты муж и жена делают на лбу надрезы до крови. Остальные члены обеих семей делают то же самое, и это скрепляет их союз.

Уже говорилось, что манипуляции с телом в древнем мире изучает палеоантропология, она регистрирует на ископаемых скелетах непосредственные следы социальной деятельности человека, проявляющиеся в изменении внешнего облика и преднамеренной травматизации. Так возникают новые возможности для воссоздания некоторых аспектов духовной жизни представителей давно исчезнувших археологических культур.

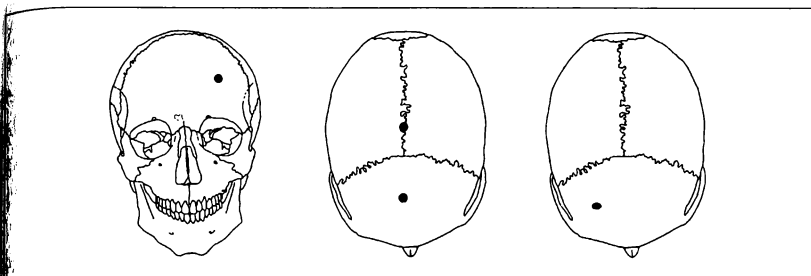

Рис. 33. Локализация знаков посвящения на черепах представителей вучедольской культуры (Балканы):
а) «мужская»; б) «типично женская»; в) «нетипично женская»

В эпоху последнего оледенения Центральная Европа представляла собой узкий степной пояс, служивший для сообщения между свободными от ледника западными и восточными регионами. В период среднего верхнего палеолита, 30 000–20 000 лет тому назад, в Восточной Европе возник культурный центр, важность которого во многом была обусловлена его геополитическим положением.

В Моравии образовался естественный коридор, отделенный от Карпат Богемским горным массивом. Из долины Дуная люди и животные, на которых они охотились, мигрировали в юго-западном направлении и на северо-восток, вплоть до Северо-Европейской равнины. Равнинные пространства соединяла цепочка узких проходов: Моравские врата на северо-западе, врата Вышков и Напайедла в центральной части, а изолированная цепочка Павловских холмов ограничивала эту территорию с юга в течении реки Дийе. Местные жители предпочитали селиться в больших долинах моравских рек — Дийи, Моравы, Бечвы и Одры. Здесь были открыты и большие стоянки, давшие научному миру тысячи археологических артефактов, и небольшие памятники — места кратковременных ночевок охотников на мамонтов.

При раскопках верхнепалеолитических стоянок в Южной Моравии (Дольни Вестонице, Пшедмости, Павлов) был обнару-

жен археологический и антропологический материал, уникальный и благодаря своей представительности, и благодаря хорошей сохранности. В культурном и хронологическом отношении находки входят в круг восточного граветта, так называемого павловского варианта. Кроманьонцы Дольни Вестонице населяли эту территорию во временном диапазоне от $26\,640 \pm 110$ лет до $27\,660 \pm 80$ лет назад.

История изучения «павловских» представителей раннего верхнего палеолита разделяется на три этапа. Первый, довоенный, связан с раскопками К. Абсолона, начавшимися в 1924 г. Тогда были найдены две черепные крышки, останки сожженного детского скелета, изолированные фрагменты человеческих костей и зубы. Вторая мировая война надолго прервала научные исследования европейского палеолита и нанесла непоправимый ущерб коллекциям. Только в 1949 г. возглавивший к тому времени раскопки в Дольни Вестонице археолог Б. Клима открыл женское захоронение. В 1957 г. близ населенного пункта Павлов он же обнаружил погребение мужчины. Третий этап в исследовании палеолита Дольни Вестонице начался в 1986 г. благодаря земляным работам на берегу реки Дийе. В том же году были найдены свод черепа взрослого мужчины и коллективное захоронение трех человек — двух юношей-погодков и девушки (так называемый триплекс). На скелетах молодых людей ученые обнаружили некоторые признаки, передающиеся по наследству. Поэтому очень вероятно, что в тройном погребении покоились останки двух братьев и сестры, скончавшихся одновременно. В 1987 г. Й. Свобода открыл в Дольни Вестонице могилу еще одного мужчины. Вместе с разрозненными находками человеческих костей и зубов из культурного слоя поселения группа кроманьонцев из Дольни Вестонице представлена останками 31 человека — 25 взрослых и шести детей. Если учесть, что таких размеров могло достигать целое племя охотников, понятно, какую ценность для науки имеют скелеты этих ранних европейцев.

Антрополог Е. Влчек — первый (и пока, по-видимому, единственный) ученый, который обратил внимание на присутствие поверхностных повреждений на нескольких мужских черепках. Он предположил, что эти шрамы связаны с определенными этнографическими традициями племени. Влчек высказал мысль, что специфические травмы мальчики получили в противоборстве при прохождении инициационных испытаний.

Однако одинаковое, геометрически точное расположение шрамов чуть справа от центра лобной кости и в верхней части свода у нескольких человек, скорее, говорит не о насильственном характере травм, а о преднамеренном нанесении рубцов на строго определенные участки головы. Знаки на черепе — свидетельства прохождения ритуалов и наиболее древние случаи символической трепанации.

Можно точно определить возраст символического трепанирования в популяции кроманьонцев Южной Моравии. В тройном погребении Дольни Вестонице символические трепанации обнаружены у молодого человека 17–19 лет, но их нет у юноши 16–17 лет. Женщина, умершая в 20-летнем возрасте, тоже не проходила испытаний. А вот мужчина, скончавшийся в 45–55 лет, задолго до смерти подвергся процедуре символического трепанирования.

Возрастные особенности отмеченных ритуальными знаками мужчин позволяют установить сроки прохождения испытания — около 18 лет. Таким образом, древнейшая форма символического трепанирования может быть отражением возрастной инициации или знаком принадлежности к мужскому союзу воинов и охотников.

Ритуалы посвящения в эпоху верхнего палеолита — закономерное следствие сложных религиозных представлений, полностью сформировавшихся в ту эпоху. Погребальные обряды, развитие изобразительного искусства отражают богатство духовного мира верхнепалеолитического человека. К тому же в племе-

нах моравских кроманьонцев была распространена еще более древняя практика манипуляций с человеческим телом. По-видимому, в группе преобладали представления, связанные с культом головы. Некоторые черепа, превращенные в «чаши», могли использоваться в религиозных церемониях. Из просверленного человеческого зуба был изготовлен амулет. Воссоздать ритуальную жизнь кроманьонцев Моравии помогают и разные находки материальной культуры. Характерная черта верхнепалеолитической традиции — изготовление антропоморфных, изображающих человека фигурок. Некоторые из этих изделий были преднамеренно повреждены вскоре после их создания, подвергнувшись «усекновению головы». Смысл разрушения керамических фигурок может быть аналогичен процедурам причинения увечий человеческому телу, нанесения шрамов и разнообразных знаков — это было свидетельство посвящения. «Разрушение создает нового человека».

Подобные действия объяснялись символическими представлениями. Представления о принадлежности к своей группе, о жизни и смерти, социальная память, эпос (миф) находили отражение в сложном ритуальном поведении. Стратегия выживания, применявшаяся кроманьонцами, фокусировалась вокруг охоты на мамонта, результаты которой часто бывали непредсказуемыми. В этих условиях ритуализированное поведение могло стать гарантией мирного раздела добычи, охотничьих территорий, престижных предметов и т. п.

На этой стадии общественного развития уже выделялась категория лиц — «специалистов в области сакрального». Так, в Брно была открыта могила предполагаемого шамана, мужчины, скончавшегося в очень солидном для той эпохи возрасте 40–50 лет. На черепе «шамана» немецкий антрополог Г. Ульрих обнаружил посмертные надрезы и сделанное при жизни треугольное углубление в лобно-теменной области. В погребении изначально присутствовали только череп и отдельные кости, присыпанные сломом красной охры и прикрытые лопаткой мамонта. Богатый по-

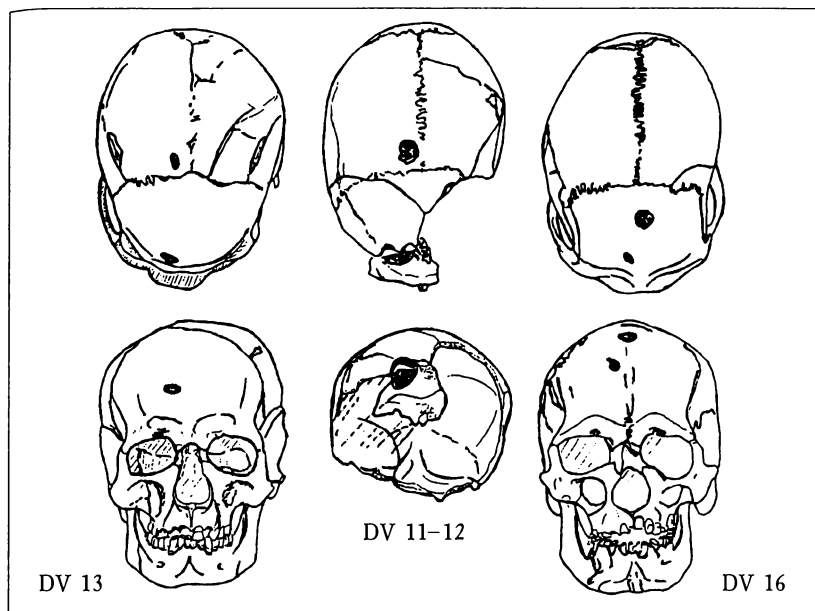

Рис. 34. Предполагаемые символические трепанации на мужских черепках эпохи верхнего палеолита из Дольни Вестонице II (профисовки травм по Vlcek, 1995): индивидуумы DV 13, DV 11– 12, DV 16

гребальный инвентарь имел символическое значение: просверленные диски и пластинки из камня и кости, мужская фигурка из мамонтовой кости в форме марионетки со следами повреждения и реставрации; барабанная палочка из рога северного оленя, несколько сотен древних моллюсков, скорее всего украшавших головной убор «шамана». Все это означает, что «мужчина из Брно» играл исключительную роль в ритуальной сфере.

Любопытно, что после смерти «шамана» его тело подвергли именно тем терзаниям, которые до сих пор видят посвящаемые в это мистическое искусство у народов, сохранивших традиционную культуру. Например, из этнографии якутов известно, что

Рис. 35. Меланезийский мальчик с глубокими рубцами на лбу

Детям от двух до пяти лет рубцевание проводилось «с целью укрепления здоровья».

при обретении шаманского дара испытываемый, находясь в экстазическом состоянии, переживает мучения отрезания головы, кромсания тела крючьями, утраты плоти (см. главу 1).

Но вернемся к антропологическим свидетельствам обрядов посвящения: обычай поверхностного рубцевания, существовавший во времена эпипалеолита в Северной Африке (Тафоральт и Афалу-Бу-Руммель, 12 000 лет назад), повлиял на появление этой традиции в новом каменном веке на территории Испании.

Тогда же, в неолите, в обрядах посвящения стало участвовать и женское население Евразии. Шрамы на голове носили обитатели горных районов Италии и Испании, древние жители Франции. По-видимому, рубцевание у мужчин и женщин характеризовалось локализацией на своде. Сходные тенденции сохранились в энеолите и раннем бронзовом веке, когда, по данным антропологии, специфические ритуалы распространились на обширной территории от Балкан, Центральной и Восточной Европы до Южной Сибири.

Вот только некоторые примеры.

Два черепа из неолитических слоев пещеры Армадель-Аквила в Италии (Савона, культура керамики с квадратным устьем) демонстрировали необычные травматические повреждения. На черепе мужчины зрелого возраста, в центре лба, имелась небольшая круглая ямка. На черепе пожилой женщины следы символической трепанации были видны в наиболее выступающей части затылка.

Надрез верхней части свода черепа в форме буквы Т или L встречается у неолитического населения Европы. При этом одна линия следует в передне-заднем направлении, другая ориентирована строго под прямым углом к ней. Большинство черепов со следами подобной операции — женские и найдены на территории современной Франции, в департаментах Сены и Уазы. Знак может быть отнесен «к области неолитической народной медицины», а также символизировать социальный статус, принадлежность к общине или служить украшением.

О находках символически трепанированных черепов сообщали австрийские исследователи.

Со временем «мода» менялась. В эпоху неолита поверхностные рубцы наносили в середине лобной кости, в эпоху ранней бронзы — на правую теменную кость, в эпоху захоронения в погребальных урнах — на левую теменную, в латенское время — и на правую, и на левую теменные, а иногда и на затылочную кости. В эпоху Великого переселения народов символические трепанации делались в центре лба и в области брегмы — точке пересечения черепных швов.

Множественные символические и сквозные трепанации обнаружили итальянские исследователи на энеолитических мужских черепках. Эпохой бронзы датируется череп 16-летнего юноши из тосканского грота Скоглиетто. На этом черепе в центре лобной кости имеются глубокие зажившие рубцы, идущие вертикально. Совершенно аналогичным испытаниям подвергались мальчики в возрасте от двух до пяти лет, принадлежавшие к аборигенной популяции Новой Британии (архипелаг Бисмарка).

Неолитический мужской череп из Мраморной пещеры в испанской провинции Кордова имеет ромбовидное углубление лобной кости слева, размером 24 × 8 мм. При жизни этот мужчина подвергся еще и сквозной трепанации, а после смерти его череп был скальпирован и очищен от мягких тканей острым инструментом, значит, и этот шрам на лбу мог появиться при прохождении какого-то ритуала.

На лбу мужчины, останки которого находились в слоях памятника бронзового века Кирсна в Литве, есть пять дефектов. Символические трепанации исследователи увидели и на черепках испанской культуры II тысячелетия до н.э. Эль Аргар, у представителей культуры шнуровой керамики в Чехии, на женском черепе из раскопок неолитического поселения Ботай в Урало-Иртышском междуречье.

Новосибирские ученые обнаружили точечную деформацию на мужском черепе из могильника Саргов Улус в Минусинской котловине и женском черепе из неолитического погребения на Алтае. Эти изменения оставили головные уборы, которые укреплялись на голове плотными повязками, стягивавшимися под подбородком. Точечная деформация вполне соответствует по своим проявлениям и последствиям символической, то есть не доведенной до сквозной перфорации, трепанации.

На лбу молодого мужчины из могильника алтайских афанасьевцев Курота II (IV–III тысячелетия до н.э.) поверхностные «трепанации» нанесены на одном горизонтальном уровне слева, приблизительно на границе роста волос.

В середине I тысячелетия до н.э. методы символического трепанирования, существовавшие у населения Северной Африки, подробно описывает Геродот. «Эти-то ливийские кочевники — все ли они (я не могу утверждать достоверно), но во всяком случае многие — поступают с детьми вот как: четырехлетним детям они прижигают грязной овечьей шерстью жилы на темени (а некоторые — даже на висках). [Это делается для того], чтобы флегма, стекающая из головы в тело, не причиняла им вреда во всей дальнейшей жизни. Поэтому-то они, по их словам, исключительно здоровы. И действительно, насколько мне известно, ливийцы отличаются наилучшим здоровьем среди всех людей» [Геродот, 2001, IV, 187, перевод Г.А. Стратановского].

Существование традиции нанесения рубцов на поверхность свода в египетской Нубии подтверждено антропологическими исследованиями. Эта особенность наблюдается у 12,2 % черепов

позднеримского и ранневизантийского времени из Саяла. Чаще символические трепанации встречаются у мужчин, а не у женщин, значительно реже — у детей и подростков. Примерно в половине случаев символические воздействия затрагивали область лба, преимущественно слева, реже — височные и теменные кости, совсем редко — затылочную кость.

Уникальные находки были сделаны не так давно на Балканах. В 1984–1990 гг. археолог А. Дурман исследовал вблизи Вуковара несколько погребений, совершенных в 3000–2800 гг. до н.э. В самом древнем культурном слое памятника Вучедол (Vucedol) были вскрыты останки людей, подвергшихся, по мнению ученых, своеобразной инициации. Почти на всех вучедольских черепах из Могила 3 имеется необычная ямка диаметром около 10 мм в верхней части лобной кости и в месте соединения теменных костей (анатомически область брегмы).

Экспериментальным путем удалось установить, что повреждения костной поверхности возникали под воздействием капель расплавленной меди. Чтобы не причинить здоровью человека серьезного вреда, капля раскаленного металла должна была соприкоснуться с телом не более 20 секунд. Этого времени достаточно для создания постоянного углубления во внешнем слое мозговой капсулы. Все отмеченные таким способом люди, пройдя через подобное, очевидно болезненное, испытание, долгое время оставались в живых.

Расплавленный металл мог символизировать частицу солнца. Следует особо отметить, что «солнечным символом» в этом обряде помечали лоб. (Вот уж поистине — «и во лбу звезда горит»!)

Как мы уже упоминали в начале этой главы, символические трепанации были открыты учеными, исследовавшими венгерские средневековые черепа.

Классик венгерской палеоантропологии Т. Анда отмечал, что помимо черепов со сквозными трепанациями встречаются и непросверленные, но носящие следы сверла экземпляры. «Они

представляют собой большую редкость и отражают высокий уровень венгерской медицины в период завоевания страны».

В древневенгерском языке слово *furtagyi* (дословно: «человек просверленного черепа») служило для обозначения умалишенного. Современное его значение «хитроумный, хитрый», по мнению Анда, содержит намек на оригинальный образ мышления и своеобразную логику сумасшедших. Некоторые случаи психических расстройств, сопровождавшиеся обмороками и судорогами, в древности могли отождествляться с незаметными переломами мозговой коробки. Переломы наиболее вероятны в месте уже существующих черепных швов, вот почему, как утверждал Т. Анда, при сверлении древние венгры строго придерживались области брегмы. Сейчас это объяснение выглядит более чем сомнительно.

Современные ученые, обследовав свыше 9500 черепов, найденных на территории Венгрии в 59 разновременных могильниках, на 97 черепах обнаружили 143 символические трепанации. В 71 % трепанации единичны, но на 28 % черепов можно видеть от двух до пяти символических знаков. Все эти находки датируются X–XI вв. Среди «символически трепанированных» были индивидуумы разного пола и возраста, но не было детей. Две трети в этой суммарной выборке составляли мужчины. Трепанация осуществлялась не сверлением, а вырезанием. Для начала на верхней части свода ножом наносили контуры будущего углубления, потом ямку выскабливали или вырезали. Обнаружены четыре случая прерванной, незавершенной процедуры. Часто на череп человека наносили несколько знаков, иногда спустя годы после первой символической трепанации. По археологическому инвентарю могилы символически трепанированных людей ничем не отличаются от всех прочих. Поэтому сложно предполагать какое-либо прижизненное обособление этой категории населения. Венгерские авторы допускают, что символические трепанации служили первичным лечением, а если оно не помогало, обращались к хирургическим трепанациям. Они ссылаются на лечеб-

ный трактат 1603 г., в котором выскабливание внешней пластинки черепа рекомендовано для лечения эпилепсии. Больше склоняясь к медицинским объяснениям, исследователи все же отметили, что место, избравшееся для хирургического воздействия (верхняя точка головы), и форма символической трепанации (овально-круглая) имеют прямые аналогии с буддийской чакрой; с идеей, лежащей в основе ношения короны или венца как символа власти; с тонзурированием.

Символическое и сквозное трепанирование черепов полностью прекратилось в Венгрии в правление князя Гезы и короля Стефана Святого в XI в. В этот период страна отказывается от языческой религии и принимает христианство. Хотя большинство венгерских исследователей традицию массового трепанирования в X в. обычно объясняют причинами медицинского характера, они вынуждены признать, что черепные операции, по-видимому, выполнялись кастой жрецов, исчезнувшей в результате религиозной реформы. Существовал прямой запрет короля Стефана на проведение краниотомий, в том числе и поверхностных — символических. Скорее всего, он связан не столько со стремлением короля уберечь своих подданных от послеоперационных осложнений, сколько с отчетливой языческой подоплекой этих действий.

Благодаря исследованиям П. Боева стало известно о бытовании символического трепанирования в средневековой Болгарии. Эту практику местные исследователи связывают с протоболгарами и тюркскими народами, принимавшими участие в Великом переселении народов. В могильнике Одратци в северо-восточной Болгарии на западном побережье Черного моря (X–XI вв.) из 113 хорошо сохранившихся черепов 36 имеют отчетливые признаки символического трепанирования. Знаки присутствуют только на черепах взрослых людей, скончавшихся в возрасте от 20 до 55 лет. Надрезы на черепе, по-видимому, производились без учета пола: шрамы от операции обнаружены у 17 мужчин и 19 женщин. На черепе могло быть от одного до 11 символиче-

ских шрамов. На 17 черепах имеется только одна трепанация, на восьми — две, на шести — три, по одному черепу несут 4, 5, 6, 8 и 11 символических трепанаций. Расположение дефектов очевидно не случайно: они находятся у швов черепа, симметричны и создают определенный геометрический узор. Девять трепанаций затронули лобную кость, 10 — правую теменную, 16 — левую теменную, одна — затылочную. Минимальный диаметр равен 3 мм, максимальный — 33,1 мм; глубина — от 0,4 до 2,4 мм.

Весьма вероятно, что палеоантропологи и палеопатологи недооценили феномен символического трепанирования: они либо вообще не обращали внимания на эти повреждения, либо относили их к общей группе травм черепа. Многие коллекции нуждаются теперь в пересмотре, а выводы о черепном травматизме у древних народов — в переосмыслении.

Если говорить о возможно широком распространении символического трепанирования в средневековой Европе, нельзя игнорировать сообщение Д. Бротвелла о необычных поверхностных «кратерах», обнаруженных на ряде средневековых черепов из Винчестера. Сам Бротвелл также интерпретирует следы хирургического вмешательства на винчестерских черепах как псевдоили символические трепанации.

Иногда о символических трепанациях сообщают средневековые летописцы. Их свидетельства особенно ценны для современных историков, потому что помогают понять, что в той или иной ситуации побуждало хирургов прошлого производить подобные операции.

Например, около 900 г. Адам Бременский сделал запись о том, что священника Оддара скальпировали центральноевропейские славяне-язычники, причем скальп был вырезан в виде креста. Это можно расценить и как надругательство над миссионером, и как ритуальное действие.

В некоторых частях Европы языческие традиции благополучно перекочевали к христианам. С этой точки зрения любопытно свидетельство, которое оставил весьма просвещенный человек,

шейх Шайзара, Уссама ибн Мункидх (1095–1188), о невежественных, по его мнению, действиях франкского врача в стане крестоносцев. Господин аль-Мунаит-Ира написал дяде Уссамы письмо, где просил прислать ему лекаря, способного вылечить его людей, среди которых была женщина, страдавшая лихорадкой. Сперва больная находилась на попечении местного христианского доктора, которого звали Табит (?). По его мнению, она страдала чахоткой. Табит запретил женщине есть острую пищу, что, по его словам, резко улучшило ее состояние. Но спустя какое-то время несчастная женщина попала на излечение к франкскому доктору, пришедшему освобождать Святую Землю с войском крестоносцев.

«Он осмотрел ее и сказал: „В голове у этой женщины дьявол, который овладел ею. Обрейте ей голову!“ Приказание это было исполнено, [а прочие назначения — забыты]. Состояние больной ухудшилось. Тогда доктор сказал: „Это потому, что дьявол вошел в ее голову“. Бритвой доктор разрезал ее голову в виде креста так глубоко, что показыва-

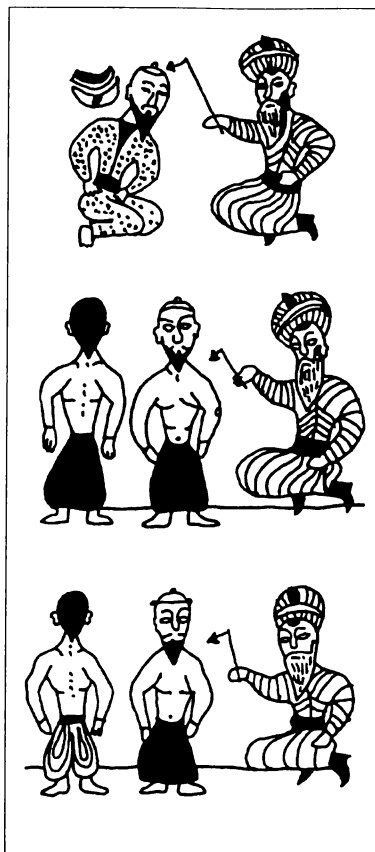

Рис. 36. Методы лечения различных заболеваний описаны в трактате Шарафеддина Сабоджи-оглу, жившего в Малой Азии (1465)

Этот целитель предлагал лечить нервные и душевные расстройства, кожные и глазные болезни, травмы головы методами, напоминавшими символическое трепанирование.

лась кость. Затем он посыпал ее голову солью. <...> Женщина немедленно скончалась».

В XII в. арабы были намного образованнее европейцев. Тем забавнее читать заметки наблюдательной путешественницы Агаты Кристи, сопровождавшей мужа-археолога на раскопки в Сирию: «В эти дни мы раздаем огромное количество аспирина — у всех болит голова. Очень жарко и душно, как перед грозой. Наши пациенты успешно совмещают достижения западной и восточной медицины. Проглотив полпачки аспирина, они бегут к шейху, который прикладывает к их лбам раскаленные металлические кружочки, дабы „изгнать злого духа“. Не знаю, чье лекарство помогает лучше».

Череп с символическими трепанациями, обнаруженные на территории бывшего Советского Союза, изучал болгарский антрополог Петр Боев, он обследовал коллекции Московского университета и Кунсткамеры. Открытые им трепанированные черепа принадлежали раннесредневековым кочевникам Поволжья и Северного Кавказа, потомки которых позднее переселились в Центральную и Западную Европу.

Итак, в I — начале II тысячелетия трепанирование в Восточной и Центральной Европе часто носило символический характер. Иногда поверхностная операция «перетекала» в сквозную, но при этом сохранялась геометрическая привязка к черепным швам и области брегмы, значительно реже — к центру лобной кости. Травмы черепа не были редкостью в эту эпоху массовых миграций и повышенной военной активности, но установить прямую связь между символическими трепанациями и военным травматизмом не удастся. Точно так же символически трепанированные люди не выделяются от прочих погребенных каким-либо особенным погребальным инвентарем. Представления о том, что эти манипуляции производили только турки или болгары, не подтверждаются. Ведь следы такой активности встречены и в Латвии, и в Чехии, и на Британских островах. На территории

нашей страны символическому трепанированию подвергались племена, испытывавшие политическое влияние Хазарского каганата. Возможно, распространение феномена связано с миграциями в западном направлении центральноазиатских кочевников, тем более что в эпоху раннего железа среди многообразных форм трепанаций черепа в Центральной Азии наблюдаются сквозные округлые или овальные отверстия в верхней части свода. Однако не менее древняя традиция вскрытия черепа существовала и в Поволжье. В эпоху Великого переселения народов поверхностное трепанирование становится «международным», надэтническим феноменом и затрагивает различные по происхождению группы населения. Вероятно, традиция нанесения рубцов на верхнюю часть черепного свода и лица не встречала сопротивления, поскольку опиралась на универсальные представления об особой сакральной роли головы и бытовавшие во всех пришлых и местных культурах инициационные представления. О том, что символические трепанации обозначали некое посвящение, свиде-

Рис. 37. Трепанированный череп мальчика-подростка из Таганского могильника

Обрамленное ровиком погребение № 5, по предварительной оценке исследователей, относится к VI–VIII вв., времени существования Хазарского каганата. В могиле находился человеческий скелет хорошей сохранности и останки взнузданного и оседланного коня. В области головы умершего, справа обнаружены раковины каури и серебряное кольцо. Покойный был облачен в пояс с серебряными накладками. На лобной кости по центру и слева примерно в 3 см от верхнего края глазницы расположено сквозное отверстие правильной овальной формы 31 мм в длину и 19 мм в ширину. Губчатый слой открыт на всем протяжении. Несмотря на частичную эрозию костных краев можно судить о том, что перфорация сделана прорезанием. На стыке лобной, височной и теменной костей слева локализовано еще одно сквозное отверстие неправильной формы. В обоих случаях не прослеживаются симптомы образования костной мозоли.

тельствует отсутствие этого признака у детей. Он встречен только у нескольких подростков не моложе 12 лет. Не случайно на Западе в это время решительную борьбу с символическим трепанированием ведет христианство, впрочем, оно параллельно вводит такой обрядовый элемент, как тонзура. Эта прическа, обнажавшая макушку, обозначала отказ монахов от искушений материального мира и терновый венец Христа. Прядь волос срезают при крещении, при посвящении в духовный сан и при пострижении в монахи, то есть при вступлении в новое объединение. (То, что священники некоторых христианских конфессий не стригут волос, можно расценить как магическое отращивание волос, придающее посвященному особую силу.)

Вообще нужно подчеркнуть, что в средневековой Европе обряды посвящения непременно касались головы, причем в самом прямом смысле. Вот как описывают ритуал производства в рыцари французские историки Э. Лависс и А. Рамбо: «Рыцарь, иногда отец посвящаемого, но чаще — кормивший его сеньор, привешивает к его поясу меч, который он с этой минуты будет носить постоянно. Эта главная часть церемонии называется *adoubier*. Обычно рыцарь *сильно ударяет молодого человека кулаком по затылку* [курсив мой. — М.М.]; это называется *colee*. Затем новый рыцарь садится на коня, берет копье и на всем скаку поражает заранее подготовленное чучело; это называется *quintane*. Такова процедура посвящения в рыцари в XII в. Иногда она ограничивается даже одним актом — ударом по затылку: это делают тогда, когда хотят избежать расходов».

Архетип веры в волшебную силу волос нашел выражение в библейской истории о Самсоне и Далиле.

Многие народы сохраняют стойкую веру в магические свойства волос и ногтей. Непонятно, с чем это связано, может быть, с их способностью «независимо» расти после того, как основной рост организма завершен, и даже какое-то время после смерти. Как бы там ни было, австралийцы, полинезийцы и народы Гвинеи живут в смертельном страхе перед зловредным колдовским

искусством. Парсы в Индии совершают священные обряды погребения волос и ногтей, чтобы демоны и колдуны не могли причинить вред их хозяину. Боязнь выбрасывать обрезки волос и ногтей не искоренена и в Европе. «Ясновидящий» чувствует находящегося далеко от него человека, если имеет клочок его волос. Средневековые инквизиторы тоже думали, что злые чары ведьм заключены в волосах. Считалось, что состриженные или вычесанные волосы могут оказать влияние на погоду: вызвать бурю, дождь, град, молнию. Похожие представления имели и жители индийской провинции Бастар, индейцы-тлинкиты северо-западного побережья американского континента. Шаманам тлинкитов запрещалось расчесывать волосы. У многих народов стрижка волос была процедурой тонкой и сложной. Во-первых, существовала опасность потревожить «дух головы», который мог отомстить досадившему человеку. Во-вторых, весьма сложной была и процедура захоронения отрезанных прядей. Человеку казалось, что между ним и каждой частью его тела существует симпатическая связь, не исчезающая даже после прекращения физического контакта. Широкое распространение получила вера в то, что отрезанные волосы и ногти, попавшие в руки недоброжелателей, могут привести к болезни и смерти человека¹. Лица священные и могущественные имели больше всего оснований опасаться за сохранность своих волос, ведь очень часто длинные

¹ Эти представления долгое время сохранялись и у европейских народов. Карпатские гуцулы верили, что, если мыши завладеют состриженными волосами и совьют из них гнездо, владелец их будет страдать от головных болей или повредится в уме. Немцы и англичане графства Сассекс боялись, что срезанные волосы попадутся птицам, которые построят из них гнездо. Тогда у прежнего обладателя волос начнутся головные боли и выступит сыпь на голове. В Швабии срезанные волосы прятали в местах, где на них не мог упасть солнечный или лунный свет, в Данциге — в мешке под порогом. Армяне не выбрасывали срезанные волосы, ногти или выдернутые зубы, а прятали их в местах, почитавшихся священными (трещины в церковной стене, опорный столб дома, дупло). Старухи из ирландской деревни Друмконрат прятали срезанные волосы в соломенные крыши своих домов.

волосы считались знаком харизматической святости и здорового духа. Так, подобно Самсону, отращивают длинные волосы и бороды мужчины сикхов. Иногда длинные волосы были знаком королевской власти или свободы и независимости, как у галлов и других кельтских народов¹. У женщин длинные распущенные волосы означали статус незамужней или девственность². В противоположность волосяному покрову на теле волосы на голове связывали с жизненной силой человека. В Древней Греции, отрезая прядь волос у мертвого, опускали его душу в загробный мир. По исламскому обычаю, пучок волос оставляли для того, чтобы за него правоверного подняли в рай. Хотя отшельники традиционно носили длинные волосы, правила многих религий требовали брить головы в знак смирения перед Богом. Покорность изначально символизировала и косичка китайцев. В древнем Китае обрезание волос и кастрация были близки по своему символическому значению. Бритье головы осталось символом подчинения военной дисциплине. В разных культурных традициях отре-

¹ Франкским королям вообще не разрешалось стричь волосы. Жертвами этого правила стали сыновья короля Хлодомера, умерщвленные своими дядями Хлотарем и Хильдебертом. Королева Клотильда, бабушка детей, стояла перед выбором: остричь детей и тем самым лишить их права на корону или обречь внуков на смерть. Королева предпочла увидеть детей мертвыми, но не подстриженными.

А вождь племени навоси на острове Фиджи, оказываясь перед необходимостью подстричь волосы, из осторожности всегда съедал человека, чтобы свести к минимуму риск, сопряженный с процедурой стрижки. Тот, кто стриг волосы, на время становился табу и проходил обряды очищения.

Ханты не разбрасывали выпавшие и остриженные волосы, потому что иначе душа искала их по всему свету. При сжигании волос сургутские ханты подбрасывали в костер полено, прокладывая «мост в мир умерших», и обращались к огню: «Когда мне волосы нужны будут — отдашь».

² В.Я. Пропп обратил особое внимание на мотив длинных золотых волос в сказках о заключенной [то есть проходящей обряд инициации] царевне. (См. сказку братьев Гримм «Рапунцель» или грузинскую сказку «Иадон и Соловей».) В обряде инициации особым манипуляциям подвергались голова и волосы. Волосы обрезали, опаляли или, наоборот, давали им расти, но прятали под особый головной убор.

зание, отращивание, вырывание волос символизировало горе¹. У некоторых народов особым образом стригли преступников, свои прически были и у определенных возрастных групп людей.²

Известный историк религий К.Х. Клемен (1865–1940) собрал много курьезных фактов, подкрепляющих идею о том, что голова какместилище особых сил нуждается в бережном и осторожном обращении. К примеру, путешественник Бастиан рассказывал, что, когда он во время своего пребывания в Бирме ежедневно мыл голову, это вызывало общее осуждение, а его наставник-абориген за несколько месяцев вымыл голову один раз, после чего молчал три дня. Геродот упоминал об обычаях персидских царей, мывших голову лишь один раз в году, в день своего рождения. Плутарх сообщал, что римские патрицианки делали то же самое главным образом в день Дианы, 13 августа. Очевидно, люди боялись (а некоторые и сейчас боятся) частыми омовениями лишить голову присущих ей особых сил.

Заслуживают внимания данные археологии о характерных для раннего средневековья прическах и головных уборах. Воины-всадники эпохи Великого переселения народов носили косы на затылке, обривая оставшуюся часть головы. Впервые существование такой прически археологи зафиксировали в Южной Сибири, у племен рубежа нашей эры. Обычай обривать головы, бытовавший у племен ухуань, сяньби, жуань-жуаней, отмечен в

¹ Например, распускание волос женщинами у обских угров сопровождается три обряда — похороны мужа, родины и свадьбу. Это акт временной смерти женщины, символ перехода в новое состояние.

² Самым позорным наказанием для мужчин-айнов считалось бритье головы и острижение бороды. Совершеннолетие у мальчиков наступало примерно после 15 лет. Показателем перехода в другую возрастную группу для юношей была прическа взрослого мужчины, то есть бритые лоб и темя. Айны верили в зловредных водяных духов *каппа*, чудодейственная сила которых концентрировалась в углублении на макушке, заполненном водой. Поскольку макушка *каппа* была плешивой, курильские айны выбривали своим детям в возрасте от четырех до десяти лет волосы на темени. Таких детей водяные должны были оберегать. Детей, не имевших таких причесок, по местным преданиям, духи *каппа кодзо* топили в воде.

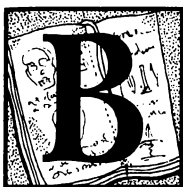
китайских источниках. Героический эпос восточных хантов сообщал о том, что в древности воины выстригали переднюю часть головы и оставляли косичку на макушке (подобную прическу мы видим сегодня в фильмах про самураев). Многочисленные средневековые изображения людей с бритой головой и прической в виде чуба, идущего от темени (в Педжикенте первой четверти VIII в., у болгар, татар XV–XVI вв. — потомков половцев — и, наконец, у украинских казаков).

В этом контексте символические трепанации и скальпирование как операции, затрагивавшие волосы и саму голову, имели в глазах древних очень мощный магический потенциал. Причем символизм, проявляющийся в одежде, головных уборах, ношении амулетов, находил у древнейшего и средневекового населения логичное продолжение в манипуляциях с человеческим телом. Поверхностные «трепанации» можно считать разновидностью традиции покрывать свое тело шрамами, рубцами и татуировками. Этот обычай, безусловно, имел не столько эстетическое, сколько информационное и культовое значение. Люди, покрытые шрамами, выступали «живыми символами». Природный «язык тела» пополнялся новыми знаками, созданными руками самого человека.

РИТУАЛЬНЫЕ ТРЕПАНАЦИИ

Преднамеренное расширение большого затылочного отверстия. – Амулеты из костей черепа. – Трепанации в погребальном обряде и культ головы. – Лицо и маска. – Средства превращения. – От человека из глины к Франкенштейну и Музею мадам Тюссо.

В главе 2 мы обсудили распространенную среди специалистов классификацию трепанаций, по которой к ритуальным трепанациям причисляются любые посмертные вскрытия черепа. Но как можно было понять из последующего изложения, это название не совсем удачно. Более детальное знакомство с хирургическими (реальными) и символическими трепанациями, которые делались при жизни «пациента», показывает, что многие из них были не столько лечебными, сколько ритуальными, то есть граница между двумя этими группами весьма условна.

Говорить о «лечебном» характере посмертных вскрытий головы, производившихся в древнем мире, вовсе не приходится, хотя, впрочем, начиная с Нового времени подобные действия служили развитию медицинской анатомии.

Через большое затылочное отверстие проходят артерии, основное венозное сплетение и продолговатый мозг. Для живого человека оперативное вмешательство в этот отдел является смертельно опасным. Тем не менее некоторые найденные при археологических раскопках черепа имеют следы несомненно умыш-

ленного разрушения основания черепа, значит, эти процедуры производились после смерти человека.

Собственно говоря, среди черепов с разрушенным основанием встречаются и не вполне человеческие. Например, практически целый череп из Штайнхайма, принадлежащий гоминиду, который жил 300 000 лет назад в Германии, имеет пролом в районе затылочного отверстия. По мнению российского археолога Ю.А. Смирнова, в период нижнего палеолита уже существовали две традиции извлечения головного мозга: первая — бессистемная — приводила к значительному разрушению черепа, вторая — «систематическая» — производилась строго в районе большого затылочного отверстия и связывается с появлением ритуального каннибализма.

Ученые рассматривают такой каннибализм как часть определенного погребального обряда, связывавшего покойного и его близких. Скажем, в Новой Гвинее члены современного нам племени форе рассматривают этот обычай как акт любви, совершаемый по отношению к умершим членам семьи. Кроме того, по сообщениям этнографов, в некоторых племенах Новой Гвинеи новорожденный мальчик получал имя только после того, как его отец или другой близкий родственник убивали какого-нибудь взрослого человека, чье имя было им известно, и отрезали ему голову. Мозг убитого извлекался из расширенного затылочного отверстия, и череп хранился как священная реликвия до тех пор, пока был жив молодой человек, обретший имя. Когда голландская администрация, управлявшая в этих местах, попыталась покончить с этим кровавым обычаем, она столкнулась с сопротивлением целого племени. Ритуальный каннибализм был широко распространен среди охотников за головами с Борнео и островов Меланезии.

Специальные исследования, посвященные расширению большого затылочного отверстия в позднейшие эпохи, немногочисленны, но все же есть. Как установили антропологи, разрушение основания черепа было, по-видимому, стандартной процедурой

для богатого кельтского племени Виндиликера, населявшего Южное Подунавье. Это действие было неотъемлемой частью сложных манипуляций с телами умерших. Кельты с особым почетом относились к голове человека. Считалось, что она является обиталищем души и якобы может существовать отдельно от туловища. По крайней мере знаменитый валлийский герой Бран Благословенный, раненный в битве, сам попросил друзей отрубить ему голову и отвезти ее на родину. На обратном пути голова ела, пила и разговаривала.

Поэтому не удивительно, что кельты стремились непременно обезглавить врагов. Добытые трофеи бальзамировали, а потом хранили дома и в специальных святилищах.

В Центральной Европе в эпоху раннего средневековья (VIII–X столетия) оперативное расширение большого затылочного отверстия практиковало славянское население великоморавских Микульчиц. Нужно сказать, что объяснения этой традиции у западных славян в летописных источниках нет.

Многочисленные случаи разрушения основания черепа обнаружены на территории Венгрии. Происходящие из разных мест, все они относятся к X в., к периоду завоевания страны венграми.

Говоря о ритуальных вскрытиях черепа, обратимся к такому необычному явлению, как изготовление амулетов из человеческих костей. Возможно, крупные фрагменты костей черепа извлекались не только после смерти человека. Но по традиции, установленной Полем Брока еще в XIX в., ученые относят изготовление амулетов к разновидности посмертных трепанаций.

Амулеты из костей черепа распространились в Европе не позднее VI тысячелетия до н.э. (территории Франции и левобережной Украины). Шлифованные фрагменты черепов часто находят в погребениях среди других обломков. Это означает, что подобные «амулеты» могли использоваться в качестве «протезов» во время операций, делавшихся живым людям. Впрочем, это не исключает возможного использования фрагментов

черепа в неолите как оберегов или в магически-декоративных целях.

Предназначение амулетов — защищать от болезней, причем, возможно, от тех, которыми страдал обладатель черепа. Еще высказывалось предположение, что создание амулетов связано с культом луны и солнца.

Иногда костные пластинки добывали из черепов людей, которые были благополучно трепанированы при жизни. Любопытны находки амулетов с частично зажившими краями.

Черепные подвески находили в слоях неолитических поселений Австрии и Венгрии. В Болгарии у деревни Ракло близ Варны тоже была обнаружена искусно вырезанная из кости черепа пластинка-амулет, перфорированная в центре.

Известен также амулет с отверстием для подвешивания, принадлежащий унетичкой культуре, которая была распространена в Европе раннего железного века. Черепные пластинки, по-видимому, предназначенные для ношения на шее, были найдены в галльских археологических памятниках. На территории Чехии обнаружены просверленные и цельные округлые латенские¹ обереги, вырезанные из теменных костей височной области.

Тщательно просверленные амулеты, сделанные из костей черепа, носили люди кельтского круга, населявшие Южную Германию. Эти круглые пластинки, как правило, продырявлены трижды или число отверстий кратно трем. Их часто находят в кухонных ямах на поселениях или в условиях, позволяющих сделать предположение о существовании обычая человеческих жертвоприношений. Мы уже обращали внимание на распространенность трехкратного вскрытия черепной коробки, применявшегося кельтами Австрии и Венгрии при совершении прижизненных опера-

¹ Ла Тен — населенный пункт в Швейцарии, на берегу озера Нейшатель. В 1858 г. озеро сильно обмелело, и стали видны древние предметы, созданные кельтами в период расцвета их цивилизации. Сейчас латенский период или культуру соотносят с эпохой с V в. до н.э. до начала римской оккупации Британии.

ций. Возможно, число перфораций на пластинках-оберегах, изготовленных из краниального материала, тоже связано с характерной традицией «утроения вещей». (Заметим также, что погребение кельтской «женщины-хирурга» из Дуррнберга сопровождалось останками *трех* трепанированных при жизни человек. И даже больше: центральным архитектурным элементом кельтского святилища в венгерской Либенице служит композиция из трех ям, образующих форму трилистника, что определенно напоминает очертания трепанационных отверстий на черепах австрийских и венгерских кельтов.)

Первая находка такого рода в России была сделана Ф.Д. Нефедовым, членом Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, летом 1883 г. при раскопках городища на реке Ветлуге, в Костромской губернии. Антрополог Д.Н. Анучин сразу определил эту находку как амулет, вырезанный из теменной и лобной костей человеческого черепа слева. Была ли эта подвеска сделана из кости живого человека или из черепа мертвеца, сказать трудно; Д.Н. Анучин полагал, судя по довольно правильной форме и порядочной величине амулета, что кость для него была взята от черепа сухого, освобожденного от

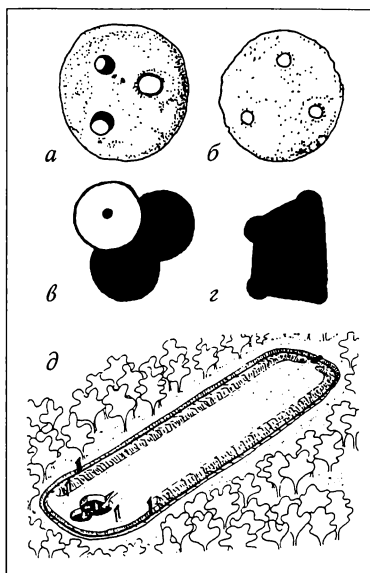

Рис. 38. Некоторые примеры тройственной символики:

а) амулет из человеческого черепа эпохи неолита (Маннерсдорф, Австрия); б) амулет из человеческого черепа, латенское время, ранние кельты (Бюхенбах, Бавария); в) форма трепанационного дефекта на кельтском черепе из Катцельсдорфа (Австрия); г) контуры трепанационного дефекта на кельтском черепе из Колежд-Ленчепуста (Венгрия); д) реконструкция кельтского святилища в Либенице (Венгрия).

своих кожных покровов. При повторных раскопках городища у села Одоевского в 1926 г. Б.С. Жуков нашел еще два амулета — пластинку из теменных костей с отверстием для подвешивания (IV–III вв. до н.э.) и просверленный фрагмент левой лучевой кости (VII–V вв. до н.э.).

Традиция ношения подвесок, сделанных из человеческих костей, оказалась весьма устойчивой и дожила до наших дней. Еще в 30-е гг. XX в. жители итальянской Умбрии предупреждали подобным образом наступление эпилептических припадков.

Обычай извлекать куски мозговой коробки и носить их на шее для защиты от паралича упомянут в записках Римско-Кайзеровской Академии (1767). Ношение амулетов тесно связано с практикой употребления различных магических снадобий. В издании Римско-Кайзеровской Академии Нюрнберга (1759) рекомендовано средство от падучей болезни: «Возьмите измельченный мозговой череп повешенного, смешайте с водой против падучей (*aqua epileptica*), приготовьте красные кораллы, дубовую омелу, собранную в нужное время...»

Большая заслуга российских ученых — в открытии практики посмертных трепанаций у древних жителей Южной Сибири. Предгорные и горные степи Алтая, Саян, Минусинская котловина издревле давали приют многим племенам. Климат в этих местах зимой суровый, резко континентальный, поэтому о серьезных занятиях земледелием здесь нечего было и думать. Местные жители всегда были скотоводами и охотниками — для этих занятий условия Южной Сибири подходили как нельзя лучше.

Интерес к древней истории Сибири возник еще при Петре I, когда собранные археологические раритеты отправлялись в Кунсткамеру. Но только в XIX в. после работы Константина Горощенко, исследовавшего черепа из первых раскопок в Минусинской котловине, прочно утвердилось представление об особом типе посмертных трепанаций как необходимом элементе обрядов погребения, распространенных на рубеже нашей эры среди но-

сителей так называемой тагарской культуры. Горощенко убедительно доказал, что открывая им трепанация производилась над мертвыми. В докладе Императорской Археологической комиссии он писал: «Признать этот вид трепанации «смертельным» и в то же время допускать, что он производился над живыми, значило бы признавать факт убивания людей именно этим способом. <...> Факт убивания людей при похоронах не может быть невероятным: в первом случае мы здесь видели бы пример довольно распространенного в древние времена обычая со смертью вождя убивать его жен, приближенных и слуг, во втором случае мы увидели бы весьма возможное у древних обитателей Минусинского округа явление — убивание военнопленных. <...> Однако рассуждения в этом направлении лишены более или менее твердой почвы. <...> Дело в том, что среди трепанированных черепов несколько штук оказались обделанными глиною... и три черепа поверх сохранившегося на них кое-где слоя глины имели следы слоя гипса... *трепанированных черепов со следами исключительно гипсовой маски не было*, таким образом оказывается, что трепанированные черепа служили *иногда* объектом обряда масок и при этом не чистого обряда, а его вариации, описание которой привело бы нас к тому выводу, что черепа, подвергавшиеся отделке глиняной маской, должны были предварительно потерять от процесса гниения мускулы и другие покровы».

За минувшие сто с лишним лет археологические раскопки Минусинской котловины дали гигантский фактический материал, который говорит о многообразии форм обряда посмертного вскрытия черепа, существовавших в конце раннего железного века.

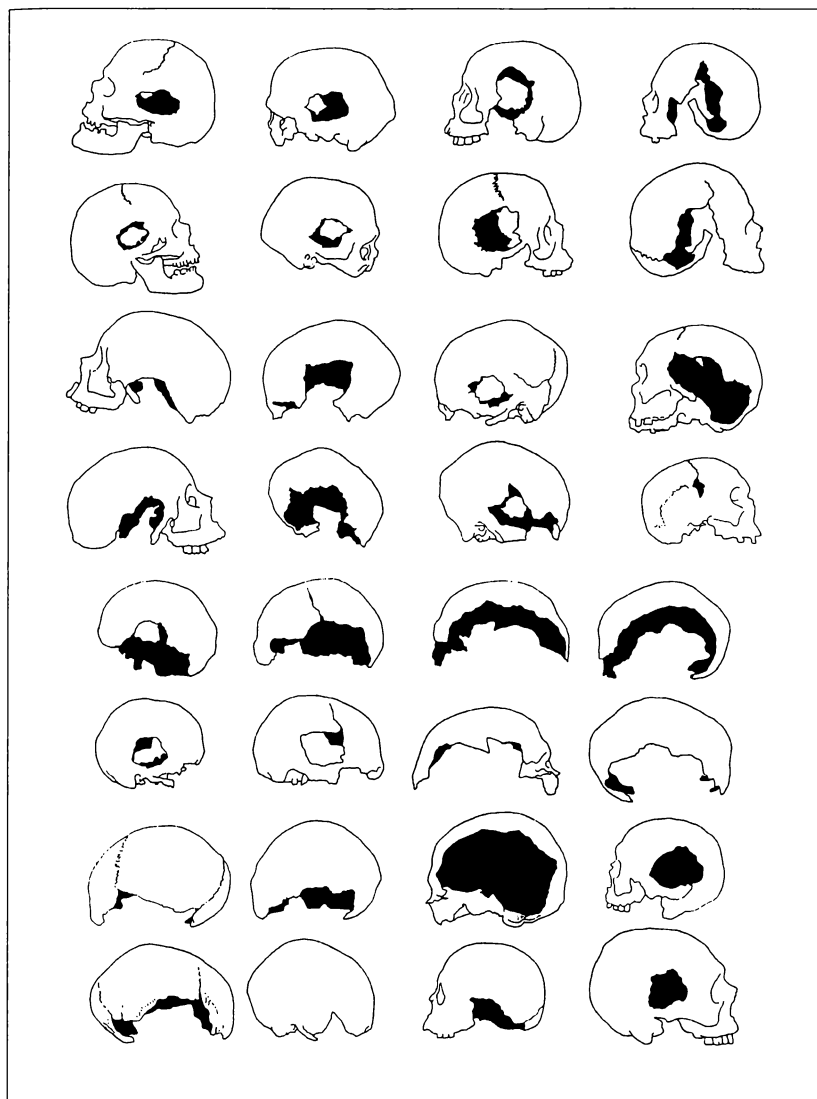
Обширные дефекты черепа служили для посмертного извлечения мозга. Эту процедуру осуществляли специально подготовленные люди. Мозговую полость заполняли каким-то органическим составом, тело бальзамировали без серьезных манипуляций, извлекая внутренние органы. Мягкие ткани головы умершего каким-то образом удаляли. Обнажившийся череп обмазывали мягкой глиной, иногда воспроизводя условные черты лица. И уже

поверх слоя глины накладывали гипсовые погребальные маски, покрывая их орнаментом, имевшим явное символическое значение.

В погребениях поздних тагарцев вскрытых черепов немного, а трепанации представляют собой крупные дефекты в самых тонких местах височных костей. У представителей более поздней таштыкской культуры, которая была распространена в Минусинской котловине в первые века нашей эры, число трепанированных черепов достигает 80–90 % в каждом могильнике, и крупные дефекты располагаются в затылочной области. Антрополог И.И. Гохман обнаружил, что для каждого могильника характерен свой, особый вариант трепанации, свидетельствующий не только об определенных традициях, но и об индивидуальном почерке оператора — человека, производившего посмертную операцию.

Сооруженный поздними тагарцами курган Новые Мочаги исследовал в 1983 г. археолог Н.Ю. Кузьмин, при раскопках на левом берегу Енисея, в 12 км западнее города Саяногорска. Всего в склепе, устроенном на дне древней дневной поверхности, находились останки не менее 104 человек. Все сохранившиеся скелеты имели следы преднамеренного разрушения мозговой капсулы. Трепанационные отверстия располагались в височной области слева. Многие черепа из Новых Мочагов сохранили следы глиняной обмазки. Область глазниц, носовые пазухи и ротовая полость были заполнены глиной, которая плотно примыкала к поверхности лицевого скелета. Глину обнаружили и под скуловыми дугами. Подобное было бы невозможно, если бы лицевой скелет не утратил перед наложением еще мягкой глины кожных покровов. Поверх слоя глины накладывались тонкие гипсовые маски. Они были раскрашены, причем цвет раскраски отличался у женщин и мужчин.

Примечательнее всего, что, по нашим наблюдениям, одна молодая женщина, скончавшаяся в возрасте около 25 лет, перенесла трепанацию еще при жизни! Крупное овальное отверстие в верхней части ее лба окаймлено зоной реакции костной ткани; наблюдаются начальные признаки заживления — следовательно,

*Рис. 39. Варианты посмертного трепанирования
на позднетагарских черепах*

хирургическое вмешательство состоялось не позднее, чем за три месяца до смерти женщины. Покойная подверглась традиционному погребальному ритуалу, связанному с моделировкой глиной, причем весьма вероятно, что именно прижизненный дефект использовался для посмертного извлечения мозга.

В Монголии в период раннего железного века тоже практиковались как прижизненные, так, возможно, и посмертные трепанации. Это стало известно ученым после раскопок могильника Улангом.

А.Д. Грач, характеризуя отдельные черты погребального обряда носителей саглынской культуры Тувы, отмечал, что найденные в могильниках Саглы-Бажи II, Мажалык-Ховузу I, II черепа целого ряда людей оказались трепанированными. Отверстия были проделаны в лобных, затылочных, теменных костях черепов и, по мнению автора, предназначались для извлечения мозга при бальзамировании. Небольшие отверстия овально-округлой формы расположены на теменных и лобной костях. Они, несомненно, — искусственного происхождения и, судя по всему, не имеют следов заживления. Трепанированные черепа принадлежали мужчинам 50 и 30 лет, погребенным в срубах в сопровождении довольно богатого инвентаря.

Заслуживают внимания работы ирландского палеопатолога Эйлин Мерфи, исследовавшей многочисленные антропологические материалы многослойного могильника Аймырлыг в Улут-Хемском районе Тувы. В серии скифского периода (III–II вв. до н.э.) она нашла женский череп с перфорацией в левой части лобной кости. Возможно, операция производилась в лечебных целях, поскольку была сделана задолго до смерти. К серии скифского периода отнесены также останки подростка, на черепе которого имелось овальное отверстие, расположенное на венечном шве непосредственно справа от брегмы. Эта трепанация могла быть и посмертной, совершенной в ритуальных или даже трофических целях. Трепанации из могильника Аймырлыг отличаются от многочисленных черепных травм этого же периода, нане-

сенных, согласно реконструкции ирландской исследовательницы, боевыми топорами с округлым сечением ударной поверхности.

С.И. Руденко подробно описал обряд бальзамирования знатных людей, погребенных в Пазырыкских курганах Алтая. В частности, сообщалось, что череп мужчины из кургана № 5 был трепанирован в левой теменной кости.

В нашей первой публикации, посвященной центральноазиатским трепанациям, мы предположили, что именно сопоставление алтайских и минусинских находок дает ключ к пониманию смысла

обряда посмертного трепанирования черепов. Алтайские материалы скифского времени, в том числе находки 1990-х гг. на плато Укок, свидетельствовали о стремлении носителей пазырыкской культуры сохранить внешний облик умершего. При таком бальзамировании мозг, внутренние органы и частично мышцы удалялись, сохранялась внешняя телесная оболочка (кожа). В погребальном ритуале поздних тагарцев несмотря на трепанацию, предпринимают явно для извлечения головного мозга, не наблюдается такого стремления сохранить мягкие ткани. Вспомним черепа с глазницами, специально наполненными красной пластической глиной. Возможно, логическим развитием этой разновидности обряда явилось распространение масок как компенсации умершему за «утрату лица».

В более подробной публикации, посвященной бальзамированию у пазырыкцев Укока, археологи показали, что различий между горноалтайскими и минусинскими обрядами было гораздо меньше, чем представлялось ранее. Так, степень сохранности

Рис. 40. Трепанированный при жизни череп женщины карасукской археологической культуры из могильника Хара-Хая. Эпоха бронзы, II тысячелетие до н.э., Южная Сибирь

разных участков тела женской мумии из кургана Ак-Алаха была неодинаковой. Кожа лица отсутствовала почти полностью, кроме области правого виска и верхней челюсти. Трепанационное отверстие диаметром 4–5 см было проделано в затылочной области. Кроме того, имело место искусственное разрушение глазниц и носовой полости. По-видимому, у женщины были удалены оба глазных яблока, слизистая оболочка носа и околоносовых пазух. Лицо умершей было обмазано глиной с добавлением воска. Об этом говорят мелкие комочки глинозема, воск и даже голубое стекло в глазницах. Таким образом, нет никаких оснований противопоставлять погребальный ритуал поздних тагарцев и соответствующие обряды «скифов» Укока, как это делали раньше. Традиции двух народов очень близки, и в их основе лежат близкие религиозные представления.

Расширить ареал обряда посмертной трепанации в Центральной Азии позволяет также находка в местности Карабие Коунрадского района Карагандинской области в Казахстане (раскопки М. Кадырбаева, 1957 г.). На черепе мужчины, скончавшегося в 35–40 лет, имеются шесть трепанационных отверстий без признаков заживления, четыре из них соприкасаются краями. Диаметр повреждений сходен — от 7 до 7,5 мм. По-видимому, операция производилась высверливанием при помощи заостренного на конце инструмента.

Активная работа новосибирских исследователей компенсировала недостаток сведений о распространении трепанаций в Западной Сибири. Факты искусственного повреждения черепов установлены при изучении черепов раннего железного века из могильников Быстровка 2 и 3.

Итак, по-видимому, можно говорить о том, что в раннем железном веке на территории Центральной Азии и Западной Сибири ритуальное вскрытие черепной коробки было чрезвычайно популярным. Изучение культур, ранее существовавших на этих территориях, долгое время не позволяло установить истоки этой традиции.

Рис. 41. Иллюстрация В.Я. Билибина к русской народной сказке «Василиса Прекрасная» очень точно воссоздает целый пласт мировой истории и мифологии

«Вытащила она [Баба Яга] Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала:
— Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его: они ведь за этим тебя сюда и присылали.

— Бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и наконец к вечеру другого дня она добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп. „Верно, дома, — думает себе, — уже больше в огне не нуждаются“. Но вдруг послышался глухой голос из черепа:

— Не бросай меня, неси к мачехе!

<...> Внесли череп в горницу, а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! <...> К утру совсем сожгло их в уголь. <...>

Попуту Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок <...>»

В 1973–1974 гг. петербургский археолог М.Н. Пшеницына исследовала могильник окуневской культуры эпохи бронзы Разлив Х в Минусинской котловине. Ею были раскопаны восемь больших ящиков и три детских. В больших находились от двух до 12 скелетов взрослых и детей. Некоторые черепа были по-смертно трепанированы, причем строго избирательно — в области затылка.

Стоит отметить, что прямая аналогия такому расположению посмертных отверстий имеется лишь в таштыкских захоронениях рубежа нашей эры. Окуневскую и таштыкскую традиции трепанирования разделяют по меньшей мере полторы тысячи лет, но факт распространения столь близких приемов обращения с телами умерших на одной территории, безусловно, примечателен. Трудно сказать, где «прятались» так долго хранители древнего ритуала, передали ли они его таштыкцам или обряд возродился независимо. Но археологи отмечают «возвращение» к таштыкцам и окуневского геометрического орнамента, и некоторых других черт материальной культуры.

В 1972 г. в Аскизском районе Республики Хакасия, в 100 км юго-западнее города Абакан отрядом Хакасской археологической экспедиции МГУ под руководством Е.Е. Филипповой был раскопан могильник «классических карасукцев» у горы Хара Хая. В ящике № 17 в северо-западном углу могильника ученые обнаружили скопление костей человека и череп, поставленный на основание. Череп принадлежал женщине 25–30 лет. На левой теменной кости имелись последствия неоднократных преднамеренных разрушений, образовавших обширное сквозное повреждение (77 мм в передне-заднем направлении, 73 мм — в задней, самой широкой части) (рис. 40). По нашим наблюдениям, они являются результатом нескольких последовательных трепанаций. Молодая женщина перенесла пять операций, причем образовавшиеся отверстия накладывались друг на друга. Края отверстий имеют признаки костной перестройки, то есть до смерти прошло не менее трех месяцев. Слой губчатой ткани не виден в задних частях повреждения и

Рис. 42. На рисунке
Б. Родригеса —
воин-мундурукус
в праздничном
наряде, несущий
свой трофей

Путешествовавший по Бразилии О. Плогер писал в 1871 г.: «Во время моего путешествия в области Амазонской реки мне посчастливилось получить голову индейца племени *Parentintins*, которая представляет собой военный трофей племени мундурукус. Это племя индейцев очень воинственно и многочисленно. <...> С убитых врагов своих они срезают головы и сохраняют их как знаки своей победы. Тот, кто представит наибольшее число таких голов, считается вождем. Препарируют они эти головы следующим образом. Прежде всего, извлекают мозг через пробитое в затылке отверстие и глазные впадины и покрывают всю голову слоем глины. Затем вешают ее над огнем, в который бросают листья различных растений и медленно коптят ее. Как только голова готова, ее украшают пестрыми перьями, наполняют глазные впадины древесной смолой и вдавливают в последнюю когти ленивца».

заметен в переднем отделе. Это означает, что операции были разделены во времени. Кроме того, разные участки свода обладают неодинаковыми способностями к восстановлению. Первоначально вмешательство затрагивало затылочно-теменную область, затем оно распространилось на верхнюю часть головы. На сроки образования костной мозоли мог воздействовать и воспалительный процесс, следы которого окаймляют края повреждения.

В первой половине III тысячелетия до н.э. трепанирование было распространено среди племен, живших на северо-западе Китая. Относимый к неолиту череп, найденный близ Пекина, также подтверждает большую древность традиций вскрытия черепа, бытовавших на китайской территории. Немецкий ученый Р. Меншиг поместил в одной из своих работ фотографию черепа примерно 5000-летней давности, обнаруженного в окрестностях китайской столицы. У индивидуума монголоидного облика был удален значительный фрагмент свода черепа в левой височно-теменной области. К сожалению, не известно, была ли операция произведена прижизненно или посмертно.

Наконец, перфорированные черепа в достаточном числе присутствуют в могильнике поздней бронзы Чаухугоу 4 из Восточного Туркестана.¹ Многие дефекты на синцзянских черепах можно

¹ Очень интересна публикация С.А. Комиссарова и Е.Г. Шпаковой (1998), освещающая работы китайского антрополога Люй Энга и рассматривающая искусственные изменения и повреждения черепов из могильника Чаухугоу 4 (Восточный Туркестан, Синцзян). Памятник датируется поздним бронзовым — ранним железным веками, то есть примерно IX–VI вв. до н.э. Сообщается о 13 образцах перфорированных черепов в краниологической серии Чаухугоу 4. С.А. Комиссаров и Е.Г. Шпакова специально подчеркивают, что их статья посвящена обсуждению дефектов, возникновение которых можно трактовать иначе, чем результат военного травматизма. Отмечено, что большая часть черепов имеет следы поверхностного повреждения костных пластинок, много сквозных отверстий, в некоторых случаях наблюдается искусственная деформация головы. Повреждения наружного слоя компакты характеризуются неправильной и редко — геометрической формой. Перфорации делаются на крупные, одиночные, неправильной формы и на многочисленные отверстия геометрической конфигурации — треугольные и четырехугольные. Большин-

расценить как прототипы трепанаций, которые несколько позже были распространены в Монголии и еще позже — в Южной Сибири. Это и небольшие овальные отверстия в верхней части теменных костей, напоминающие трепанации у кочевников из Тувы, и разрушения в височной области, характерные для поздних таргачев, и разрушение затылочной кости, типичное для таштыкских посмертных манипуляций. Кроме того, в китайских материалах IX–VI вв. до н.э. отмечено наличие поврежденных стенок глазниц при сохранении целостности остальных отделов — явление, зафиксированное нами на некоторых черепках конца I тысячелетия до н.э. из Минусинской котловины.

Распространение сложных обычаев, требующих навыков при исполнении, вряд ли можно объяснить только передачей культурных традиций и идей. Скорее всего, эти данные эпохи раннего железа отражают генетическое родство людей, практиковавших трепанацию подобным способом.

Понимание семантики обрядов и культурных традиций, которые были распространены в Центральной Азии в период раннего железного и бронзового века, невозможно без привлечения многочисленных сведений о ритуалах, бытовавших в других областях древнего мира. Возвращаясь на новом витке к обсуждению

ство дефектов наблюдалось на мужских черепках, в среднем и заднем отделах. Встречаемость дефектов у мужчин уменьшается в ряду: теменные кости (шесть справа и шесть слева), височные кости (два), лобная кость (один). Четыре мужских черепа демонстрируют разрушения затылочной кости, при этом поверхностные дефекты наблюдаются только справа и по центру, а сквозные — слева и по центру. На женских черепках следы воздействия также сосредоточены в определенных местах: на теменных костях слева, в центральной части затылочной кости и единично — на лобной кости слева. Не исключается возможность терапевтического характера появления некоторых отверстий. Прежде всего это касается черепа № M207:В, имеющего округло-овальные перфорации в верхней части затылочной кости и над сосцевидным отростком слева; на теменной кости над сосцевидным отростком справа. Возле поясницы погребенного лежала маленькая деревянная кружка, в которой на момент раскопок содержался порошок желтого цвета (возможно, остатки лекарства).

обрядности, связанной с манипулированием определенными частями человеческого тела, выделим несколько сюжетных линий, без которых трудно представить себе историческое позиционирование южносибирских находок.

«*Моделирование головы умершего* — археологический термин, подразумевающий обмазывание всей головы (а иногда и шеи) умершего (или его черепа) глиной или другим пластичным материалом. <...> Белую глазурь вылиют на голову, поливу — на темя мое... (Угаритский эпос. Об Акхите и рапаитах).

Такое „моделирование“ широко применялось в докерамическом неолите Сирии и Палестины; древнейшие образцы обнаружены в Иерихоне, в катакомбной, тагарской, таштыкской и других культурах.

Маски и „смоделированные“ головы могли раскрашиваться, инкрустироваться (например, в глазницы вставлялись раковины) и т. п. Вероятно, многие «личины» имели портретное сходство, а в эллинистическое время эта традиция выбрала новое („живописное“) направление — так называемый фаумский портрет, и в наше время на смену ему пришел портрет фотографический (ср. также... традицию создания музеев восковых фигур).

Полумаски, оставляемые на лице погребенного, известны в „царских“ погребениях культуры мочика (Перу, I–VII вв.)» (Смирнов Ю.А., 1997. С. 191).

Согласно словарю археологических терминов Ю.А. Смирнова, «кефалотафия — захоронение изолированных черепов. Достоверные случаи относятся к эпохе мезолита — захоронение мужских, женских и детских голов (27 черепов), засыпанных красной охрой, в двух ямах округлой формы в пещере Большой Офнет (Бавария, азий-тарденуаз); инвентарь: ожерелья и головные уборы из зубов оленя и раковин, кремневые орудия. <...> Возможно, однако, что захоронения отдельных черепов появляются еще в мустьерскую эпоху».

Череп, в том числе иногда краниум животного, в семантическом отношении может быть тесно связан с жилищем. О чертах зооморфности жилища писал еще В.Я. Пропп. У американских индейцев части дома представляют собой животных и имеют имена. Животная природа сказочной избушки часто подкрепляется присутствием изгороди, на которой выставлены черепа (вспомним знаковую всем с детства иллюстрацию И.Я. Билибина, изобразившего чстокол перед домом Бабы Яги). «Забор вокруг избы из человеческих

костей, на заборе торчат черепа людские с глазами; вместо дверей у ворот ноги человечьи, вместо запоров — руки, вместо замка — рот с острыми зубами». Любопытно, что археологи обнаружили черепа животных рядом с перекрытиями жилых костноземляных сооружений уже в верхнем палеолите: на стоянке Павлов в Моравии это череп северного оленя, на украинских стоянках Мезин и Костенки 1 (второй комплекс) — черепа волков, Авдеево и Костенки 1 (первый комплекс) — овцебыка или молодого мамонта, Костенки 4 и 8 — черепа пещерного льва. (рис. 41).

В Вологодской области, на узком мысу при слиянии рек Перечной и Модлоны, некогда находилось поселение, построенное на сваях еще в эпоху неолита. Археологи под руководством А.Я. Брюсова (брата знаменитого поэта Валерия Брюсова) производили здесь раскопки еще в 30–40-е гг. XX в. Поселение состояло из 10 небольших домиков, сооруженных на помостках и укрепленных сваями. На приколе остался маленький плот. В культурном слое среди массы кухонных отходов довольно часто встречались обломки черепов и фаланги кистей рук, не менее пяти человек разного пола и возраста. Среди них был пожилой мужчина, не-

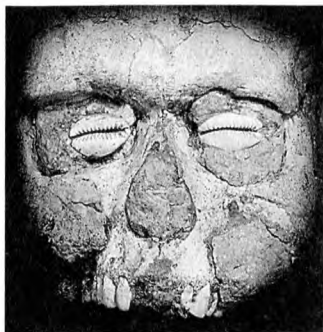

Рис. 43. Моделированный череп из Иерихона. В глазницы вставлены раковины каури

сколько женщин и дети в возрасте от 5 до 10 лет. Знаменитый антрополог М.М. Герасимов, обследовавший эти фрагменты по просьбе А.Я. Брюсова, пришел к выводу, что они имеют такую же сохранность, как обычные кухонные остатки животного происхождения. Но следов, указывавших на то, что обладатели костей были съедены, Герасимов не обнаружил. В 1948 г. около дома № 4 ученые нашли целый череп, но без нижней челюсти. Уже в лабораторных условиях М.М. Герасимову удалось установить, что череп был надет на деревянный кол, частично сохранившийся в болотистом грунте. Вряд ли это череп побежденного врага, ведь он принадлежал молодой женщине. В общем, если отрешиться от исторических деталей, чем не избушка Бабы Яги?

В этой главе мы уже говорили о кельтах племени Винделикера, живших почти 2000 лет назад на территории современной Баварии. Археологи установили, что восточные ворота их поселения — так называемого Оппидума Манхинга — украшал специфический «трофей», сохранившийся до наших дней, — череп мужчины старческого возраста. На правой теменной кости его имеется цилиндрическое сквозное отверстие 5,5 мм в диаметре, просверленное вскоре после смерти человека. Хотя по формальным признакам оно похоже на посмертную трепанацию, немецкий антрополог Г. Ланге полагает, что сквозь высверленное отверстие могла быть пропущена веревка. Преклонный возраст мужчины, павшего жертвой «охоты за головами», возможно, связан с его привилегированным социальным статусом.

Тут уж никак нельзя обойтись без этнографических параллелей. Например, в 60-е гг. XIX в. О. Плогер, побывавший в Бразилии, оставил следующие описания индейского племени мунду-руку: «В прежние времена существовал у них дьявольский обычай отрезать головы убитых ими врагов для того, чтобы сохранить эти головы в своих жилищах как трофеи» (рис. 42).

Захоронение человеческого черепа отдельно от тела — традиция, возникшая на Ближнем Востоке не позднее 10 500–8500 гг. до н.э., у носителей натуфийской археологической культуры. Кол-

дективное захоронение в Эрг эль Ахмаре содержало единственный относительно полный скелет, другие шесть были представлены только фрагментами черепов и нижних челюстей. Изолированный череп был найден в памятнике Эйнан ('Айн Маллаха). Череп, выставленный на полу «жилища 1», образовывал «центр композиции». К нему присоединялись нижняя челюсть и два первых шейных позвонка. На втором шейном позвонке были распознаны следы надрезов, что дало ученым основание говорить об отделении головы (декапитации). В пещере Хайоним в могиле VIII был найден разрушенный череп ребенка пяти-шести лет, еще один пример кефалотомии.

Рис. 44. Обмазанный глиной череп аборигена Новой Гвинеи. В глазницах — раковины каури

Практика отделения черепов была типична и для культурной традиции докерамического неолита Иерихона на стадии А (PPNA — 8500–7500 гг. до н.э.). Английский археолог Кэтрин Кеньон на полу помещения в квадрате Е II обнаружила заключенную в круг композицию из черепов, сориентированных лицом к центру. Другие девять черепов из помещения D I, собранные в три равновеликие группы, были обращены лицом в одну сторону. Все черепа принадлежали взрослым людям; нижние челюсти отсутствовали.

Под фундаментом здания в квадрате F I Кэтрин Кеньон обнаружила пять детских черепов, причем некоторые — в сочленении с шейными позвонками. По интерпретации автора раскопок, здесь было совершено закладное строительное жертвоприношение. Развивая эту мысль, добавим, что в качестве жертвы, возможно, неслучайно избраны дети («Построил Иерихон на первенце сво-

ем»). С одной стороны, их значимость для общества была велика, и такая жертва могла быть особо ценной. С другой стороны, дети в отличие от взрослых, по-видимому, еще не могли быть объектом культа предков.

Вторичные частичные захоронения, современные периоду PPNA в Иерихоне, обнаружили и на территории Сирии — при раскопках телля Мюрейбат. В трех случаях черепа помещались рядом с соединением несущей стены и пола здания и были покрыты плотным слоем глины. Другое вторичное захоронение, содержавшее как череп, так и длинные кости, найдено в центре округлого помещения, стены которого декорированы геометрическим орнаментом.

Стадия культурного развития, соответствующая периоду докерамического неолита В (PPNB — 7600–6000 гг. до н.э.), характеризуется разнообразными проявлениями культа черепа уже на всей левантйской территории. Одиночные или коллективные хранилища черепов чередуются с захоронениями скелетов, где отсутствуют головы погребенных. В конце PPNB распространение получает такой специфический обряд, как моделирование черепов умерших (рис. 43).

Всемирно известными стали находки, сделанные Кэтрин Кенъон при раскопках докерамического Иерихона в 1953 г. Некоторые из них до сих пор выставлены на обозрение в Британском музее. К слою PPNB относится череп старого мужчины, который был помещен под пол, в углу здания в квадрате E I. В квадрате D I вскрыты семь частично смоделированных гипсом черепов, сложенных в груды под полом. Глазницы черепов инкрустированы раковинами. В большинстве своем это раковины двустворчатых моллюсков. В одном случае использованы раковины каури. Все иерихонские черепа, кроме одного, хранящегося ныне в Аммане, были без нижней челюсти.

Антропологи, обследовавшие черепа из Иерихона, расходились во мнениях. Чешский исследователь Е. Строухал определил все черепа как мужские. Позднее Дж. Курт и О. Рорер-Ертль ус-

тановили, что большинство обмазанных глиной черепов — женские и только три мужские. По нашим собственным наблюдениям, смоделированный череп из Иерихона, экспонированный в Британском музее, также, несомненно, женский. Тем самым можно допустить, что обряд распространялся на разные в гендерном отношении группы населения.

Окончательное число черепов с обмазками тоже не совсем ясно. Е. Строухал упоминал лишь о 10 черепах, Курт и Рорер-Ертль — о 12, включая в эту группу две находки из северной части телля.

Иерихон — древний город. Слишком долго он рос и перестраивался. Фундаменты новых зданий возводились поверх старых. Сложная структура напластований культурного слоя породила различные толкования участия так называемых черепных гнезд в функционировании жилища. Сама К. Кеньон считала, что, будучи однажды включенными в структуру постройки, черепа там и оставались. Другие ученые предполагают, что объекты большой ритуальной значимости могли извлекать для использования в религиозных церемониях.

При раскопках еще одного большого поселения культуры PPNB — 'Айн-Газал вновь были найдены моделированные черепа. В 1984 г. в тайнике под полом, напротив, обнаружили два взрослых черепа и один детский без следов обмазки. Под полом того же строения

Рис. 45. Обмазанные глиной черепа ингульской катакомбной культуры. II тысячелетие до н.э., Украина

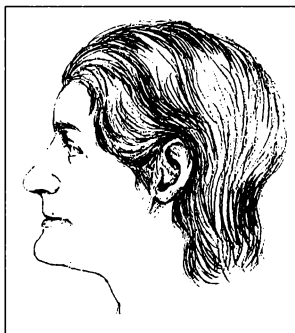

Рис. 46. Графическая реконструкция лица по черепу. Автор — Г.В. Лебединская

археологи нашли еще и плохо сохранившийся череп ребенка семи-восьми лет. В 1988 г. в 'Айн-Газале экспедицией Американского центра восточных исследований был найден тщательно смоделированный череп, аналогичный иерихонским.

В долине Хулах, неподалеку от мест концентрации натуфийских памятников, французские археологи исследовали поселение культуры PPNB Бейзамун. Под каменным полом сооружения они нашли два обмазанных черепа, один из них, несомненно, женский. К черепу перед обмазкой была приставлена нижняя челюсть. Здесь, как и в некоторых иерихонских случаях, обмазке предшествовала дедентация — удаление зубов. В Бейзамун археологи также вскрыли захоронения, где присутствовали только посткраниальные скелеты. Предположительно именно из этих или подобных им погребений были взяты черепа, найденные в хранилищах. Обращает на себя внимание разное значение частей тела. Тело (скелет) связано с нижним миром; голова (череп) становится элементом архитектуры жилищ и культовых сооружений, возможно принимая на себя позитивную функцию, воплощенную в культе предков.

В результате раскопок синхронного PPNB телля Рамад в Сирии было изучено большое количество смоделированных черепов. Так, например, в скоплении на уровне I были найдены восемь черепов (пять женских, два мужских и один — подростка 13–14 лет) и остатки статуэтки. Неподалеку, у стены уровня II, имелись еще три обмазанных и раскрашенных охрой черепа. Еще 12 черепов помещались в 90 см от предыдущего депозита. Вместе с ними — обломки безголовых статуэток с акцентированно толстой шеей. Как полагают некоторые исследователи, статуэтки служили постаментами для смоделированных черепов.

В центральной Анатолии (современная Турция) в Кеск Гуюк также раскопан относимый к позднему неолиту череп женщины 21–24 лет, целиком покрытый гипсом и поверхностным слоем охры.

Несколько иной способ обращения с телами умерших открыл израильский исследователь Бар-Йозеф. В слоях пещерного посе-

ления Нахал Хемар в юго-западной части побережья Мертвого моря раскопаны три черепа с «асфальтовым покрытием» в затылочной области. Судя по опубликованным фотографиям, боковая поверхность черепов сильно разрушена, возможно искусственно. Сетчатые узоры, читаемые на асфальтовых накладках, возможно, воспроизводят прически или головной убор. Они отчасти сходны с орнаментами на статуэтках европейских «палеолитических Венер».

Как отметил в своем выступлении на конгрессе Ассоциации европейских археологов в 2003 г. Мишель Боноговски, сейчас науке известно 72 моделированных черепов с территории Иордании, Сирии, Израиля и Турции. Из них 26 черепов мужские, 18 — женские, 15 — принадлежат взрослым людям неопределенного пола, 13 — детские. Поскольку дети не могли еще быть объектом культа предков, Боноговски настаивает, что в ближневосточной традиции моделирования черепов проявились представления о черепе как о воплощении сущности человека.¹

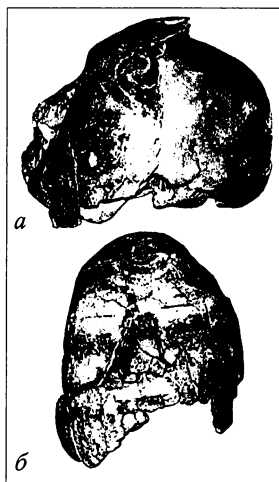

Рис. 47. Маска на черепе женщины таиштыкской эпохи из могильника Абаканоперевоз:
а) вид сбоку;
б) вид спереди

¹ Близкие представления запечатлел в своей четвертой книге Геродот, говоря об исседонах — степном народе скифской эпохи. Разумеется, достоверность этих сведений подвергалась сомнению еще самим «отцом истории». «Когда умирает чей-нибудь отец, все родственники пригоняют скот, закалывают его и мясо разрубают на куски. Затем разрезают на части также и тело покойного отца того, к кому они пришли. Потом все мясо смешивают и устраивают пиршество. С черепа покойника снимают кожу, вычищают его изнутри, затем покрывают позолотой и хранят как священный кумир. Этому кумиру ежегодно приносят обширные жертвы. Жертвоприношения совершает сын в честь отца». Итак, в обычаях степного народа раннего железного века украшенный череп — не только священная реликвия, но и важнейшее «вещественное» воплощение культа предков.

Обмазка лицевой части черепа и моделировка, воссоздающая черты покойного, являются характерной особенностью погребальных обрядов и ингильской катакомбной культуры в целом, которая в начале II тысячелетия до н.э. была распространена на значительной территории Северного Причерноморья и Приазовья. Глиняная масса накладывалась на предварительно освобожденный от мягких тканей череп; часто наблюдаются признаки отчленения головы; на черепках можно увидеть специальные отверстия для извлечения мозга; иногда, но не всегда имеются другие признаки расчленения костяков; черепа делятся на целиком и частично моделированные, причем можно выделить разные стадии моделирования — от грубых и фрагментированных подобий лица до скульптурно обработанных портретов. Наиболее тщательной детализацией отличаются обмазки черепов у покойников старше 18 лет. Не исключается, что обработанные черепа использовались в культовых целях и лишь спустя какое-то время помещались в катакомбу. Украинские археологи В.В. Отрощенко и С.Ж. Пустовалов полагают, что моделированию подвергали черепа людей, принадлежавших к особому слою катакомбного общества, — вождей и жрецов, а также членов их семей и родов.

При изучении темы погребальных масок первым возникает вопрос: насколько точно маски передавали черты лица умершего? Иногда схематизм изображения мешает ответить на него, но более реалистичные посмертные образы позволяют надеяться, что эту загадку разгадать все-таки удастся.

Перспективный метод — восстановление лица по черепу, приемы которого разработал выдающийся отечественный антрополог М.М. Герасимов, и сравнение полученного изображения с погребальной маской. Такая возможность появилась у нас в 1994 г., когда в погребении 1 могильника Абаканоперевоз, относимого к таштыкской эпохе, в Минусинской котловине местные археологи обнаружили практически целый череп женщины с погребальной маской на лице. В затылочной области имелись последствия посмертной трепанации, основание черепа также, по-

видимому, было разрушено преднамеренно. По первому впечатлению, расовая принадлежность черепа и маски контрастировала: череп — европеоидный, маска — монголоидная. Заметное несоответствие породило две гипотезы: 1) маска изготовлена без учета внешности погребенной, то есть по определенному шаблону; 2) маска представляет собой слепок с лица этой женщины, но на ее форму повлияла отечность мягких тканей.

Антропологические особенности маски действительно соответствуют внешнему виду современных хакасов и орочей. А вот графическая реконструкция лица по черепу, выполненная ученицей и продолжательницей дела М.М. Герасимова Г.В. Лебединской, принадлежит совершенно европеоидной внешне женщине (рис. 46). Таким образом, черты маски и лица действительно контрастировали. Вместе с тем Г.В. Лебединская обратила внимание на совпадение пропорций «этажей» лицевой части. Это могло означать, что при создании погребальной маски какие-то особенности облика умершей таштыкской женщины все же принимались во внимание. Наш собственный опыт показывает, что необходим взвешенный подход к антропологическому изучению таштыкских посмертных изображений. Мы согласны с мнением,

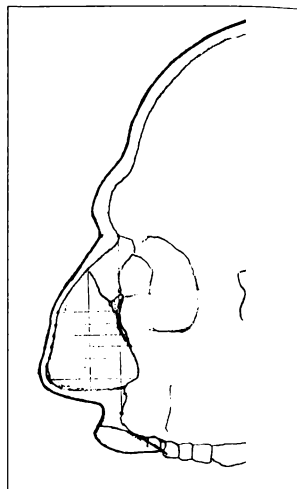

Рис. 48. Сравнение графической реконструкции лица по черепу и вылепленного из глины в момент захоронения носа

Мужчина ингальской катакомбной культуры эпохи бронзы. Автор реконструкции — М.Б. Медникова.

высказанным Э.Б. Вадецкой, что даже в наиболее портретных масках индивидуальные и условные черты смешаны. «Индивидуальность проявляется в стремлении художника схватить характер оригинала за счет какой-либо особенно примечательной черты лица».

Несколько позже мы сравнили посмертный образ мужчины-катакомбника из могильника Заможное эпохи бронзы и его частично воссозданный портрет. Оказалось, что люди, лепившие из глины недостающие части лица, в этом случае стремились как можно более точно передать индивидуальные особенности. Они даже воспроизвели горбинку носа, угадываемую на реконструкции лица по черепу.

В толковом словаре русского языка «маска» определяется как специальная накладка на лицо (иногда антропоморфная, иногда анималистская) с вырезами для глаз, а также — как человек с накладкой на лице. А.Д. Авдеев, исследовавший обширный материал из коллекции Кунсткамеры, сформулировал более емкое и точное определение: «Маска — это специальное изображение какого-либо существа, надеваемое или носимое с целью преобразования в данное существо». Российский этнограф подметил главную функцию маски — преобразование сущности человека, «стремление преобразиться (а впоследствии и перевоплотиться!) в иное существо, создать с помощью маски определенный образ (животного, предка, духа, бога) и в этом облике от лица преобразуемого действовать (в буквальном смысле: лицедействовать!) в определенном смысле, полезном для общества».

Иногда маски делят на группы, исходя из их назначения: маски 1) в культе¹; 2) на войне; 3) при погребении; 4) судебные; 5) танцевальные и театральные. Другие ученые учитывают ха-

¹ Эта категория, возможно, гораздо шире, чем представляется. Например, с культовым запретом видеть солнечный свет соотносит В.Я. Пропп (2000, с. 25) сюжет из сказки Смирнова «Как солдат снимал портрет с королевы»: «У одного там короля есь красавица хозяйка, портрет бы с ней снять, а она все в маски ходит».

рактёр изображения: 1) простые изображения человеческого лица; 2) искаженные изображения; 3) карикатуры; 4) устрашающие; 5) изображения животных; 6) наголовники и т. п. А.Д. Авдеев все многообразие способов преобразования распределил по четырем категориям: головные уборы, маски, маскоиды, грим.

Помимо собственно головных уборов в первую категорию входят парики, рога и уборы-наголовники. Специально отметим самоанский обычай во время церемониальных плясок надевать парики из обесцвеченных человеческих волос. Африканские чокве парики делают из веревки, имитирующей человеческие волосы. Эти веревки сплетают в прически и густо мажут глиной.

В категории индивидуальных масок Авдеев рассматривает семь дефиниций: маски-наголовники, налобники, головы, личины, маски-костюмы, ручные и пальцевые маски. По реконструкции Авдеева, самый древний вид наголовников изготавливался из черепов животных и человека. В некоторых случаях череп специально обрабатывали смолистыми веществами, воссоздавали недостающие части головы (пример — череп «невольника из Туу» из коллекции Кунсткамеры, Камерун), иногда кость не подвергали дополнительной обработке. Н.Н. Миклухо-Маклай привез из Океании маску, сделанную из половинки человеческого черепа. Тот был распилен по фронтальной плоскости, передняя часть обработана смолистыми веществами, воссозданы нос, губы и подбородок. Личину носили, держа зубами вмазанную с обратной стороны палочку.

Сейчас самое время вернуться к археологическим свидетельствам об изготовлении масок из лицевой части черепа, обнаруженных исследователями галльштаттских и кельтских древностей Европы. Такие маски найдены в Моравии и Баварии, причем технология изготовления личин в Майдо Храшко и Оппидуме Манхинга сходна с применявшейся меланезийцами¹.

¹ Эта пещера была открыта на юге Словакии в 1953 г. и получила название в честь спелеолога О. Majda-Hrasko. После 14-метрового коридора, начинающегося у входа, пещера разделяется на две части, общей протяженностью

А техника воссоздания недостающих частей смолистыми веществами напоминает приемы обработки останков лицевого черепа, практиковавшиеся носителями ингульской катакомбной культуры.

Предполагалось, что маски из черепов животных появились раньше, поскольку изображения животных в искусстве предшествуют изображению человека. «Путь масок», по А.Д. Авдееву, таков: подлинная голова или череп животного — искусственное изображение головы животного — искусственное изображение головы человека, в подражание голове животного, носимое таким же образом, — появление личины человека из черепа — искусственное изображение лица человека — маска-личина, изображающая животное и изготавливаемая в подражание личине человека.

60 м. В древности она имела другой вход, который вел непосредственно в самое большое помещение, условно названное святилищем (Svatyna). В этом пространстве при раскопках северо-восточного прохода были найдены человеческие скелетные останки. Исследованные фрагменты черепов принадлежали семи взрослым индивидуумам (среди них четыре мужских черепа), четыре или пять фрагментов — детям. Кроме того, найдены кости оленя, козули, козы, собаки, лисицы, куницы, барсука. По определению Й. Бема, находки относятся к стадии галлыштатт В, в крайнем случае к ранней фазе галлыштатта С. По совокупности археологических, геологических и палеонтологических источников памятник относится к нижнему субатлантическому периоду, что также соответствует времени бытования галлыштаттской культуры (периоды НВ, НС).

Антрополог Е. Влчек обнаружил на черепках следы интенсивных посмертных разрушений — разрубов, разрезов (насечек) и ударов тупыми предметами. Он описал также искусственное разрушение нижней челюсти у детей различного возраста. Культовый характер этих находок стал наиболее очевидным после изучения крупного фрагмента лицевого скелета взрослого мужчины. Предполагается, что этот фрагмент был специально вырезан из черепа и служил маской. Ученый нашел и другую маску из человеческого черепа, работа над которой не была доведена до конца. О культовой роли пещеры Майдо-Храшко в галлыштаттское время свидетельствует еще и маска из черепа оленя, обнаруженная у старого входа в пещеру. Оленьи личины в магических обрядах использовались от палеолита до средневековья, но в данном случае особый интерес вызывает присутствие подвергнувшихся специальной обработке человеческих останков.

Категория маскоидов, уменьшенных копий масок, заслуживает особого упоминания потому, что они являлись воплощением предков. Маленьким маскам приносили жертвы, их мазали кровью, «кормили».

И, наконец, грим как редуцированная маска и средство ритуального преобразования также имеет непосредственное отношение к археологической проблематике, и прежде всего, на наш взгляд, к погребальным обрядам. Вот как описывал гримировку индийских актеров катхакали А. Мерварт в 1916 г.: «Процедура эта долгая и утомительная... актерам приходится покрывать лицо несколькими слоями рисовой пасты, и они обычно ложатся при этом на землю и даже засыпают, *чтобы сберечь свои силы* (курсив наш. Не слишком ли рациональное объяснение сна? — М.М.) <...> Грим актеров состоит главным образом из толстых слоев рисового клейстера, делающих совершенно невозможной какую бы то ни было мимику лица. Последнее превращается благодаря гриму и раскраске в неподвижную маску». Если сон подменить символической смертью, то появление лицедея с гримом-маской на лице можно рассматривать как воскрешение в новом качестве¹.

Развивая эту мысль, заметим, что «занавешивание» лица имеет место и в различных инициационных, и в свадебных обрядах (фата), где выполняет функцию обозначения переходного состояния, временной смерти.

Это состояние отчетливо угадывается в инициационных обрядах Океании: «после нескольких дней отдыха неофиты покрываются известковой кашей, так что они выглядят совершенно белыми и не могут раскрыть глаз». По В.Я. Проппу, белый цвет есть цвет смерти и невидимости. Временная слепота — также знак ухода в область смерти. После отмывания от извести иницируемый прозревает, что становится символом обретения нового

¹ Наше наблюдение в принципе не противоречит ритуальным запретам сна во время юношеских инициаций у некоторых африканских и ближневосточных народов (Пропп В.Я., 2000. С. 62).

зрения, и получает новое имя. Отверзание глаз рассматривается в ряду с другими инициационными действиями — обрезанием и выбиванием передних зубов. По Проппу, сходным значением обладал запрет умываться: посвящаемый не только не умывался, но и обмазывался золой, то есть также «становился условно невидимым».

Даже если обратиться только к происхождению классической театральной маски, трудно не заметить ее древний сакральный смысл. На празднике Анфестерий архонт-жрец изображал Диониса. Затем маски смогли надевать участники театрального представления. В те времена театр был не развлечением, а принятым в Афинах способом чтить бога Диониса. О том, что это было очень серьезное действие, свидетельствуют сообщения античных источников о других способах почитания Диониса. Например, когда жители Аргоса поначалу не приняли Диониса, он наслал на них проклятие, и ахейки обезумели, принявшись резать ножами и мечами своих же младенцев. В представлениях древних греков Дионис часто выступал как мрачное хтоническое божество, требовавшее человеческих жертвоприношений для обеспечения плодородия. Приносимым в жертву часто отрубали голову.

М.М. Бахтин проследил эволюцию маски от первоначально строго культового значения до частно-бытового, как в комедии дель арте (Панталоне, Арлекино и др.): «У Аристофана мы явственно видим еще культовую основу комического образа и видим, как на нее наслаиваются бытовые краски, еще настолько прозрачные, что основа просвечивает через них и преобразует их. <...> Можно сказать, что у Аристофана на образ смерти (основное значение культовой комической маски) наслаиваются, не застилая его полностью, индивидуальные и типически бытовые черты, подлежащие умерщвлению смехом. Но эта веселая смерть окружена едою, питьем, непристойностями и символами зачатия и плодородия».

Самая известная венецианская маска — баута, по сути, маска смерти, сошедшая со средневековых миниатюр, на которых

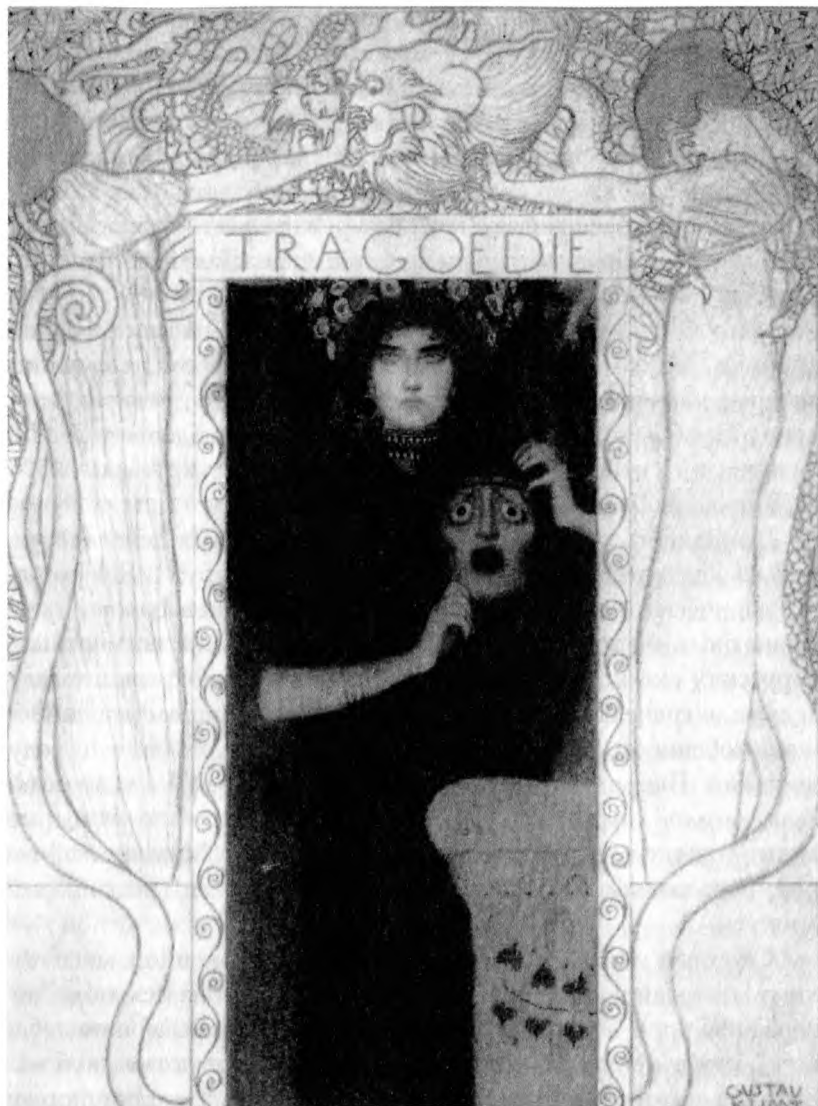

Рис. 49. И для современных художников маска является воплощением трагедии. Г. Климт. Эскиз к аллегории «Трагедия»

смерть чаще предстает в облике мужчины. Ношение бауты не случайно предполагает временный отказ от собственного лица, индивидуальности и норм морали, средневековой корпоративной принадлежности.

В археологических артефактах моделирование головы умершего часто сопряжено с манипуляциями в области глаз. Иногда такие действия расценивают как обезвреживание покойного, иногда — как своеобразное украшение или упреждающее средство, способное уберечь останки от разложения.

Мы уже упоминали раковины, использовавшиеся при моделировке иерихонских черепов. Инкрустация области глазниц янтарем характерна и для погребального обряда древнего населения Прибалтики. В могильнике Звейниекы найдены черепа с янтарем в глазницах и глиняными масками, датируемые 3450–3150 гг. до н.э.

Приблизиться к пониманию смысла подобных действий, на наш взгляд, вновь помогает фундаментальный труд В.Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки». Пропп выделяет категорию фольклорных персонажей — хранителей царства мертвых. В русских сказках это Баба Яга, в немецких — «красноглазая» ведьма, в греческой мифологии — циклоп Полифем и т. д. Общая особенность героев — они слепы или их ослепляют по ходу действия. Например: «когда она [Яга] уснула, девка залила ей глаза смолой, заткнула хлопком...». Яга из царства мертвых не видит ушедшего в царство живых, и, наоборот, культурный герой, попадая живым в царство мертвых, должен временно ослепнуть.

Сходный механизм действует во время инициации: магическому отверзанию глаз предшествует искусственная слепота, отверзанию уст — немота, обрезанию — воздержание. Можно добавить, что в кельтской мифологии выделяется мотив слепоты друидов, который соотносится с их способностью к прорицанию.

Изучение погребальной обрядности позднетагарских племен показывает отличное от современных представлений «осознание

мертвого тела». Моделировка лицевого скелета, наполнение глазниц, ротовой полости можно интерпретировать не только как обезвреживание умершего или метод консервации, а как своеобразную инициацию, вводящую покойного в иной мир. Средством превращения не случайно избрана трепанация — процедура, использовавшаяся и для изменения живых, и для окончательного преобразования умерших.

Авторитетный исследователь центрально-азиатского шаманизма М.А. Дэвлет, кропотливо изучив различные источники, пришла к выводу о том, что древние божества Саяно-Алтая и Тибета входили в ламаистский пантеон. Интерпретируя изображения личин-масок с антенной на голове, распространенных в наскальном искусстве эпохи бронзы, особенно в период существования окуневской культуры, она связывает этот феномен с представлениями о мистической связи человека с космосом, источником жизненной силы. Не случайно в тувинском фольклоре фигурируют персонажи, неуязвимые благодаря нити, соединяющей их с луной или солнцем. М.А. Дэвлет обратила внимание на окуневские изображения личин сердцевидной формы с акцентированной областью макушки (теменных костей). Она привлекает для объяснения подобных очертаний сакральное понятие «отверстие Брахмы», «край [того, что] пропускает свет», встречающиеся в старинных текстах. Например: «Если вы хотите убить меня, то воткните иглу в теменное отверстие Брахмы». Культ головы и черепа, реконструируемый по материалам раскопок, а также традиция помертвого и прижизненного вскрытия черепа служат вещественным подтверждением сложных религиозных представлений, восходящих к общему субстрату верований населения Евразии. Погребальные традиции народов Южной Сибири конца раннего железного века могут иметь очень древние корни и происходить от обычаев неолитических и энеолитических культур, для ритуального поведения которых характерно сочетание трепанации, моделировки и создания масок, расчленения тел умерших. Основываясь на хронологической последовательности, можно допус-

тить первоначальное распространение традиции моделирования головы умершего из ближневосточного культурного очага.

Как мы уже убедились, образ человека, созданного из глины, будучи наследием цивилизации Междуречья, с самых древних эпох прочно «привязан» к территории Палестины.¹ Этот мотив заложен в фундамент современной цивилизации.

Прометей, в образе которого ученые, изучающие мифологию, находят черты древнего доолимпийского божества балканского происхождения², вылепил первых людей из земли (глины) и воды. Очевидно, неслучайно Прометей был покровителем афинских горшечников (и не только потому, что он научил человека ремеслам).

Существуют еврейские фольклорные предания о *големах* — оживляемом магическими средствами глиняном великане. Представление о Големе перекликается с библейским мифом о сотворении человека, согласно которому Яхве лепит фигуру Адама из глины, оживляя ее «дыханием жизни» (Быт. 2:7). В начале Нового времени, в эпоху «практической каббалы», были распространены рецепты изготовления Голема: надо было вылепить из красной глины человеческую фигуру, имитируя подобным образом действия Бога; фигура должна была быть ростом с 10-летнего ребенка³. Голема следовало оживить либо именем Бога, либо словом «жизнь», написанным на лбу. Голем не способен говорить и не имеет человеческой души, в этом он похож на Адама до получения им «дыхания жизни». Глиняное создание быстро растет и скоро достигает исполинского роста и нечеловеческой мощи. Оно может послушно выполнять любую работу, но, вырвавшись из-под контроля создателя, становится опасно.

¹ В шумерском мифе богиня рождения Нинмах создает человека из глины, взятой «над бездной».

² Начиная с древнейших эпох именно через Балканы народы мигрировали из Передней Азии в Европу.

³ Возможно, 10-летний «доинициационный» возраст неслучаен. Голем «не-дочеловек» не потому, что он из глины, а потому, что не прошел инициацию.

Рис. 50. Одна из самых впечатляющих сцен Лондонского музея восковых фигур представляет основательницу музея мадам Мари Тюссо за работой. Если напрячь воображение, на ее месте можно представить древнего жителя Иерихона, украинских степей или Южной Сибири, совершающего сложный посмертный ритуал

Возможно, одна из позднейших реплик мифа о Големе — опубликованная в конце века Просвещения и воплощенная в кинематографе XX в. история о Франкенштейне. Идея создания нового существа в этом случае подменена семантически близкой идеей оживления мертвого тела.

Идея созидания в мифе о человеке из глины тесно соприкасается с идеей посмертного ритуала. Голема, «недочеловека из глины», можно рассмотреть как представителя царства мертвых, временно оживленного и обезвреженного.

Показательно, что классик психоанализа К.-Г. Юнг использовал именно пример книги Густава Майринка «Голем», чтобы выделить один из основных архетипов коллективного бессознательного — «колдовского демона». На наш взгляд, древность архетипа и его глубокую укорененность убедительно подтверждают археологические находки.

И, наконец, идея двойника, посмертного или прижизненного, нашла современное воплощение в создании «восковых персон». Популярность Музея восковых фигур мадам Тюссо далеко не случайна, интерес к созерцанию двойников известных людей имеет глубокие психологические корни. Воздействие этой экспозиции на впечатлительных посетителей очень велико, с музеем Тюссо связано множество мистических историй.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ ТРЕПАНАЦИЙ

Настало время соединить вместе знания о разных типах трепанаций черепа и ответить на вопросы, которые мы задавали раньше.

Мы, Председатели Земного Шара,
мозгопашцы...

Велимир Хлебников

Как давно человек научился операциям на черепе?

Мы могли убедиться, что культ черепа (головы) мог зародиться еще на стадии позднего нижнего палеолита, то есть у питекантропов. Они же начали производить манипуляции с телами покойных сородичей. В определенном смысле это позволило им накопить анатомические знания и подготовило почву для будущих краниотомий...

Если серьезно, то отделение головы покойного от туловища, расширение большого затылочного отверстия, извлечение головного мозга, выставление очищенного черепа в специальном месте — это очень важный шаг на пути социальной эволюции, отражающий высокую стадию общественного (и умственного) развития.

Если понимать трепанацию как «создание канала между полостью мозга и окружающей средой» (так звучит самое общее определение), то посмертные трепанации начали проводить уже 300 000 лет назад.

То есть разнообразные манипуляции с телом и, главное, с головой придумали предшественники *Homo sapiens sapiens*, иными словами, это заслуга не совсем человеческая. Но тяга к такого рода действиям сохраняется по сей день.

И все же «настоящие» прижизненные трепанации совершили представители нашего биологического вида.

Уже в каменном веке человек обладал необходимыми знаниями и умениями для совершения таких сложнейших операций. Люди верхнего палеолита, в совершенстве владевшие техниками обработки кости, сверлением и резьбой, были технологически готовы к совершению трепанаций.

Все же, очевидно, первые прижизненные операции на своде черепа были не столь радикальными и не проникали в полость мозга. Именно эти поверхностные процедуры в определенных местах головы позволяют говорить о ритуальных, а не лечебных мотивах трепанирования в ту эпоху. Во-первых, явно сохраняет свое значение культ головы. Во-вторых, эпоха верхнего палеолита выделяется «взрывным» развитием коммуникации (только 40 000 лет назад могла возникнуть членораздельная речь), в которой язык символов начинает играть особую роль. Появляется изобразительное искусство, усложняется ритуальная жизнь кроманьонских племен. В этих условиях тело человека, покрытое шрамами, родовыми и племенными знаками, само становится «текстом». Традиционная интерпретация, которую предлагали палеопатологи, объясняет распространение операций на черепе среди мужской части населения большим риском травм головы. Заметим, однако, что если рассматривать трепанацию как средство превращения и инициации, то подобная избирательность выглядит тоже очень логичной. Как отмечал этнограф А.Д. Авдеев, происхождение театрального искусства оказалось исторически связанным именно с мужским трудом. Охотничья маскировка как форма преобразования человека в иное существо и богатые имитационные способности, развившиеся под влиянием жизненной необходимости, послужили предпосылкой для создания охотничьей пляски. Охотничья магия стадийно преобразовалась в тотемные обряды и ритуалы тайных мужских союзов, во время которых человек в маске являлся в новой сущности: мертвым, духом или животным. Эта линия психоповеденческого

«превращения» прослеживается позже при выделении категории воинов. Символическое трепанирование, следы которого обнаружены на некоторых верхнепалеолитических черепках из Южной Моравии, свидетельствует о традициях специфических испытаний, которым подвергались кроманьонские юноши 25 000 лет назад. Возможно, эти ритуальные процедуры со временем нашли развитие в практике более радикальных операций на черепе.

В эпипалеолитическую (мезолитическую) эпоху (12 000–11 000 лет назад) символические трепанации сохраняют свое значение и у населения Африки (Марокко), и на Ближнем Востоке (возможно, Ирак). Именно в африканских палеоантропологических материалах впервые наблюдается соседство символических и сквозных трепанаций. Это заставляет сомневаться в медицинском характере самой ранней сквозной прижизненной трепанации из Тафоральта.

Скорее всего, первая лечебная трепанация все же была сделана в мезолите, 10 000 лет назад.

Где это произошло?

Это произошло на территории современной Украины. Но на самом деле очевидно, что почва для проведения трепанаций была подготовлена повсеместно.

В каких случаях древние чаще всего прибегали к сложным и опасным операциям?

После знакомства с разными трепанациями, а именно: с лечебными, символическими и посмертными, складывается впечатление, что в древнем мире чаще всего делали ритуальные операции на черепе.

Подведем итоги географического распространения трепанаций.

Несмотря на множество публикаций, которые содержат сведения об отдельных находках, обобщающие исследования о гео-

графии трепанаций не столь многочисленны (Piggott S., 1940, Hein P., 1960, Lisowski F.P., 1967, Медникова М.Б., 2001).

Среди европейских трепанированных черепов около 5 % демонстрируют следы неоднократных операций. Из них больше 73 % были трепанированы дважды; 17,8 % — трижды; 9 % трепанированы четыре раза.

Череп 20 человек, успешно оперированных при жизни, после смерти послужили для создания костяных амулетов. Большинство таких находок сконцентрировано во Франции и Германии.

В Европе обращают на себя внимание географические центры, в которых находки черепов людей, трепанированных при жизни, наиболее многочисленны: 1) Иберийский полуостров, особенно Португалия; 2) юго-восток Франции, особенно департамент Лозеры; 3) Северо-запад Франции, особенно департаменты Уазы, Сены и Марны; 4) Южная Англия; 5) Южная Швеция и Дания; 6) Центральная Германия, 7) область Верхней Эльбы.

1. Находки из Испании и Португалии относятся в основном к эпохам неолита и бронзы. Некоторые черепа наводят на мысль о бытовании ритуальной практики, причем на них локализованы рубцы в виде буквы Т, есть и другие признаки символического трепанирования. В культурах нового каменного века Испании было распространено скальпирование, сложные посмертные манипуляции с телом.

2. Среди 167 трепанированных черепов, найденных археологом Прюнье в департаменте Лозеры, 115 происходят из пещер, а 52 обнаружены в дольменах. П. Хайн расценивал пещерные захоронения как «автохтонные», дольменные комплексы рассматривал как следствие распространения пришлой культуры. По его мнению, местное население длительное время практиковало операции на своде черепа, и эту традицию переняли мигранты, оставившие после себя мегалитические сооружения. Черепа из дольменов в 80 % случаев демонстрируют следы процессов заживления. 83 % черепов, обнаруженных в пещерах, тоже говорят о благополучном исходе операции.

3. С северо-западом Франции связана область распространения рубца в виде буквы Т на своде черепа. С конца XIX в. до 60-х гг. нашего столетия было найдено 15 черепов с подобной особенностью.

4. В Великобритании находки трепанированных черепов концентрируются на юге и на севере страны. Традиция очень консервативна. Например, очень похожи трепанационные дефекты на поздненеолитическом черепе из Мэйден Кастл и черепе эпохи бронзы из Крайчел Даун в Южной Англии. По последним данным, приводимым Ш. Робертс, в Англии обнаружены 62 трепанированных черепа.

5. В Дании, согласно П. Хайну, найдены трепанированные черепа, относимые к неолиту и раннему железному веку. Два человека из четырех сумели пережить оперативное вмешательство.

Наиболее полную сводку данных о черепах со следами трепанации составил датский палеопатолог Пиа Беннике. Среди описанных ею случаев четыре относятся к раннему неолиту (находки в болотах и «длинном кургане»), четыре — к среднему и позднему неолиту (захоронения переходного типа, дольмен, мегалитическое захоронение), один — к эпохе бронзы (курган), один — к доримскому железному веку, два — к римскому железному веку (ингумации). Большинство трепанированных черепов были найдены в неолитических захоронениях IV тысячелетия до н.э. (67 %); по-видимому, меньше трепанаций проводилось в эпоху бронзы (14 %); еще менее характерны они для раннего железного века (2 %). Трепанированию подвергались преимущественно мужчины, при этом преобладала техника скобления.

В Швеции описаны четыре черепа из осушенных болот Альвастры. Отверстия на них идентичны по размерам, локализации и общему виду, и весьма вероятно, что они были сделаны одной рукой. Сообщалось о находке черепа с рубцом в форме буквы Т.

6. В 60-е и 70-е гг. XX в. каталогизацией случаев трепанаций с территории Германии занимался антрополог Л. фон Кароли. Он

включил в свой список 75 трепанированных черепов, происходящих из 70 археологических памятников. Наблюдается отчетливая концентрация этих находок в центральной части страны.

7. В Австрии обнаружены 25 погребений с прижизненно трепанированными черепами и два краниальных амулета, изготовленных посмертно. Две трепанации относятся к неолиту, шесть — к раннему бронзовому веку, одна — к периоду культуры погребальных урн, 13 — латенского времени, один череп — к поздне-римскому или раннесредневековому периоду, две — к аварскому времени. Подавляющее большинство трепанированных черепов происходит из равнинной части страны.

Психиатр И. Кршижек произвел оценку 33 трепанированных черепов, найденных с 1876 г. на территории Чехословакии. Из них 14 принадлежали мужчинам, пять — женщинам, степень сохранности остальных препятствовала определению половой принадлежности. Наибольшее число черепов относится к энеолиту (2500–2000 гг. до н.э.), главным образом ко времени существования культуры шнуровой керамики. Для эпохи ранней бронзы также характерны трепанации, находки которых концентрируются в Северо-Западной Чехии (первая половина II тысячелетия до н.э.). Трепанацию практиковали и славяне в X–XI вв., при этом 80 % черепов демонстрируют признаки заживления. Описаны случаи неоднократного трепанирования. Чешский автор полагал, что поводом для операций служили психические болезни, эпилепсии, меланхолия, бред, бешенство и галлюцинации.

Ф.П. Лисовски продвинулся дальше своих предшественников, рассмотрев тенденции распространения трепанирования черепов в планетарном масштабе. Ниже приводится составленный им перечень.

Европа

Скандинавия — 20 могильников. Исландия. Англия и Шотландия — 14 могильников. Ирландия — 5 могильников. Франция — 70 могильников. Германия — 45 памятников. Швейцария — 10 памятников. Австрия — 2 памятника. Чехословакия — 18 памятников. Венгрия —

16 памятников. Румыния — 5 памятников. Болгария — 4 памятника. Югославия. Албания. Греция. Италия — 11 могильников. Иберийский полуостров — 16 могильников. Польша — 2 могильника. СССР (европейская и азиатская части) — Латвия, Украина, Крым, Дагестан, Минусинск, Оглахты в Южной Сибири, Владивостокский регион.

Азия

Китай. Япония — Хоккайдо. Индия. Афганистан. Пакистан — район Гиндукуша. Палестина.

Африка

Египет — 6 могильников. Кения. Северная Африка. Канарские острова.

Северная и Центральная Америка

Южная Америка

Находки с территории империи инков.

Океания

В основном Меланезия.

Говоря о трепанациях в Старом Свете, нельзя не коснуться вопроса о месте трепанаций в хирургической практике Древнего Египта. Редкие сообщения о египетских трепанациях позволяют утверждать, что эта процедура не практиковалась автохтонным населением, а во всех случаях была следствием внешних культурных воздействий. Самая ранняя трепанация была обнаружена на территории Суданской Нубии (XVIII или XIX династия, примерно 1200 г. до н.э.); другой трепанированный череп из Саккары хронологически соотносится с XXV династией (около 600 г. до н.э.); еще один перфорированный с двух сторон череп из Саккары — уже с правлением Птолемеев (323 г. до н.э. — 30 г.). В перечне трепанаций Египта упоминаются мероитский трепанированный череп (50–200 гг.), черепа из Александрии (ок. 200 г.), из Гизы (византийский период, 395–638 гг.). Соответственно, можно проследить три периода инокультурного влияния. Первый период соотносится с воздействием трепанационного центра в Палестине, второй — с греческим вторжением и третий, наиболее поздний, — с завоеванием Египта римлянами.

Анализ религиозных текстов Книги мертвых и более поздних сообщений античного автора Диодора показал: прижизненное вскрытие черепной коробки у древних египтян было запрещено. Папирусы Эдвина Смита и Эберса, содержащие множество сведений о врачебных умениях египетских жрецов, молчат о трепанациях. Очевидно, что, хотя египетская медицина обладала всеми необходимыми для краниотомий знаниями, религиозные запреты были сильнее, и нарушение целостности черепа допускалось только после смерти человека при мумифицировании (детали бальзамировки подробно освещает в своей «Истории» Геродот).

В то же время в Северной Африке, у соседей египтян, на протяжении нескольких тысяч лет сохранялась традиция символического рубцевания головы.

Если взглянуть на карту современной России, можно выделить регионы, в которых концентрируется большинство случаев трепанирования.

В эпоху бронзы трепанации производили главным образом в европейской части страны. В эпоху раннего железа центр операций на своде черепа находился в Центральной Азии, включая Алтае-Саянское нагорье и Минусинскую котловину.

В эпоху ранней бронзы, точнее в IV–III тысячелетиях до н.э., трепанации были, как правило, прижизненными и выполнялись скребком. Большинство перфорированных черепов найдены в нижнем течении Дона. Для этого периода характерна локализация отверстий на теменных и затылочных костях. Максимальная величина отверстий достигает 50 мм, это по сравнению с некоторыми центрально-европейскими синхронными образцами совсем небольшие отверстия. В эпоху средней бронзы, точнее, в первой половине II тысячелетия до н.э. трепанации часто проводились в затылочной области. Большинство операций, несомненно, были сделаны при жизни. Есть доказательства существования в этот период трепанационной практики и среди населения Нижнего и Среднего Поволжья. Некоторые черепа перфорированы неоднократно в области теменных и затылочной кости.

В междуречье Ветлуги и Унжи население раннего железного века изготавливало амулеты-подвески из человеческих костей, в том числе и черепных.

О существовании мощного центра посмертного трепанирования черепов в Южной Сибири было известно уже давно. Однако неожиданным результатом работ последних лет стали данные о разнообразии форм этого трепанирования и о сочетании прижизненных операций с посмертными процедурами, характерными для погребального обряда. Эпохальный вектор подобного сочетания прижизненных и посмертных трепанаций направлен из Северо-Западной Монголии через Туву в Минусинскую котловину.

Включение в научный оборот все новых материалов с территории Алтая (в том числе из казахстанской его части), из Западной Сибири позволяют говорить об устойчивом феномене трепанирования черепов, характерном для огромного пласта кочевых скотоводческих культур середины и конца раннего железного века.

Этнические и культурные связи этого населения всегда были предметом обсуждения антропологов. Вполне допустимо, что по распространению различных техник перфораций черепа можно проследить контакты и миграции степных народов. Вместе с тем спорадические находки на территории Центральной Азии и Восточного Туркестана свидетельствуют о том, что местное население проводило трепанации черепов еще до эпох энеолита и бронзы.

В раннем средневековье центр операций на черепе вновь переместился в европейскую часть России: на Среднюю Волгу, Средний Дон и на Северный Кавказ — в Дагестан и Осетию. Большинство операций, датируемых VII–IX вв., относятся к разновидности прижизненной символической трепанации. Несколько позже, после так называемого периода завоевания, символические трепанации в массовом порядке распространяются в средневековой Венгрии и Болгарии. Можно смело утверждать, что символические трепанации являются специфическим индикатором

Великого переселения народов, охватившего в I тысячелетии огромные массы людей. Начавшись в северной части Китая и закончившись тысячу лет спустя в Европе, это движение привело к образованию новых этнокультурных общностей на всем евразийском континенте. Тем более примечательно распространение в этот период техники трепанирования с востока на запад, отражающее общность духовной жизни кочевых племен и пути миграций. Трепанационные знания и умения распространялись вместе с артефактами материальной культуры. При общей оценке причин для проведения трепанирования магические аспекты доминируют, по крайней мере, на территории Восточной Европы и Азии.

Касаясь вопроса о происхождении и распространении трепанационного феномена в пределах евразийского континента, нельзя не отметить, что сложившиеся представления об основных очагах краниотомии и их первичности нуждаются в коррекции. Сейчас мало кто сомневается в наибольшей древности приднепровского мезолитического трепанационного очага. Неолитические трепанации с юга Франции теперь не могут считаться исключительным явлением в ту эпоху. Практика прижизненных и посмертных манипуляций с телом была значительно шире и охватывала в эпоху неолита горные районы Испании и Португалии, где, по-видимому, была рядовым явлением. Недостаток сведений с азиатской части континента долгое время заставлял исследователей объяснять распространение трепанаций в этом регионе инокультурным воздействием, связанным, к примеру, с арабским влиянием. Однако сложная погребальная обрядность и манипуляции с головой умершего на Ближнем Востоке, энеолитические и относящиеся к эпохе бронзы случаи прижизненного и посмертного трепанирования в северных провинциях Китая и в Южной Сибири доказывают глубокую древность азиатского трепанационного очага.

Сегодня заслуживают внимания моноцентрическая и полицентрическая гипотезы, объясняющие появление трепанирования.

После картирования 168 случаев трепанаций Г. Ульрих выделил в качестве первичного очага распространения трепанаций неолитические мегалиты на юге Франции в департаменте Лозеры. Далее, согласно Ульриху, происходил дрейф в северном направлении, о чем свидетельствуют многочисленные трепанированные черепа из каменных ящиков культуры Сены-Уазы-Марны (округ Парижа). Из Парижского трепанационного очага расходятся лучи, связывающие этот центр с другими — в Западной Франции, Южной Англии, Дании, Швеции и Центральной Германии. Немецкий археолог Бем Бланке, например, показал сходство в конструкции погребений и в религиозных представлениях у поздненеолитического населения Центральной Германии и более ранних обитателей Франции. Из Центральной Германии «трепанационная дорога», как полагает Ульрих, вела на восток до Одера и через Богемию в Моравию. В Венгрии и Румынии трепанации возникли в позднем неолите, в Австрии и Словакии — в эпоху бронзы, в Швейцарии — уже в раннем железном веке. В эпоху металла трепанирование в Европе явно шло на спад по сравнению с неолитом, и в конце латенского времени практически исчезло. В X–XI вв. возник новый центр трепанирования на территории Венгрии, что соотносится с последствиями Великого переселения народов. В народной медицине юга Европы трепанирование сохраняло свое значение до конца XIX в. у сербов, албанцев и черногорцев.

Если принять за исходную точку мезолит, полицентрическая теория происхождения трепанаций оказывается более убедительной. Одним из первичных очагов стала Северная Африка, откуда трепанации проникли в Южную Европу (первоначально — в Испанию и Португалию). Другой очаг располагался в Восточной Европе, и, возможно, ее население наследовало значительно более древние «кроманьонские» традиции. Третий очаг, несомненно, связан с Ближним Востоком. Лечебные трепанации здесь долгое время не были известны, но культ головы и разнообразные посмертные с ней манипуляции имеют древнейшие корни.

Что касается населения Америки, Австралии и островов Океании, трепанации там появились слишком поздно, чтобы можно было проследить какую-нибудь связь этих знаний со Старым Светом. Пока такими данными наука не располагает. Скорее всего, умение производить трепанации возникло независимо в разных центрах. Тем не менее, поражает сходство некоторых приемов, применявшихся индейцами Центральной и Южной Америки и некоторыми азиатскими и европейскими народами древности. Это значит, что трепанации — универсальное явление. Хирургические методы изобретаются независимо друг от друга вновь и вновь.

Трепанирование в древнем мире покоится на мощном фундаменте психологических предпосылок, на архетипах, отраженных в культе черепа, в обрядах инициации и погребения, поэтому установление единственного места на Земле, откуда пошли трепанации, вряд ли разрешимая задача.

Река времени течет не останавливаясь. И вот уже мы, жители XXI в., спешим с мобильниками по своим делам. Нас окружают персональные компьютеры и прочие сложные технические приспособления. Наш мозг захлестывают потоки информации, которую он уже не в состоянии воспринять. В этой суете мало кто задумывается о прошлом.

А ведь до нас на планете Земля сменились сотни тысяч поколений. Эти люди тоже о чем-то мечтали, надеялись на лучшую жизнь. Они жили неспешно и, может быть, понимали и знали о себе что-то такое, что мы успели забыть.

История — благородная наука. Она основана на уважении к нашим предкам, которые были ничуть не глупее нас. Просто они жили в свое время. Изучая ушедшие цивилизации, религии, быт и умения канувших в Лету народов, мы не только отдаем дань долгому пути, который прошло человечество, мы можем лучше понять себя сейчас.

Как мы успели убедиться, уже в глубокой древности человек осознавал собственное тело как ключевой элемент мироздания. Поэтому разные манипуляции с телом приобрели особое «общественное» значение.

Изучение таких действий необходимо объединить с попытками гуманитарных наук решить фундаментальные вопросы происхождения изобразительного искусства, возникновения и развития обрядов погребения, проблемы, связанные с развитием личности человека и опытами самоидентификации. Трепанирование связано с появлением в древнем мире когорты людей, охваченных «божественным безумием», и уже только по-

этому оно семантически сближается с древним шаманизмом, лицедейством и другими областями социальной деятельности, в которых господствовало измененное сознание человека. Рискованность операции имеет ярко выраженный характер. Прочные нити связывают трепанации с другими способами погружения в пограничные и переходные состояния — с инициациями и жертвоприношениями, нацеленными на умирание в одном и возрождение в другом качестве. Многочисленные ссылки на жертвоприношения, приводимые в нашей работе, неслучайны. Они выпукло выделяют не только свойственную человечеству тягу к саморазрушению, но и разнообразный общественный опыт обращения с телом.

Замечательный французский ученый Клод Леви-Стросс писал, что сотни, даже тысячи обществ, называемых нами «недостаточно развитыми», «примитивными», обладали огромными познаниями в использовании такой машины, как человеческое тело. Характерно, что древнейшие лечебные краниотомии эпохи мезолита выполнены в сложной технике — сверлом, а не скребком, как можно было бы ожидать, основываясь на идее линейного прогресса. Сложность производившихся в эпохи неолита и бронзы операций поражает воображение современного человека, вооруженного богатыми техническими средствами. При этом процент успешных операций был в те времена очень высок. Вплоть до античного времени можно говорить о высоком уровне хирургии черепа в тех областях Старого Света, где операциям на своде черепа не препятствовали религиозные запреты. В римское время появился набор хирургических инструментов, некоторые из них имели совершенно современную форму. Однако в средневековые европейцы забыли многие достижения предшествующих эпох, что тем не менее никак не сказалось на популярности краниотомий.

Мотивом для осуществления прижизненных и посмертных трепанаций могли быть усилия, направленные на преобразование сущности человека, и это находит косвенное подтверждение в

частом сочетании трепанирования и масок, выполнявших ту же функцию.

Ритуальные ампутации и трепанации в контексте господствовавших в традиционном обществе магико-религиозных представлений не являлись чем-то иррациональным, напротив, они представлялись логичным и разумным поведением.

Современные ученые, объясняя подобные явления, основываются на рационалистических представлениях, отражающих научный подход к хирургии, который сложился в европейском обществе лишь в последние столетия.

Однако неслучайно трепанированию часто подвергались очень опасные места, например область брегмы, где всегда есть риск повредить крупные кровеносные сосуды и вызвать летальное кровотечение. Этому места стараются избегать современные нейрохирурги, но почему-то опасность операции не останавливала древних знахарей от вскрытия черепа именно в этом участке, хотя, безусловно, уровень эмпирических знаний был очень высок и место вмешательства избиралось не по недомыслию. Огромные размеры трепанационных отверстий, прослеживаемые в некоторых культурах, также создавали дополнительную угрозу для жизни оперируемого, и тем не менее такие операции производились. Обращает на себя внимание стойкая привязка трепанационных отверстий к определенным участкам головы, позволяющая говорить о типичных для каждой культуры традициях, иногда даже довольно специфичных. Такую же устойчивую локализацию обнаруживают и поверхностные символические трепанации, обрядового значения которых не отвергают даже самые стойкие приверженцы медицинских интерпретаций.

Все это говорит в пользу того, что трепанации были осознанно рискованными операциями и совершались в целях, как правило, отличных от современных.

Трепанации как культурный феномен древнего мира стоят в одном ряду с другими «способами превращения»: психотропны-

ми веществами, экстатическими танцами, масками и прочими явлениями, хорошо известными этнологам. В этом действии в наиболее архаической форме проявился изначальный синкретизм мышления человека, объединявшего в неразвернутом единстве зачатки искусства, религии, донаучных представлений о природе и обществе.

1. Анучин Д.Н., 1895. — Анучин Д.Н. Амулет из человеческой кости и трепанация черепов в древние времена в России // Труды IX Археологического Съезда, 1893. — Т. 1. — М., 1895. — С. 283–297.
2. Боев П. 1965. — Боев П. Символически трепанации от СССР // Известия на Института по морфология. — Кн. XI. — 1965. — С. 113–127.
3. Боев П., Исмагулов О., 1962. — Боев П., Исмагулов О. Трепанированный череп из Казахской ССР // СЭ. — № 2. — 1962.
4. Всеволодский (Гернгросс) В., 1929. — Всеволодский (Гернгросс) В. История русского театра. — Л.-М.: Теа-Кино-печать, 1929. — 576 с.
5. Гаспаров М.Л., 1995. — Гаспаров М.Л. Занимательная Греция: рассказы о древнегреческой культуре. — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1995. — 381 с.
6. Геродот, 2001. — Геродот. История / Пер. Г.А. Стратановского. — М.: Ладомир, 2001. — 739 с.
7. Гиппократ, 1994. — Гиппократ. Избранные книги / Пер. В.И. Руднева. — М.: Сварог, 1994. — 736 с.
8. Гойхман В.А., 1966. — Гойхман В.А. О трепанации черепа в эпоху мезолита // Вопросы антропологии. — Вып. 23. — С. 111–118.
9. Горощенко К., 1899. — Горощенко К. Гипсовые курганные маски и особый вид трепанации в курганах Минусинского округа. — М., 1899.
10. Гохман И.И., 1989. — Гохман И.И. Палеоантропология и доисторическая медицина // Антропология — медицине. — М., 1989.
11. Дэрумс В.Я., 1970. — Дэрумс В.Я. Болезни и врачевание в древней Прибалтике. — Рига: Знание, 1970.
12. Киселев С.В., 1951. — Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М.: Наука, 1951. — 643 с.
13. Леру Ф., 2000. — Леру Ф. Друзиды. — СПб.: Евразия, 2000. — 288 с.
14. Медникова М.Б., 2001. — Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. — М.: Научный мир, 2001. — 314 с.

15. Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж., 1991. — Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж. Обряд моделировки лица по черепу у племен катакомбной общности // *Духовная культура древних обществ на территории Украины* / Под ред. В.Ф. Генинга. — Киев: Ин-т археологии АН СССР, 1991.
16. Пирпилашвили П.М., 1973. — Пирпилашвили П.М. Палеоантропологические материалы по изучению болезней, повреждений костей и лечебных манипуляций в древней Грузии / Дис. на соискание уч. степени кандидата медицинских наук. — Тбилиси: Гос. Мединститут, 1973.
17. Полосьмак Н.В., 2001. — Полосьмак Н.В. Всадники Укока. — Новосибирск: Инфолио-Пресс, 2001. — 335 с.
18. Пропп В.Я., 2000. — Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. — 336 с.
19. Рохлин Д.Г., 1965. — Рохлин Д.Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох — нормальные и патологически измененные). — М.-Л.: Наука, 1965. — 303 с.
20. Смирнов Ю.А., 1991. — Смирнов Ю.А. Мустьерские погребения Евразии. — М.: Наука, 1991. — 341 с.
21. Смирнов Ю.А., 1997. — Смирнов Ю.А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. — М.: Восточная литература, 1997. — 279 с.
22. Художественная культура первобытного общества, 1994. — Мировая художественная культура. — Т. 1: Художественная культура первобытного общества / Сост. И.А. Химик. — СПб.: Славия, 1994. — 416 с.
23. Чхартишвили Г.Ш., 1999. — Чхартишвили Г.Ш. Писатель и самоубийство. — М.: Новое литературное обозрение, 1999. — 576 с.
24. Шпакова Е.Г., 1996. — Шпакова Е.Г. Точечная деформация и особенности ее проявления // *Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Материалы IV годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН.* — 1996. — С. 257–259.
25. Щербакова Т.Т., 2000. — Щербакова Т.Т. «Необычные объекты» культурного слоя палеолитических поселений как предмет специального изучения // *Теория и методология архаики.* — Вып. 2. — СПб.: Европейский дом, 2000. — С. 43–54.
26. Элиаде М., 1998. — Элиаде М. Азиатская алхимия. — М.: Янус-К, 1998. — 604 с.
27. Элиаде М., 1999. — Элиаде М. Очерки сравнительного религиозоведения. — М.: Ладомир, 1999. — 488 с.
28. Элиаде М., 2000. — Элиаде М. Миф о вечном возвращении. — М.: Ладомир, 2000. — 414 с.

29. Элиаде М., 2002. — Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. — К.: София; М.: ИД «Гелиос», 2002. — 352 с.
30. Юнг К., 1998. — Юнг К. Бог и бессознательное. — М.: Олимп; АСТ Лтд., 1998. — 480 с.
31. Ackerknecht E.H., 1967. — Ackerknecht E.H. Primitive Surgery // Diseases in Antiquity / Eds. D.R. Brothwell and A.T. Sandison. Thomas Illinois. 1967. P. 635–650.
32. Anda T., 1951. — Anda T. Recherches archéologiques sur la pratique medicale des Hongrois a l'époque de la conquete du pays // Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. T.1. 1951. P. 7–316.
33. Aufderheide A., Rodriguez Martin C., 1998. — Aufderheide A., Rodriguez Martin C. Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
34. Bartucz L., 1966. — Bartucz L. A praehistoricus trepanacio es orvostorteneti vonatkozásu sirleletek. Palaeopathologia III. Budapest, 1966. 606 p.
35. Batuella M.C., Aleman I., Jimenez S.A., 2000. — Batuella M.C., Aleman I., Jimenez S.A. Los Huesos humanos. Manipulacion y alteraciones. Barcelona: Edicions bellaterra, 2000. 229 p.
36. Bienert H.-D., 1991. — Bienert H.-D., Skull Cult in the Prehistoric Near East // Journal of Prehistoric Religion. V. 5. 1991. P. 9–23.
37. Boev P., 1992. — Boev P. Historical trephinations in Europe // Diachronic trends in historical anthropology. Sbornik Narodniho Muzea v Praze. XLVI. № 3–4. 1992. P. 140–143.
38. Bologa V.L., Danila T., Ghitan T., 1958. — Bologa V.L., Danila T., Ghitan T. Sageärtiges Instrument aus einem keltischen Brandgrab, gefunden bei Galatii Bistritei / Nord Rumanien, wahrscheinlich Trepanationssage // Actas del XV Congr. Intern. de Hist. de la Medicina 1956. V. II. Madrid, 1958. P. 65–70.
39. Broca P., 1877. — Broca P. Sur la trepanation du crane et les amulettes crâniennes a l'époque neolithique // Copte rendu du Congrès intern. d'Anthropologie et d'Archéologie préhistorique. VIII section. Vol. I. Budapest, 1877.
40. Brongers J. A., 1969. — Brongers J. A. Ancient Old-Word trepanning Instruments // Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek. Jaargang 19. P. 7–18.
41. Brothwell D., 1967. — Brothwell D. Major Congenital Anomalies of the Skeleton: Evidence from Earlier Populations // Diseases in Antiquity / Eds. D.R. Brothwell and A.T. Sandison. Thomas Illinois, 1967. P. 423–443.

42. Brothwell D., 1994. — Brothwell D. Ancient trephining: multi-focal evolution or trans-world diffusion? // *Journal of Paleopathology*. V. 6. №3. 1994. P. 129–138.
43. Canci A., 1998. — Canci A. Lesioni del cranio in resti scheletrici umani di epoca neolitica rinvenuti presso l'Arma dell'Aquila (Finale Ligure, Savona) // *Bullettino Paleontologia Italiana*. V. 89, nuovaserie VII. 1998. P. 81–92.
44. Capasso L., Di Tota G., 1996. — Capasso L., Di Tota G. Possible Therapy for Headaches in Ancient Times // *International Journal of Osteoarchaeology*. Vol. 6. 1996. P. 316–319.
45. Childe V.G., 1945. — Childe V.G. Directional changes in funerary practices during 50,000 years // *Man*. V. 4. 1945. P. 13–19.
46. Como J., 1925. — Como J. Das Grab eines römischen Arztes aus Bingen // *Germania*. B. 9. 1925. S. 152–162.
47. Crump J.A., 1901. — Crump J.A. Trephining in the South Seas // *J. Roy Anthropol. Inst.* V. 31. London, 1901.
48. Durman A., 2000. — Durman A. The Vucedol Orion and the Oldest European Calendar. Zagreb, 2000.
49. Garcia Sanchez M., Jimenez Brobeil S., Ortega Vallet J.A., 1994. — Garcia Sanchez M., Jimenez Brobeil S., Ortega Vallet J.A. Trephined skull from the «Cueva de los Marmoles» (Priego de Cordoba, Spain), displaying evidence of ritual defleshing // *Journal of Paleopathology*. V. 6 № 3. 1994. P. 161–168.
50. Germana F., Fornaciari G., 1992. — Germana F., Fornaciari G. Trapanazioni, craniotomie e traumi cranici in Italia dalla Preistoria all'Eta moderna. Pisa: Giardini editori e stampatori, 1992. 193 p.
51. Grimm H., 1993. — Grimm H. Spuren heilkundlicher Versuche an ur- und frühgeschichtlichen Skeletten // *Mitt. Berliner Ges. Anthropol. Ethnol. Urgesch.* 14. 1993. S. 9–17.
52. Hahnel B., Grossschmidt K., Winkler E., 1991. — Hahnel B., Grossschmidt K., Winkler E. Trepanation einst und jetzt // *Katalog des NOLM*. N.F. 276. 1991. S. 329–335.
53. Hein P., 1960. — Hein P. Häufigkeit, Verbreitung und Lokalisation der Schädeltrepanationen in der Europäischen Vor- und Frühgeschichte. Med. Diss. Berlin, 1960. 79 pp. / 102 pp. Schädelregister.
54. Jackson R., 1988. — Jackson R. Doctors and diseases in the Roman Empire. London: British Museum Press, 1988. 207 p.
55. Jackson R., 1990. — Jackson R. Roman doctors and their instruments: recent research into ancient practice // *Journal of Roman Archaeology*. V. 3. 1990. P. 5–27.

56. Jenker F.L., 1966. — Jenker F.L. Prähistorische und pracolumbianische Schädeltrepanationen. Kultisch-theurgische oder rationell-medizinische Handlung? // *Paracelsus-Schriftenreihe der Stadt Villach*. Geleitet v. Gotbert Moro. XI. Klagenfurt: Kartner Druckerei, 1966. S. 5–36.

57. Jorgensen J.B., 1997. — Jorgensen J.B. Skeletfundene fra den middelalderlige St. Nicolai kirkegaard i Holbak // *Aarboger for Nordisk Oldkyndighed og Historie 1994–1995*. Kobehavn: det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab, 1997. P. 225–253.

58. Karolyi L., 1971. — Karolyi L. Über das Trepanationsproblem (in der Vor- und Frühgeschichtsforschung Deutschlands) // *Festschrift «Hundert Jahre Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte»*, 1969. B. III. 1971. S. 344–348.

59. Kiszely I., 1970. — Kiszely I. On the peculiar custom of the artificial mutilation of the foramen occipitale magnum // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. V. XXII, 22. 1970. P. 301–321.

60. Krizek J., 1967. — Krizek J. Prahistorische Funde von trepanierten Schädeln in der Tschechoslowakei und ihre Beziehung zur Archäopsychiatrie // *Schweizer Archiv für Neurologie, Neurochirurgie und Psychiatrie*. B. 100. H. 2. 1967. S. 411–424.

61. Kunter M., 1987. — Kunter M. Schädeloperationen seit der Steinzeit. Hohe Überlebensrate frühgeschichtlicher Schädelöffnungen // *Spiegel der Forschung 1/87*. 1987. S. 25–27.

62. Leuner H., 1970. Über die historische Rolle magischer Pflanzen und ihrer Wirkstoffe // *Vorgeschichtliche Heiligtümer und Opferplätze in Mittel- und Nordeuropa* / Hrsg. H. Jankuhn. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1970. S. 279–296.

63. Lisowski F.P., 1967. — Lisowski F.P. Prehistoric and Early Historic Trepanation // *Diseases in Antiquity* / Eds. D.R. Brothwell and A.T. Sandison. Thomas Illinois, 1967. P. 651–672.

64. Margretts E.L., 1967. — Margretts E.L. Trepanation of the Skull by the Medicine-men of Primitive Cultures, with Particular Reference to Present-day Native East African Practice // *Diseases in Antiquity* / Eds. D.R. Brothwell and A.T. Sandison. Thomas Illinois, 1967. P. 673–701.

65. Marianni-Constantini R., di Tota G., Catalano P., Ottini L., Angeletti L.R., 1999. — Marianni-Constantini R., di Tota G., Catalano P., Ottini L., Angeletti L.R. Cranial trepanation in Graeco-Roman medicine // *Journal of Paleopathology*. V. 11. № 1. 1999. P. 5–11.

66. Matiegka J., 1928. — Matiegka J. La trepanation et autres operations sur la tête a l'époque préhistorique sur le territoire de la Tchecoslovaquie // *Anthropologie* (Prague). VI, 1. 1928. P. 41–55.

67. Menschig R., 1983. — Menschig R. Zur Geschichte der Trepanation unter besonderer Berücksichtigung der Schädeloperationen bei den Kisii im Hochland Westkenian // *Düsseldorfer Arbeiten zur Geschichte der Medizin*. 57. 1983. S. 1–41, 53–69, 104–157, 161–164.
68. Mikic Z., 1998. — Mikic Z. Über urgeschichtliche Trepanationen im Gebiet von der Adria bis zum Schwarzen Meer. Ein anthropologischer Überblick // *Prähistorische Zeitschrift*. B. 73. H. 2. 1998. S. 145–150.
69. Mogle P., Zias J., 1995. — Mogle P., Zias J. Trephination as a Possible Treatment for Scurvy in a Middle Bronze Age (ca. 2200 B.C.) Skeleton // *International Journal of Osteoarchaeology*. V. 5. 1995. P. 77–81.
70. Nemeskeri J., Kralovansky A., Harsanyi L., 1965. — Nemeskeri J., Kralovansky A., Harsanyi L. Trephined skulls from the tenth century // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. XVII. 1965. P. 343–367.
71. Oliva M., 2000. — Oliva M. The Brno II Upper Palaeolithic burial // *Hunters of the Golden Age / W. Roebroeks (ser.ed.)*. Leiden: University of Leiden, 2000. P. 143–153.
72. Ortner D.J., Putschar W.G.J., 1981. — Ortner D.J., Putschar W.G.J. Identification of pathological conditions in human skeletal remains. Washington: Smithsonian Institution, 1981. P. 95–100.
73. Ousama ibn Mounkidh, 1929. — Ousama ibn Mounkidh. The Authobiography of Ousama / Trans. by G.R. Potter. London: George Routledge & Sons, Ltd., 1929. P. 172–175.
74. Pahl W.M., 1993. — Pahl W.M. Altägyptische Schädelchirurgie: Untersuchungen zur Differentialdiagnose von Trepanationsdefekten und zur Frage der Realisierung entsprechender Eingriffe in einem elaborierten prähyppokratischen Medizinsystem. Stuttgart; Jena: G. Fischer, 1993. 401 s.
75. Piggott S., 1940. — Piggott S. A trepanned Skull from the Beaker period from Dorset and the practice of trepanning in prehistoric Europe // *Proceedings of the Prehistoric Society*. V. 6. London, 1940. P. 112–132.
76. Ramsi P., 1994. — Ramsi P. Ein halbfertiges Schädelamulett aus Walpersdorf // *Nord-Österreichische Archäologie*. 5/2. 1994. S. 18–20.
77. Rogers S. L., 1985. — Rogers S. L. Primitive Surgery. Skills before science. Springfield, Illinois: Charles C Thomas Publisher, 1985. P. 3–97.
78. Ruffer M.A., 1918. — Ruffer M.A. Studies in Palaeopathology: Some recent Researches on Prehistoric Trephining // *Journal of Pathology and Bacteriology*. 22. 1918.
79. Schmidt-Wittkamp E., 1961. — Schmidt-Wittkamp E. Liegt den Schädeleroffnungen in prähistorischer Zeit ein therapeutischer Sinn zug-

runde? // Sonderdruck aus dem Zentralblatt für Neurochirurgie. H. 1/3. 1961. S. 92–102.

80. Schröder G., 1957. — Schröder G. Radiologische Untersuchungen an trepanierten Schädeln (Neolithikum-Mittelalter) // Z. Morph. Anthropol. 48. 3. 1957. S. 298–306.

81. Schultz M., 1995. — Schultz M. Die Trepanation als Indikation von Schädeldachtrauma in prähistorischer und historischer Zeit // Abstracts des Workshops «Traumatologie». Göttingen, 12–13 Oktober 1995. S. 9–11.

82. Seydel K., 1886. — Seydel K. Antiseptik und Trepanation. München, 1886.

83. Strouhal E., Jungwirth J., 1981. — Strouhal E., Jungwirth J. Künstliche Eingriffe an Schädeln aus den spätrömischen bis frühbyzantinischen Gräberfeldern in Sayala (Ägypten-Nubien) // Anthropologie (Brno). XIX/2. 1981. S. 149–162.

84. Sullivan R., 2000. — Sullivan R. The place of trepanation in proto-surgical practice in ancient Egypt // International Colloquium on cranial trepanation in human history. University of Birmingham, UK, 2000. P. 48–49.

85. Teschler-Nicola M., Berner M.E., 1994. — Teschler-Nicola M., Berner M.E. Zur Anthropologie der endneolithischen Funde aus Vucedol // Die Neandertaler und die Anfänge Europas. Eisenstadt: K. Kaus, Gruber K., 1994. P. 61–78.

86. Trepanation, 2003 / Eds. Arnott R., Finger S., Smith C.U.M. 2003. 408 p.

87. Ullrich H., 1964. — Ullrich H. Eine ungewöhnliche grobe Trepanation aus dem Neolithikum Mitteldeutschlands // Varia Archaeologica. Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte. B.16. / Hrg. P. Grimm. Berlin: Akademie Verlag, 1964. S. 55–61.

88. Ullrich H., 1966. — Ullrich H. Trepanationen: Jahrtausende alte Schädelreparaturen // URANIA. H. 7, 1966. S. 22–23.

89. Ullrich H., 1967. — Ullrich H. Entstehung und Ausbreitung der Trepanation in der Europäischen Vorgeschichte // Akten des anthropologischen Kongresses Brno (Tschechoslowakei) 1965. Brno, 1967. S. 256–259.

90. Ullrich H., 1982. — Ullrich H. Artificial injuries on fossil human bones and the problem of cannibalism, skull-cult, and burial rites // Man and his origin. Anthropos (Brno). Vol. 21. 1982. P. 253–261.

91. Ullrich H., 1989. — Ullrich H., Kannibalismus im Paläolithikum // Religion und Kult. Berlin, 1989. S. 51–71.

92. Ullrich H., 1997. — Ullrich H. Schädeloperationen in der Steinzeit // Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Bd. 18. 1997. S. 17–32.

93. Vlcek E., 1995. — Vlcek E. Genetische und paläoethnographische Aspekte der Mammutjägerpopulation von Dolni Vestonice // Man and environment in the Palaeolithic, Proceedings of Symposium Neuwied (Germany), 1993 / Ed. J. Ullrich. Liege, 1995. P. 209–221.

94. Vlcek E., Stloukal M., 1971. — Vlcek E., Stloukal M. Neurosurgical Diseases in the Prehistory of Czechoslovak Territory // Vydalo antropologicke oddeleni Narodniho muzea v Praze u prilezitosti IV evropskeho neurochirurgickeho kongressu v Praze. 1971. P. 5–18.

95. Yordanov A., Dimitrova A., 1991. — Yordanov A., Dimitrova A. Symbolic trephinations in Medieval Bulgaria // HOMO. V. 41/3. 1991. P. 266–273.

Оглавление

Предисловие	5
Глава 1	
СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПСИХИКИ. ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРИЧИНЫ ТРЕПАНИРОВАНИЯ.....	10
Глава 2	
МЕТОДЫ ТРЕПАНИРОВАНИЯ, СУЩЕСТВОВАВШИЕ В ДРЕВНЕМ МИРЕ	47
Глава 3	
ХИРУРГИЧЕСКИЕ ТРЕПАНАЦИИ	74
Глава 4	
СИМВОЛИЧЕСКИЕ ТРЕПАНАЦИИ	119
Глава 5	
РИТУАЛЬНЫЕ ТРЕПАНАЦИИ	143
Глава 6	
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ ТРЕПАНАЦИЙ	181
Заключение. Культурный феномен древнего мира	193
Литература	197

В СЕРИИ «VITA MEMORIAE»
ВЫШЛИ В СВЕТ:

Шюре Э.

Великие легенды Франции.

2-е изд. — М., 2004. — 256 с.

Рюа Ж.Ж.

История рыцарства.

3-е изд. — М., 2004. — 248 с.

Мишо Г.

История крестовых походов.

3-е изд. — М., 2003. — 368 с.

Толмачева Е.Г.

Копты: Египет без фараонов.

М., 2003. — 248 с.

Белова Г.А. Шеркова Т.А.

Русские в стране пирамид.

Путешественники, ученые, коллекционеры.

М., 2003. — 272 с.

Иванов К.А.

Трубадуры, труверы и миннезингеры.

2-е изд. — М., 2001. — 360 с.

НОВИНКА:

Ершова Г.Г.

Майя: тайны древнего письма.

М., 2004. — 296 с.

«Майя: тайны древнего письма» — это новая публикация Галины Ершовой, доктора исторических наук, автора книг, посвященных истории древних американских цивилизаций. Книга в интересной и доступной форме рассказывает о древней письменности индейцев майя и может стать своеобразным учебным пособием, позволяющим даже неподготовленному читателю овладеть основами удивительного искусства чтения текстов древних индейцев.

Многочисленные иллюстрации позволяют совершить увлекательное путешествие по книге, а данный в приложении список иероглифов, составленный дешифровщиком письма майя Ю.В. Кнорозовым, представит несомненный интерес для читателя, желающего глубже изучить данную тематику.

Книга рассчитана не только на студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников, занимающихся проблемами индеанистики и истории древней Америки, но и на самые широкие читательские круги.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

Дэвлет Е.Г.

Альтамира: у истоков искусства.

Мария Борисовна Медникова

Трепанации в древнем мире и культ головы

Ответственный редактор *Н.М. Чуличкова*

Редактор *С.Г. Обухова*

Художественное оформление *С.Ю. Гордеева*

Технический редактор *А.С. Мишачева*

Корректор *И.В. Дубчак*

Верстка *Н.С. Макогон*

Изд. лиц. ИД № 04713 от 08.05.2001. Гигиеническое заключ. № 77.ФЦ.8.953.П.104.12.98 от 28.12.98. Выдано Федеральным центром Госсанэпиднадзора. Сдано в набор 8.04.04. Подписано в печать 25.06.04. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Баскервиль». Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,09. Тираж 2000 экз. Заказ № 2140.

Издательство «Алетейа». 115569, Москва, а/я 135, «Алетейа».

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати» 443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.